

811/501/5
К СЗ2
23892 кр В. И. Сергеев

**РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
(ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)**

Чувашское
книжное
издательство

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. Н. УЛЬЯНОВА

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ ССР

В. И. Сергеев

**РАЗВИТИЕ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
(ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)**

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1991

21.635.1 - 032

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской ССР от 21 июня 1990 года и Ученого Совета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова от 19 октября 1990 года

ПРОЦЕДУРА
16 MAR 2017
2010

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор
Л. П. Сергеев;
кандидаты филологических наук
М. И. Скворцов, Г. А. Дегтярев, И. П. Павлов

Ответственный редактор
А. П. Хузангай

Сергеев В. И.
С 32 Развитие лексической семантики чувашского языка (основные тенденции). Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1991.—175 с.

Работа посвящена одной из ключевых проблем семасиологии — проблеме направленного развития словозначений многозначных слов.

На основе синхронного исследования тематических и лексико-семантических групп в пределах лексико-грамматических разрядов слов автор намечает следующие тенденции развития лексической семантики чувашского языка: семантическую объективацию и субъективацию, персонализацию, персонификацию, популяцию и абстрагизацию. Поисковая проблема получила решение в осмыслении новых терминов как антропобежное и антропостремительное развитие словозначений и лексической семантики. Исследование построено на богатом фактическом материале и увязано с практикой лексикографии.

Книга рассчитана на научных работников, студентов и аспирантов филологических факультетов, составителей толковых и двуязычных словарей, преподавателей филологии вузов и школ, а также мастеров художественного слова.

ББК 81

С 4602000000—085
М 136 (03) — 91 117—91

©

23892111
Чувашское книжное издательство, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бытует мнение, согласно которому во всех языках существует «общая тенденция движения» в семантических изменениях «от конкретного к абстрактному», от буквальных значений к фигуральным, от прямых значений слов к переносным. Но, оказывается, это непостоянная тенденция; изменения в семантической структуре слова могут происходить и в противоположном направлении: от абстрактного к конкретному [Будагов, 1977, 63]. Согласно другой точке зрения, оба направления — «от конкретного к абстрактному» и «от абстрактного к конкретному» — могут своеобразно перекрещиваться в развитии семантики одного и того же слова [Шмелев, 1977, 111].

Обычно в таких случаях берутся отдельные слова и исследуется семантический путь их развития в историческом плане. Например, лат.* *реси* «скот» → «деньги». На основе таких примеров стремятся обосновать тенденцию развития семантики «от вещественного к отвлеченному». Возможно, в истории развития этого слова вещественное значение (скот) развилось в абстрактное (деньги). Но Эмиль Бенвенист утверждает обратное, он настаивает на семантическом переходе «движимое имущество» → «скот», подчеркивая, что древнее значение этого слова могло осмысляться сравнительно отвлеченно [Цит.: Будагов, 1977, 74]. Возникает при этом естественный вопрос: какова же на самом деле направленность семантического развития приведенного выше слова? Можем ли мы на примерах семантического сдвига отдельно взятых лексем судить об общих направлениях развития лексической семантики? Ведь термин «лексическая семантика» объемнее термина «лексическое значение слова».

На наш взгляд, направление развития лексической семантики следует искать не в отдельных словах, оторванных от групп, классов, полей и систем, а отдельное связывать с об-

* Словарная статья «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егорова не определяет конкретные пути семантического развития слова *мол* «имущество, богатство», «добро, деньги». В других тюркских языках *мал* (*мол*) имеет значения «скот» и «имущество», напр.: ср. тат. *мал* 1. скот, скотина; 2. имущество, богатство, добро; 3. *перен. бран.* скотина, негодяй; чувашское *мол* значения «скот» не имеет.

щим. Только в этом случае можно говорить о тенденциях развития лексической семантики (само слово *лексика* — совокупность слов языка). Выявление их приводит к обобщению законов семантики, которые, по М. М. Покровскому, тоже раскрываются не в отдельных словах, а в группах и системах, «полях слов», связанных разнообразными отношениями [Покровский, 1985].

Ю. С. Степанов считает, что семантическое развитие слова протекает в двух основных направлениях: с одной стороны, происходит смена денотатов — процесс, в основе которого лежит метафора; с другой стороны, постоянно углубляется содержание сигнификатов благодаря органическому взаимодействию системы значений слов и системы научных понятий. По его мнению, «метафора в разных ее видах — одно из главных орудий развития лексики. Поэты и писатели осуществляют метафорические переносы в разных направлениях — от природы на внутренний мир человека, от тела человека на его духовные качества, от духа к телу, от одного явления природы к другому и т. д. Но главное направление метафорических переносов в общем языке — от самого человека и от ближайшей к человеку действительности на весь остальной мир» [Степанов, 1975, 23—24]. Заметим, что автором оставлены в стороне вопросы антропонаправленного развития семантики метонимического порядка. Поэтому и «заключительная нота» звучит так: «Семантическое развитие слова, протекающее в двух направлениях — метафорического переноса и обогащения понятия, отвечает двум основным функциям языка — практическому освоению мира с помощью метафоры и его познанию и объяснению с помощью научного понятия» (с. 26).

На современном этапе развития тюркологии заметно значительное отставание разработки проблем лексикологии и лексической семантики в особенности. Число монографий, посвященных исследованию лексической семантики, в тюркологии невелико.

Изучению смысловой структуры многозначных тувинских слов посвящена работа Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» (М.: Наука, 1987). Автор смысловые связи и отношения в области лексической семантики рассматривает на синтагматическом и парадигматическом уровнях. Смысловые связи и отношения описываются на внутрисловном (глава первая) и межсловном (глава вторая) уровнях, отмечается необходимость изучения слов в окружении, контексте.

Работа Б. И. Татаринцева грешит известным недостатком: извечные явления лексической семантики (полисемия, омонимию, синонимию) автор рассматривает с точки зрения

смысловых отношений и связей, при этом не придерживается тезиса о том, что «законы семантики выявляются не в отдельных словах...»

Разработкам проблем синхронной тюркской лексикологии посвящена монография К. М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» (М.: Наука, 1984), где автор ставит цель показать современное состояние развития лексикологии и семасиологии тюркских языков. Говоря о необходимости развития синхронно-сопоставительного направления исследований семантики тюркского слова, во «Введении» он пишет: «Дальнейших исследований на материале тюркских языков ждут такие вопросы, как слово и его значение, структура значения слова, семантические изменения в слове — так называемая содержательная сторона лексики языка».

Семасиологические проблемы разрабатываются в книге Юниса Мамедова «Лексико-семантическое развитие слов в азербайджанском языке» (Баку, 1987. Рецензию см.: СТ 1988, № 5, с. 111—112). Основной тенденцией семантического развития слова в азербайджанском языке автор считает переход от однозначности к многозначности и устанавливает пять типов такого процесса: расширение значения, увеличение числа значений, сужение значения, уменьшение числа значений, переход значений. По-своему решается им и вопрос о семантической реконструкции.

В чувашском языкознании лексической семантике посвящены лишь отдельные работы. В статье «Изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху» Н. П. Петров выявляет два направления изменений: а) тенденцию к устранению полисемии и обозначению каждого расчлененного понятия соответствующей формой; б) тенденцию к выравниванию семантической структуры чувашских слов с семантической структурой соответствующих слов русского языка [Петров, 1980, 90—93].

«Выравнивание семантической структуры» чувашских слов — это не что иное, как семантическая калька. Семантические кальки кратко описаны в работе А. Е. Горшкова, посвященной заимствованным словам в чувашском языке [Горшков, 1978, 138—139].

О правомерности и целесообразности изучения словарного состава языка по тематическим группам или семантическим полям говорит Г. А. Дегтярев. Исследуя народную терминологию земледелия, которая занимает особое место в лексико-семантической системе, автор указывает, что в языке бытуют, наряду с собственно чувашскими, общетюркские термины, заимствования и термины, «привлеченные из других семантических полей — вторичные образования». Вторичным агротерминам, образованным путем метафори-

ческого переноса, он посвятил специальную статью [Дегтярев, 1986, 25—33]. Говоря об антропоморфических метафорах, Г. А. Дегтярев правомерно затрагивает вопросы персонификации земли, растений, орудий труда, указывая при этом на глубокую социально-историческую основу метафорической персонификации, на ранние этапы человеческого мышления, когда четко не ощущалась грань между одушевленным и неодушевленным «и все элементы реального мира воспринимались как подобные людям существа: им приписывались помыслы и чувства, воля и сознание, а во многом поведение, свойственные людям» [Там же, с. 26].

Семантически производным земледельческим терминам посвящен отдельный параграф другой научной статьи Г. А. Дегтярева, где автор семантические переносы (косвенную номинацию) считает одним из способов создания терминов земледельческого цикла [Дегтярев, 1988, 41—44].

Следует подчеркнуть, что вся эта работа ведется в синхронном плане. Синхронический или синхронный подход считается особым методическим приемом, позволяющим изучить семантические процессы на определенном этапе развития языка. Синхронное изучение семантики лексических единиц — предмет описательной (статической) лингвистики. Синхронная система статична, но это не говорит о том, что семантическая система является абсолютно неподвижной и устойчивой. В каждом данном состоянии языка семантика находится в динамическом равновесии: она представляет единство устойчивого и подвижного, статического и динамического. Использование синхронного подхода оправдано также тем, что для нужд общения важно не столько историческое развитие семантики, сколько его результаты. Эти «результаты» и включают в себя элементы диахронии, ибо любая синхрония есть результат диахронии. «Если взять язык в синхронном срезе, т. е. какой-то отрезок его истории и развития, то любой язык в любом состоянии, в любой форме существования представляет собой динамическую устойчивость, сплав явлений, возникших в разное время и проявляющих различные тенденции к изменчивости. Это объясняется социальной природой языка» [Кодухов, 1974, 186].

Синхронный анализ семантической структуры слова поможет вскрыть внутреннюю сущность зависимости словозначений друг от друга, определить направление в развитии многозначных слов. Но для того, чтобы познать закономерности развития семантической структуры вокабуляра, необходимо «освещение синхронного анализа светом истории» [Ломтев, 1976, 54].

Следуя совету исследователей лексической семантики и составителей толковых словарей различных языков, мы при-

держиваемся установки частеречной разбивки исследуемого материала. В исследовательский оборот втянуты существительные, прилагательные и производные от них глаголы.

В пределах существительных и прилагательных слова разбиты на тематические, лексико-семантические и понятийные группы, в которых исследуется антропонаправленный характер развития лексической семантики.

Автор надеется, что его размышления в области теории могут быть полезными при дальнейшей разработке вопросов практической лексикографии, а также самой науки семасиологии чувашского языка.

Мы стараемся создать теорию направленного развития словозначений с учетом их лексикографической полезности. Лексикографические издания, хотя и служат источниками фактических материалов, тем не менее лексикографы вправе от нас ожидать новых исследований с тем, чтобы: а) внести поправки в существующие двуязычные словари; б) использовать добротный материал для планируемого толкового словаря чувашского языка.

Используемые в данной работе термины объективация, лексико-семантическая объективация, субъективация, персонализация требуют разъяснения.

Под лексико-семантической объективацией, вслед за И. С. Торопцовым, понимается «процесс материализации, закрепления в звуковой оболочке лексической единицы «идеального содержания», значения (значений. — В. С.) лексической единицы» [Торопцов, 1964, 63]. Но в то же время не следует забывать, что термин объективация происходит от основы объект. Объект (от позднелат. *objectum* — предмет) — понятийная, философская категория, выражающая то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Субъект — в понятийно-философском плане — познающий и действующий человек (личность, лицо), существо, противостоящее внешнему миру как объекту познания.

Таким образом, противопоставление объективного и субъективного в семантике принимает философскую (понятийную) форму противопоставления объективного и субъективного в познании. Прекрасно понимая то, что человек (лицо, личность) является и субъектом, и объектом социальных отношений, в нашей работе, посвященной семантике, сознательно проводится четкая грань между терминами объективация и субъективация: объективация именуется предметизацией, а субъективация персонификацией и персонализацией.

Итак, под лексико-семантической или семантической субъективацией подразумевается процесс образования зна-

чений лексической единицы с общим категориальным значением «человек, лицо». Приступая к изложению темы, нам хотелось бы подчеркнуть, что антропосемантика прежде всего говорит человеку о нем самом.

Понятиям субъективация (персонализация, персонификация) и объективация (предметизация) посвящены отдельные главы нашей работы, но особое предпочтение отдано процессам персонализации, персонификации, на основе чего сформулировано наличие особого раздела семасиологии — антропосемантики.

Учитывая то, что человек является и природным, и социальным существом, в науках о человеке выделяются разные планы анализа: первый — это отношение «человек — общество», второй — «человек — природа», третий — «человек и культура», четвертый — «человек и технический прогресс» и т. д. Но, как правильно пишет Т. Г. Винокур, забыто (или отодвинуто на последний план) лишь глобальное, предопределяющее все остальные соединения «человек и язык» [Винокур, 1989, 361].

Процесс семантической субъективации включает в себя два совершенно разных направления в развитии семем многозначных слов: персонализацию и персонификацию. При этом персонификация означает, что метафорический или метонимический перенос осуществляется в направлении от предметов живой и неживой природы к человеку. Под персонализацией подразумевается развитие номинативно-производных значений, происходящих в семантической структуре антропосемизмов по модели «человек — человек», например, *хёр* 1. дочь; 2. девочка, девушка, девица; 3. невеста; *арам* 1. жена, супруга; 2. женщина (замужняя) и т. д.

Общественными науками человек исследуется как основной компонент социальной системы, как элементарный и универсальный носитель социальных качеств. Он рассматривается как основная производительная сила общества, как субъект исторического процесса, как личность и как предмет воспитания.

Обычно в системе отношений и деятельности человек предстает в двух планах: как объект и как субъект. Осмысление себя субъектом общественных отношений является таким же продуктом развития общественно-исторической практики, как осмысление мира объектов.

Человек — мыслящее и деятельное существо, которое в процессе созидания преобразует не только окружающий его мир, но и изменяет себя как субъект деятельности.

В языкознании субъект — термин, объединяющий понятия грамматического, логического (коммуникативного, психологического) и семантического. До сих пор этот термин

широко использовался в грамматике: а) в учении о членах предложения, в основном в значении подлежащего; б) в теории падежей и в теории залогов для обозначения деятеля (агенса) и противопоставлялся объекту, который в теории падежей и в теории залогов употребляется для обозначения предмета, подвергающегося воздействию (пациенса).

В лексикологии и семасиологии термины субъект и объект (а также субъективация и объективация) широкого распространения не получили. Это связано, видимо, с тем, что языковеды все еще мало уделяют внимания формуле или плану анализа «человек — язык». Нельзя не согласиться с мнением Т. -Г. Винокур, что «сейчас, начиная комплексное изучение человеческого феномена, мы должны отдавать себе отчет в том, что формула «человек и язык», будучи ключом к исследованию самых разных аспектов биологически и социологически значимой деятельности, создающей мир, восходит к наукам филологического цикла: «Лингвистика прежде всего говорит человеку о нем самом».

Если филологию мы считаем гуманитарной наукой, то в пределах этой науки человек, как носитель языка, должен выступить главным объектом анализа.

Глава 1. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ЯДЕРНОЙ СЕМОЙ «ЛИЦО». ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

А. АНТРОПОЛИНГВИСТИКА И АНТРОПОСЕМАНТИКА

Положение человека в языке неповторимо.

Э. БЕНВЕНИСТ

Бурное развитие лингвистической науки предопределило появлению новой отрасли языкознания — антропологической лингвистики (т. е. антропологической лингвистики) с новым содержанием. Старое определение антропологической лингвистики как «раздела языкознания, занимающегося изучением бесписьменных языков» [Ахманова, 1969, 217], было перекрыто новым содержанием: антропологическая лингвистика — раздел лингвистики, изучающий язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью [Постовалова, 1988, 8].

Антропологическую лингвистику в какой-то мере можно сопоставить: 1) с антропологией — наукой о происхождении и эволюции человека, при этом антропологическая лингвистика соотносится с ней по некоторым параметрам и занимается изучением таких вопросов, как происхождение и развитие человеческого языка; 2) с философской антропологией — учением о сущности человека в природе, при этом объектом антропологической лингвистики станет учение о сущности человека в языке, т. е. философская антропология занимается вопросами, касающимися положения «Языковой фактор в человеке», а антропологическая лингвистика вплотную займется освещением вопроса «Человек как фактор языка» или «Человек в языке».

Если антропологизм, как философская концепция, усматривает в понятии «человек» основную мировоззренческую категорию и при этом из нее исходит при объяснении природы, общества и мышления, то антропологическая лингвистика, как лингвистический принцип, усматривает в понятии «лицо», «чело-

век» основную лингвистическую категорию и из нее исходит при объяснении понятий «язык и мышление».

Исходный тезис антропологической лингвистики состоит в утверждении, что язык есть конститутивное свойство человека, а мышление человека осуществляется в теснейшей связи с речью и результаты его фиксируются в языке.

Это «конститутивное свойство человека» Э. Бенвенист объясняет так: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, принадлежит самому определению человека» [Бенвенист, 1974, 293]. Определение понятия «человек» не будет полным, если понятия «язык», «мышление» и «речь» не будут включены в дефиниционное предложение, определяющее понятие «человек». Ср., например, краткое энциклопедическое определение сложного понятия «человек»: живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и приобретенного» (БСЭ, т. 29, с. 51), где выражены оппозитивные признаки, по которым структурируется гиперо-гипонимическая система лиц, но здесь не говорится о том, что «человек — живое существо, обладающее даром речи и мышления, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Ожегов, 1968, 865].

Как утверждает В. И. Постовалова, «из тезиса о конститутивном характере языка для человека следуют два принципиальных методологических требования: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить его можно, лишь исходя из человека и его мира». Последовательное проведение антропологической программы изучения языка выдвигает на первый план исследование, по мнению автора, следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: 1) язык и духовная активность человека; 2) язык, мышление и сознание человека; 3) язык и физиология человека; 4) язык и психика индивида; 5) язык и культура; 6) язык и поведение человека; 7) язык и коммуникация; 8) язык и общество; 9) язык и ценности человека; 10) язык и познание и др. [Постовалова, 1988, 9].

Человек (личность, лицо) в настоящее время стал предметом исследования целого ряда наук — как естественных, так и гуманитарных. В последние два десятилетия бурно развиваются такие смежные отрасли в области языкознания, как **этнолингвистика**, которая считает своим предметом содержательное отношение языка и культуры народов; **психолингвистика**, которая ставит цель анализировать язык в его отношении к речевой деятельности носителей того или иного языка; **социоллингвистика** изучает воздействие соци-

альных экстралингвистических факторов на речевое поведение в конкретных речевых ситуациях, а через это — на структуру, функционирование и развитие языка, пути и закономерности возникновения языковых инноваций под влиянием изменений в общественной жизни; **этнопсихолингвистика** изучает национально-культурные особенности речевой деятельности и речевого поведения; **лингвострановедение** акцентирует свое внимание на социокультурных факторах, влияющих на восприятие иноязычной речи; **лингвосоциопсихология (семиосоциопсихология)** изучает место текстовой деятельности среди прочих видов общественной деятельности [Дридзе, 1980, 16, 17, 20].

С другой стороны, изучение личности (человека) с отдельных сторон: общая психология, инженерная психология, педагогика, медицина, психотерапия, антропология и т. д. подготавливают базу для теоретических выводов для филологического познания понятия «человек».

В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются три круга проблем (а не два, как это предполагает В. И. Постовалова): 1) как человек влияет на язык; 2) как язык влияет на человека, его мышление, культуру; 3) какими языковыми средствами отображается, характеризуется человек (лицо).

Введением третьего круга проблем в антропологистику в качестве методологической основы начинается новый этап исследования человеческого фактора в языке — этап антропоцентрического подхода к описанию языковой картины мира (ЯКМ) и языковой картины человека (ЯКЧ). ЯКЧ это примерно то, что Э. Бенвенист называет «Человек в языке» и делает названием целого раздела своей книги «Общая лингвистика». Здесь он пишет: «Язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком?» [Бенвенист, 1974, 295].

Лексема «субъективность» является производным от слова «субъект», которое имеет два основных значения: 1) «познающий и действующий человек, противостоящий внешнему миру как объекту познания и преобразования»; 2) «подлежащее — субъект предложения». Нас интересует первое значение. Но следует сказать, что субъект воспринимается нами как «личность», «человек», поэтому за субъективностью вскрывается более общее свойство языка: язык — семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидуумом. Эту черту лингвистической концепции Ю. С. Степанов называет антропоцентрическим принципом [Степанов,

1975, 50; 1974, 14] и отмечает: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка, в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке человека и о человеке в языке, наукой гуманитарной...»

Вопросы антропоцентризма (человек в языке) интересовали не только Э. Бенвениста. Проект создания науки о языке на антропологических началах был разработан В. Гумбольдтом, который утверждал, что «человек становится человеком только через язык» [Гумбольдт, 1984, 314; 349].

И. А. Бодуэн де Куртене был одним из первых, который поставил в связь антропоцентризм и недискретность [Бодуэн, 1963, 311].

По мнению Ю. С. Степанова, принцип антропоцентризма является одним из оснований процесса «укрупнения грамматики, лексикологии, семасиологии и синтаксиса» [Степанов, 1975, 18—32].

В последние годы, в связи с бурным развитием семасиологии, лингвисты все чаще обращают внимание на роль антропоцентрической метафоры (но антропоцентрическая метонимия все же ускользает из поля зрения исследователей).

Метафора самым непосредственным образом связана с человеческим фактором в языке, благодаря ей в семантических структурах слов и словосочетаний запечатлеваются замысловатые чудо-значения, которые характеризуют иносказательно не только окружающие нас предметы, но и самого человека. Благодаря метафоре (и метонимии) человек усматривает сходство или смежность между гетерогенными сущностями, понятийно устанавливает аналогию между ними. Таким путем по антропоцентрическому конону создается «наивная картина мира» (вернее: метафорическая или метонимическая картина мира) и «наивная картина человека», которые находят выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как «определенные» константы, как лица и живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами [Телия, 1988 а, 174].

Одним из проявлений антропоцентризма считается антропометричность — это осознание человеком себя как «меры всех вещей», т. е. человек измеряет все формы бытия в масштабе своего опыта и знания и по своему образу и подобию. По словам В. Н. Телия, «антропометричность — способность помыслить одну сущность как если бы она была подобно другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений,

а вместе с тем — и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» [Телия, 1988 б, 40].

Антропоцентричность, а вместе с ней и антропометричность метафоры и метонимии самым прямым образом вписываются в современную антропологическую парадигму научного познания, исходящую из допущения, что человек познает окружающий его мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем.

Но наряду с серией метафорически или метонимически «осмысленной» личности (человека), которая по праву относится к номинативно-экспрессивному фонду лексики и семантики, в языке имеется довольно широкий пласт собственно-номинативных единиц — названия лиц. Названия лиц (антропонимы ин*), по нашей терминологии антропосемизмы, — своеобразный неисследованный участок чувашской лексической системы. Они не были предметом всестороннего исследования и в тюркологии.

В число задач, в первую очередь, входит анализ внутренней организации антропосемизмов, разбивка их на различные тематические и лексико-семантические группы в плане выявления их одно- или многозначности и определения направления (тенденции) семантического развития полисемантов.

При изучении собственно-номинативных и номинативно-экспрессивных единиц — названий лиц — за исследуемую единицу принимаются основные и производные значения антропосемизмов, которые могут быть именованы как собственно-антропосемемы ср.: *хёр* 1. дочь, 2. девочка, 3. невеста. При описании образных, метафорически осмысленных названий лиц, которые всегда характеризуются как номинативно-экспрессивные, за исследуемую единицу принимаются переносные значения многозначных слов и именуется они переносными антропосемемами или метаантропосемемами; ср.: *шёршлёр* 1. кочедык → *перен.* 2. малыш, малец (о ребенке); *тилё* 1. лиса → 2. хитрец.

Все это в целом является объектом исследования нового раздела семасиологии — антропосемантики, в которой исследуются и описываются собственно- и переносные антропосемемы. Само слово «описываются» говорит о том, что описание является синхронным, которое предполагает проводить исследование вне всяких исторических соображений. Но не следует забывать, что синхронное описание антропосемем — не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые семантические сдвиги в семантическую систему языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем са-

* Ин — имена нарицательные.

мым синхронное описание антропосемем и семантических переходов, происходящих как в антропосемизмах, так и за пределами их оказывается так или иначе первым этапом исторической реконструкции. Это говорит о том, «что одно и то же синхронное явление в языке может рассматриваться с двух точек зрения: либо чисто статически, когда мы констатируем само наличие этого явления и его собственные отличительные признаки, либо процессуально, когда мы стремимся определить, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единицы (или единиц) может считаться... Именно во втором случае нашей целью оказывается описание динамики возникновения единицы, или же ее динамическое представление» [Кубрякова, 1980, 217].

Антропоцентрический и (антропометрический) подход к исследованию антропосемем применим не только к именам существительным, но и к прилагательным, местоимениям, глаголам и ономактопозитизмам (т. е. подражательным словам). Уже при исследовании семантики экспрессивных антропосемем, появляющихся при переносе «предмет → человек», «животное → человек», в качестве идентификатора используются прилагательные, как *глупый, хитрый, коварный, злой, неряшливый, неуклюжий* и т. д. Например, *тиле* «лиса» → «хитрый человек: хитрец, лстец», *ёне* «корова» → «неповоротливый человек: увальень» и т. д. Это уже говорит о том, что исследование семантики прилагательных требуют антропометрического подхода. Если в существительных закономерен семантический сдвиг «предмет → человек», то в прилагательных этот переход должен происходить по модели «признак предмета → признак человека» или наоборот; а в глаголах, естественно, должен отображаться семантический сдвиг «действие человека → действие предмета» или наоборот.

Все эти вопросы ждут своего исследователя. Всесторонне должен быть проанализирован характер номинативно-производных и переносных значений не только существительных, но и слов других частей речи. Для успешной работы над заданной темой исследуемый материал должен рассматриваться в пределах тематических и лексико-семантических групп.

Б. ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО) ПОЗНАНИЯ

Язык прежде всего связан с человеком, поэтому человеческий фактор в языке должен быть изучен со всех сторон. Но в то же время не следует забывать и о том, что человек (личность) является не только мнимым фактором, но и длинным предметом исследования в языке.

«Личностные свойства человека» выражены не только в отдельных словах той или иной части речи, которые в свою очередь выстраиваются в парадигматические группировки, но и в словосочетаниях (в свободных и связанных), в идиомах и паремиях.

Для начала обратимся к существительным — именам лиц. Этот разряд слов выделяется из состава конкретной лексики на основе совокупности следующих семантических признаков: предметность, конкретность, одушевленность, счисляемость, лицо; т. е. класс имен лиц выделяется на основании общего инвариантного признака «лицо», в то время как названия животных (зоосемизмы, зоонимы) выделяются на основе совокупности категориальных семантических признаков: предметность, конкретность, одушевленность, счисляемость, нелицо.

Имена лиц все чаще и чаще становятся объектом исследования лексикологии и семасиологии в языках разных народов.

Класс имен лиц, т. е. микросистема антропонимов английского языка, по данным А. А. Уфимцевой, насчитывает более 6000 единиц словаря [Уфимцева, 1988; 126].

А. С. Белоусова, которая посвятила данной теме ряд статей, классификацию имен лиц построила на материале, извлеченного из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, в котором имена лиц представлены в объеме около 6 тысяч единиц. Автор данной работы не довольствовался материалом словаря С. И. Ожегова, а дополнил общий список антропонимов ин* до 10 тыс. единиц [Белоусова, 1989, 132].

Предложенный А. А. Уфимцевой для класса лиц обобщенный термин **антропоним** удобен, но, к сожалению, совпадает по созвучию с известным термином, обозначающим «собственное имя человека», поэтому возникает необходимость разграничения их индексами *ин* и *ис*, т. е. **антропоним ис**** и **антропоним ин**. Но и эта расчлененность терминов вызывает определенные неудобства, поэтому в нашей работе, как было указано, антропонимы *ин* будут именованы **антропо-семизмами**.

* Ин — имя нарицательное, **ис — имя собственное.

Число антропосемизмов в чувашском языке, по данным ЧРС 1982, составляет около 3 тыс. единиц, но если включить в этот список персонифицированные конверсивы и субстантивирующиеся прилагательные, местоимения, причастные формы глаголов, то число антропосемизмов превышает 8 тыс. единиц.

Следует иметь в виду, что за исследуемую единицу при этом принимается отдельное слово в основном номинативном значении. Следует учесть и то, что в чувашском языке для наименования лиц широко используются расчлененные составные термины (компози́ты) типа *арşын ача*, *ывăл ача* «мальчик», *хёр пултăр* «свояченица», *амаşури ывăл* «пасынок», *амаşури хёр* «падчерица» и т. д., которые, естественно, не являются лексическими единицами, но при описании класса лиц не могут быть оставлены без внимания.

Немаловажным оказывается и тот факт, что частенько исследователи за исследуемую единицу принимают отдельное значение многозначного слова. На наш взгляд, лексемы типа *тилё* «лиса» → «хитрец, лстец» не могут быть включены в число антропосемизмов непосредственно, ибо лишь вторичные (переносные) значения их выражают характеристику лица, в силу этого мы можем говорить лишь о производных антропосемемах, т. е. зооним или зоосемизм *тилё* содержит зоосемему «лиса» + метаантропосемему «хитрец». Выходит, семеме «лицо» могут содержать не только антропосемизмы с основными (узуальными) значениями, но и другие классы слов, обозначающие животные, растения, предметы, артефакты и т. д.

Поскольку класс имен лиц широкий и семантически разношерстный участок лексики чувашского языка, в первую голову приходит мысль об анализе внутренней организации антропосемизмов, об их семантической классификации в виде отдельных групп: лексико-семантических и тематических, а затем изучение их с точки зрения одно- или многозначности.

Исходя из узуального (основного) значения, названия лиц могут быть сгруппированы в два больших класса: 1) собственно-номинативные антропосемизмы, т. е. антропономинативы и 2) номинативно-экспрессивные (коннотативные, эмотивные, субъектно-оценочные) антропосемизмы, т. е. антропоэкспрессивы (антропоэмотивы).

В разряд собственно-номинативных антропосемизмов включаются: а) природные (производные и непроизводные) чувашские слова: *ача* «ребенок», *пулăçă* «рыбак», *хёр* «девочка, девушка», *каскалакан* «столяр», *çăваш* «чувашин», *ăста* «мастер», *ăсчах* «мудрец» и т. д.; б) заимствованные из русского языка или через его посредство: *автор*, *агент*, *ақтер*, *абхаз*, *агрессор*. В большинстве своем эти антропосемизмы

стилистически нейтральны, т. е. характеризуются отсутствием положительных или отрицательных стилистических свойств или характеристик. Таким образом, при выделении этих разрядов ориентируемся на теорию двух стилей: стиль нейтральный и стиль экспрессивно-оценочный (или эмотивно-оценочный).

Что касается заимствованных слов, то они в большинстве своем однозначны*, но среди них есть слова, перенятые в двух или более значениях. Например: *баритон* 1) голос; 2) певец с таким голосом; 3) музыкальный инструмент; *бас* 1) голос; 2) певец с таким голосом; 3) музыкальный инструмент.

Составители словаря частенько не учитывают метонимию «тип голоса» → «певец с таким голосом», поэтому в рубрикации под номером один в обоих случаях стоит следующий текст: *баритон* (басран çинçерех сасă тата çав сасăпа юрлакан); *бас* (хулăн сасă тата çав сасăпа юрлакан), а следовало бы при этом указать на трехзначность этих лексем. То же самое касается и лексемы *альт*. Но в словаре нет единообразия. Например, в словарной статье *сопрано* метонимический сдвиг «тип голоса» → «певец» учтен: 1) *сопрано* (хĕрарăмăн чи çинçе саси); 2) *сопрано* (юрăçă). В таких случаях мы имеем дело с лексико-семантическим заимствованием (или калькированием).

Номинативный фонд (т. е. собственно-номинативные антропосемизмы) и экспрессивный фонд антропонимов (т. е. номинативно-экспрессивные антропосемизмы) строятся на принципах ступенчатой инклюзии, т. е. имена лиц представляют собой определенным образом организованную систему, имеют свою внутреннюю, присущую только им, организацию в виде многочисленных группировок.

В нашу задачу входит не только классификация антропосемизмов (выделение наиболее общих классов и подклассов, лексических групп или подгрупп), но и выявление тенденций семантического развития антропосемизмов, включенных в ту или иную ЛСГ** или ТГ*** с инвариантным значением «лицо (человек)». При этом мы исходим из того, что антропосемизмы номинативного фонда представляют личность, обладающую разными характерными признаками:

1) биолого-физиологическими и антропологическими, т. е. природными свойствами (пол, возраст, национальность, внешность);

* Основным источником фактического материала при этом служит «Чувашско-русский словарь». М.: Русский язык, 1982 (1985), под редакцией М. И. Скворцова (сокращенно ЧРС 1982).

** ЛСГ — лексико-семантическая группа.

*** ТГ — тематическая группа.

2) социальными и трудовыми и родственными отношениями;

3) положительной психической деятельностью (способностью мыслить, проявлять волю).

Примерную структуризацию антропосемизмов лексики современного чувашского языка мы могли бы привести в таком виде:

1. Человек, характеризующийся по его трудовой деятельности (т. е. названия лиц по нейтрально или позитивно оцениваемой деятельности, занятиям): *хресчен* «крестьянин», *рабочи* «рабочий», *пулăçă* «рыбак», *ёсчен* «труженик», *ёслевсё* «работник», *ёссынни* «труженик».

2. Человек, характеризующийся как специалист какой-либо отрасли знаний или практической деятельности: *ăста* «мастер», *каскалăкан* «столяр», *тухтăр* «доктор».

3. Человек, характеризующийся по его отношению к определенному коллективу, группе людей: *пайташ* «соучастник», *ёстеш* «сотрудник».

4. Человек, характеризующийся по общности места пребывания: *ентеш* «земляк».

5. Человек как сторонник кого-л., чего-л.: *юнташ* «соратник, сподвижник».

6. Человек, характеризующийся по подчиненности: *пуçлăх* «начальник», *салтак* «солдат».

7. Человек, характеризующийся по отношению к собственности: *хуса* «хозяин», *улпут* «барин», *чура* «раб».

8. Человек, характеризующийся по месту жительства: *вирья* «верховой чуваш», *анатри* «низовой чуваш».

9. Человек, характеризующийся по возрасту: *ача* «ребенок», *самраç* «юноша», *ватă* «старец».

10. Человек, характеризующийся по полу: *арçын* «мужчина», *хёр* «девушка», *хёрарăм* «женщина».

11. Человек, характеризующийся по родству: *атте* «отец», *анне* «мать», *ывăл* «сын», *хёр* «дочь».

12. Человек, характеризующийся по национальному, расовому признаку: *татар* «татарин», *çаваш* «чувашин».

13. Человек, характеризующийся по наклонностям: *ёскёсё* «пьяница», *чёлёмсё* «курильщик».

14. Человек, характеризующийся по интеллекту: *ăсчах* «мудрец», *ухмах* «глупец».

В качестве гиперонима в чувашском языке выступают синонимичные по смыслу слова *сын* и *этем* «человек». Но семантическая структура этих лексем (по данным ЧРС 1982) различна, слово *этем* характеризуется однозначностью, а *сын* — полизначностью; ср.: *сын* 1. человек; 2. лицо, персона; 3. житель; 4. чужой человек; 5. *собр.* люди, народ, общество.

Все значения вокабулы *сын*, и даже те, которые даны в рубрике 5, выступают с инвариантным значением «лицо», поэтому мы их можем назвать антропосемемами.

Антропосемема — значение (основное или переносное) лексемы, содержащее в обязательном порядке сему «лицо».

Собирательность (см. помету. *собир.*) выступает в словарной статье *сын* как семемаобразовательная категория, чего не наблюдаем в словарной статье *этем*. Мы не должны забывать, что лексема *этем* в контексте тоже может иметь собирательное значение «люди, народ, общество», т. е. случаи употребления единственного числа для обозначения множественного или собирательности можно связать с явлением синекдохизации. Но любое существительное единственного числа с предметным (вещественным) значением в чувашском языке может выступать контекстуально в значении множественности или собирательности, поэтому этот вопрос имеет принципиальное значение при составлении словарей.

Метаморфозу семем мы наблюдаем в семантической структуре *халӑх* «народ», где значение собирательности переходит в значение единичности, т. е. «народ, люди» → «человек». Хотя современные словари не фиксируют данное феноменальное явление, но пройти мимо таких фактов, видимо, нельзя: *Пирн Хветӑрпе пит те ан калаҫ, вӑл ораҫ йушиши халӑх* (А XVI 34). «С нашим Федором ты не очень-то общайся, он другого сорта человек» (букв. народ).

Перевертыши значений существительных в форме грамматического множественного числа по линии семантического сдвига «Плюрализация → сингуляризация» наблюдается в словах, обозначающих жителей той или иной местности: *эпир мускавсем* «мы москвичи», *эпӗ мускавсем* «я москвич», *эсӗ мускавсем* «ты москвич», *вӑл мускавсем* «он москвич».

Следует заметить, что семантические структуры лексем *сын* и *халӑх* не претерпевают кардинальных изменений, т. е. не происходит семантического сдвига «расчеловечивания» смысловых компонентов, т. е. превращение свойств субъекта (субъектов) в свойства объекта (объектов), ср.: *халӑх* 1. народ; 2. народность; 3. люди, общество, публика, мир, люд; 4. население, жители; 5. народ, зрители, слушатели, присутствующие. Видимо, это и есть отличительная черта названий лиц по сравнению с предметными именами, имеющими семантические категориальные признаки: а) конкретность, одушевленность, счисляемость, нелицо (животные); б) конкретность, неодушевленность, счисляемость, нелицо (вещи, артефакты, растения), в семантических структурах которых частенько наблюдается «очеловечивание», т. е. превращение логики предмета в логику человеческих способностей, т. е. происходит постоянный метафорический перенос по модели:

животное → человек; предмет → человек: *ене* «корова» → «увалень» (неуклюжий человек), *куйкярш* «птица счастья» → «тихоня» (тихий человек); *тунката* «пень» → «остолоп» (глупый человек), *хӓмпӓ* «пузырь» → «хвастун».

Явление или процесс семантического «очеловечивания» значений в структурах многозначных слов мы называем **семантической персонификацией** (или субъективацией) и о ней речь пойдет в последующих разделах данной работы.

Для проверки гипотезы о том, что в семантических структурах антропосемизмов* не происходит (или происходит частично) расчеловечивание смысловых компонентов, мы прибегаем сначала к тематическому рассмотрению фактического материала.

В. СОБСТВЕННО-НОМИНАТИВНЫЕ АНТРОПОСЕМИЗМЫ (АНТРОПОНОМИНАТИВЫ)

§ 1. Человек, характеризующийся по роду занятий и по его трудовой деятельности

В названиях лиц по роду занятий, как и в других антропосемизмах, следует выделить общие семы (конкретность, лицо), которые служат для объединения анализируемых единиц в единый класс и семы дифференцирующие, которые служат для выделения и соотнесения друг с другом разных групп внутри класса имен лиц. Например, в слове *кӓтӓцӓ* выделяются индивидуализирующие семы: носитель активного признака, трудовой деятельности, связанной с физическим трудом, трудом по найму, уходом за животными; а в слове *кашӓкӓ* «ложкарь» выделяются семы: 1) деятельности, 2) трудовой деятельности, 3) квалифицированной деятельности, 4) деятельности, создающей предметы.

Указанные дифференцирующие семы являются теми признаками, на основе которых и происходит иерархическая классификация антропосемизмов.

Естественно, эти семы-дифференциалы играют свою интегрирующую роль только для одного из значений (в данном случае для узуального). Но каждое из приведенных выше

* Речь идет здесь только об антропонимах *ин*, т. е. об антропосемизмах, а не об антропонимах *ис*, которые, между прочим, склонны зооморфизации: Васька (кот), Маня (коза), Юрка (поросенок) и т. д. Следует иметь в виду, что не антропосемизмы, т. е. названия лиц, как таковые, а человеческое тело, в особенности части тела, являются центром метафорной экспансии. Поскольку части тела человека не являются антропосемизмами, то исследование их семантической структуры будет проведено по модели «предмет → человек».

слов является полисемантическим, в таких случаях дифференцирующие семы играют роль разграничителя семем в семантической структуре полисеманта. Например, *кашăкçă* в современном чувашском языке является двузначным: 1. ложкарь (мастер, делающий деревянные ложки); 2. ложечник (тот, кто играет на ложках, участник ансамбля ложкарей). Семный состав второго значения, естественно, отличается от первого, иначе, опираясь лишь на общие семы (конкретность, лицо), мы не смогли бы выделить семему 2. В ЧРС 1982 второе значение этого слова не зафиксировано.

Для обозначения писательской профессии носители чувашского языка используют три слова: *сыравçă*, *сыруçă* и *писатель*, но первое и третье из них, по данным ЧРС 1982, являются однозначными, а второе содержит следующие семемы: *сыруçă* 1. писарь, писец, секретарь; 2. писатель, литератор; 3. шутил. грамотей.

Помета *шутл.* при выделении словозначения «грамотей» содержит оттенок фамильярности, т. е. содержит коннотацию пейоративности. Между тем в разговорной речи чувашей и заимствованное из русского языка слово *писатель* содержит семемы «писака, клязник, жалобщик», но в словарях это не нашло отражения.

Слово *кимёçĕ* (*кимёç*) в ЧРС 1982 зафиксировано в двух значениях: 1. лодочник; 2. *уст.* судовладелец, но слово *капкăнçă* «капканист» (сотрудник чувашского сатирического журнала «Капкăн») фигурирует лишь в одном значении.

К словам, характеризующим человека по роду занятий, относится лексема *хыпарçă* 1. вестник, гонец; 2. *уст.* сотрудник чувашской газеты «Хыпар» («Вести»). К аналогичным словам следует отнести и дериватему *ялавçă* 1. знаменосец; 2. сотрудник чувашского журнала «Ялав» («Знамя»), но в ЧРС 1982 второго словозначения нет, а на страницах журнала «Ялав» и газеты «Коммунизм ялавĕ» частенько фигурирует слово *ялавçă* именно во втором значении.

Среди многозначных слов, именующих тружеников сельского хозяйства, как *акаçă* 1. *уст.* пахарь, сеятель; 2. сеяльщик; *сухаçă* (*сухаç*) 1. пахарь, землешец; 2. плугарь; в чувашской поэзии употребляется слово *тырпулçă* с широким кругом значений: 1. землешец; 2. земледелец; 3. хлебороб.

Эпĕ хам та ёмёрхи тырпулçăн

Чунне усратăп айăмра (Хус.)

«Я сам в себе храню

Душу хлебороба древнего».

Сосуществующие в чувашском языке композиты *алăсти* и *алăстаç* также сохраняют модель семантического сдвига «человек → человек»: 1. ремесленник, кустарь; 2. умелец, мастер, искусник; слово *ăста* «мастер, искусник, виртуоз»,

которое является компонентом составных терминов, обозначающих имена лиц по профессии: *сад а́сти* «садовод, садовник», *сехет а́сти* «часовщик, часовой мастер», *хэмла а́сти* «хмелевод», *хурт-хэмър а́сти* «пчеловод» и т. д.

Дериватемы *а́рмăç* 1. наговорщик; 2. изобретатель; мудрец и *а́рмăçă* «вещий, колдун» в словаре Н. И. Ашмарина семантически дифференцированы и поданы отдельными статьями, а в ЧРС 1982 реестровым стало лишь слово *а́рмăçă* 1. *уст.* волшебник, чародей, кудесник; 2. знахарь, колдун; гадалщик, ворожея.

Как видим, в ЧРС 1982 практикуется способ подачи словозначений «скопом»: знахарь, колдун; гадалщик, ворожея, т. е. как бы они являются абсолютными синонимами. Но опыт составления толковых словарей других языков показывает, что они таковыми не являются, поэтому для этих словозначений должна быть соответствующая рубрикация; ср.:

знахарь — лекарь-самоучка, действующий собственными невежественными способами, якобы с помощью колдовства; колдун — тот, кто занимается колдовством; (колдовство — в старинных суеверных представлениях: магические, таинственные приемы, имеющие целью воздействовать на силы природы, на людей, исцелять их и наводить болезни);

гадалщик — человек (мужчина), который гадает; (гадать — у суеверных людей: узнавать будущее или прошлое по картам или другими способами);

ворожея — гадалка (женщина), занимающаяся ворожьбой для суеверных людей.

Все это говорит о том, что словозначения лексемы *а́рмăçă* следовало бы расположить по рубрикам примерно в следующем виде: 1. волшебник, кудесник, чародей; 2. колдун; 3. гадалщик; 4. ворожея.

В рассмотренных выше структурах многозначных слов, характеризующих человека по роду занятий и трудовой деятельности (по профессии), обнаруживается процесс дальнейшего «очеловечивания» словозначений, т. е. без нарушения модели семантического сдвига «человек → человек».

§ 2. Полисемантизм терминов родства: модель семантического сдвига «человек → человек», «родня → родня», «родственник → чужак»

Тематический ряд, включающий термины родства, сравнительно невелик. Число названий в чувашском языке достигает до сорока и добрую половину их составляют термины свойства. Количественный ряд терминов родства увеличивается за счет составных терминов. Исследователи под-

черкивают, «что почти каждый термин полисемантичен» [Цинциус, 1971, 127]. На широкую полисемантичность ядерных терминов родства указывают чувашские исследователи [Егоров, 1979, 43]. Объясняется это тем, «что материально они восходят к весьма архаичным временам гипотетической урало-алтайской общности и отражают состояние родственных отношений в условиях первобытной матрилокальной родовой общины; а также тем, что «большинство терминов родства и свойства... служат для обозначения довольно большого круга представителей различных поколений, причислявшихся по нормам существовавших прежде систем родства к одной брачно-возрастной группе».

Начнем с ядерных терминов родства в чувашском языке. По сравнению с материалом других тюркских языков, в чувашском мы имеем дифференциацию терминов родства по восходящей линии, начиная с поколения матерей и отцов, по принципу «мой — не мой», «родной — чужой»: *анне* «моя мама, мать», но *ама* «мать вообще, не моя мать»; *атте* «мой отец», «папа», но *аҫа* «отец вообще, не мой отец».

Термины *анне*, *ама* и *атте*, *аҫа* мы считаем ядерными потому, что они встречаются в составе ряда производных терминов родства: *хуняма*, *хуняҫа*, *куками*, *кукаҫи*, *пӳянам*, *мӳнаҫи*, *мӳнами* и т. д.

Гамму значений этих ядерных терминов родства и их синонимов можно наблюдать по следующему перечню:

анне «мать моя», «мачеха моя»; диал. *ани* «мать», «теща», «свекровь»;

ама «мать», «самка», «название божества, прародительницы всего мира»; *ами* «прародительница», «мать», «женщина»;

атте «мой отец» (узкое, вокативно-притяжательное значение);

аҫа «отец вообще», «самец», «бог грома», «гром», «бог». Как и во всех названиях лиц, здесь общие семы лица сочетаются с дифференцирующими семами:

атте «отец» — конкретное лицо, родитель мужского пола, кровный родитель;

аҫасури «отчим» — лицо (конкретное), родитель мужского пола, родитель по своим брачным связям, не кровный родитель;

анне «мать», «мама» — лицо (конкретное), родитель женского пола, кровный родитель;

амаҫури «мачеха» — лицо (конкретное), родитель женского пола, родитель по своим брачным связям, не кровный родитель;

упайшка «муж» — лицо (конкретное), мужского пола; обладающее свойством родителя и свойством отношения к другому лицу по собственным брачным связям;

арам «жена» — конкретное лицо, женского пола, обладающее свойством родителя и свойством отношения к другому лицу по собственным брачным связям;

пичче «брат» — конкретное лицо, обладающее свойством мужского пола, свойством рожденного, свойством отношения к другому лицу по кровной связи с родителями;

аппа «сестра» — конкретное лицо, обладающее свойством женского пола, свойством рожденного, свойством отношения к другому лицу по кровной связи с родителями.

При попарном рассмотрении семного состава этих терминов бросается в глаза следующее: не только общие, но и дифференцирующие семы во многих случаях являются объединяющими, противопоставляются они по одному или двум конкретизированным семам (признакам).

Существует мнение Н. И. Ашмарина (поддержанное Н. И. Егоровым), якобы определения *аца* и *ама*, приставленные к названиям растений, вовсе не указывают на их действительные половые отличия, рассматриваемые в ботанике, а служат выражением общего впечатления, производимого на наблюдателя внешним видом растения (А II 117 и сл.)*. Но ряд составных терминов с лексемами *аца* и *ама* дает повод усомниться в правильности приведенного выше суждения: *аца хамла* «хмель без шишек»; *аца йывац* «дерево не цветущее и не дающее плодов»; *аца чечек* «мужской цветок», «тычинка» (мужской орган цветка); *ама чечек* «женский цветок», «пестик» (женский орган цветка), в которых явно актуализированы семы «мужской» и «женский», и они указывают на их действительные половые отличия.

Эти же термины одновременно служат для обозначения самца и самки животных: *аца кушак* «кот», *хур ами* «гусыня», *хур аци* «гусак» и т. д.

По мнению Н. И. Егорова, «архетипы терминов *аца* «отец вообще» и *ама* «мать вообще» в пору своего возникновения имели вполне определенное значение, они служили для обозначения класса отцов (-матерей) другой, не нашей фратрии. Только этим объясняются присущие этим терминам дополнительные, более широкие значения «самец», «муж» (*аца*) и «самка», «жена» (*ама*)... В условиях экзогамных брачных отношений мужчины класса отцов нашей фратрии являлись потенциальными мужьями для женщин класса матерей дру-

* Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань; Чебоксары, 1928—1950; в сокращении римскими цифрами обозначены тома I—XVII, а арабскими — страницы.

гой фратрии, и, наоборот, женщины класса матерей другой фратрии являлись потенциальными женами для мужчин класса отцов нашей фратрии. Для класса отцов (-матерей) другой, не нашей фратрии, с которой возможны брачные связи, служили термины *аҫа* «отец», «самец», «муж» и *ама* «мать», «самка», «жена» [Егоров, 1981, 13].

Нетрудно заметить, что термины *аҫа* и *ама*, по данным словарных статей ЧРС 1982, имеют более широкий спектр значений, чем термины *атте* и *анне*.

Для выражения значений «мой — не мой», «моя — не моя» в пределах ядерных терминов употребляются четыре слова: *аҫа* — *атте*, *ама* — *анне*. Но в дальнейшем значения «мой — не мой», т. е. «родной — чужой» стали выражаться в пределах одной и той же лексемы:

пичче «мой брат», «старший брат» → «дядя со стороны отца» → «дядя» (почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине).

Термин *пичче* мог возникнуть, по мнению Н. И. Егорова, только после распада классификационной системы родства в условиях описательной системы, в которой из класса отцов начинают отпочковываться отдельные более мелкие группы родственников. Термин для обозначения старшего брата, а тем более дяди со стороны отца, является более молодым, по сравнению с термином для отца.

Аналогичную по сравнению с термином *пичче* наиболее широкую филиацию значений имеет термин *анна* «моя старшая сестра»; «сестра отца», «сестра матери», «золовка», «девушка», «тетя». Слово *анна* в значении «тетя» употребляется по отношению ко всем старшим женщинам, родившимся в одной деревне с говорящим.

Наряду с термином *анна* в чувашском языке бытует релятивоним *акка* почти в тех же значениях, что и первый: *акка* «моя старшая сестра», «моя тетя со стороны отца или матери», «тетя» (вежливое обращение к женщине возрастом старше говорящего).

Элемент или сема «вежливости» в терминах родства и тем самым семантический сдвиг «родной — чужой» наблюдается в ряде терминов родства:

мучи (диал.) «дядя со стороны отца», «старший брат отца»; «муж старшей сестры моей матери», «дядя» (почетное вежливое обращение к старикам, которые значительно старше возрастом говорящего); *ёмпичче* (диал.) «дядя, старший брат отца»; «старик вообще» (не особенно старый); «дядя» (почтительное обращение к старикам, которые значительно старше говорящего); в диалектах известны следующие фонетические варианты этого термина: *ёмпичей*, *импичи*, *импичей*, *ёмпичи*, *ймпичи* и др. Таким образом, в старину всех

мужчин старше себя можно было называть *пичче* или *ёмпичче*, если даже они не имели с говорящим близких родственных отношений. В настоящее время термин *ёмпичче* в аналогичном значении почти забыт, но релятивном *пичче* удерживает свой «баланс вежливости»;

хӓта «сват» (отец одного из супругов и все мужчины его родни по отношению к родителям другого супруга); «сват» (тот, который сватает невесту); «сват» (вежливое обращение взрослых мужчин друг к другу). Возможно, что от значения «сват» (тот, кто сватает невесту) развилось значение «адвокат»;

тӓхлӓчӓ «сватья» (мать зятя или невестки); «замужняя родственница зятя или снохи»; «сватья» (форма обращения пожилых людей к пожилым замужним женщинам);

хӓрсем «золовка» (младшая сестра мужа; если младших сестер много — старшая из них); диал. «девушка» (вежливое обращение женщин к девушкам);

ёскей диал. «деверь» (старший брат мужа), *ёскей* — обращение женщины к женатым мужчинам старше ее мужа вообще.

Семантический перенос «мой — не мой» или «родной — чужой» можно заметить и в тех случаях, когда аффикс принадлежности первого лица ед. числа *-ӓм(-ём, -м)* прибавляется к терминам *хӓр* и *ывӓл*: *хӓрём* «дочь моя» → «доченька» (вежливое обращение старших к девочкам или девушкам; *ывӓлӓм* «сын мой» → «сыночек» (вежливое обращение старших к мальчикам или парням).

Чувашский термин *ёскей* был заимствован удмуртским языком в виде *иська*, но в удмуртском термин *иська* имеет «женское» значение: «старшая сестра мужа», «старшая золовка». По мнению Н. И. Егорова, «сдвиг семантики произошел в самом удмуртском языке и притом довольно поздно, уже после образования на базе этого слова вторичных комбинированных терминов родства типа *вармеська* «шурин», *иськавын* «родственник» с мужскими значениями. Эти вторичные термины вообрали в себя мужские значения термина *иська*, оставив за ним свободные женские значения [Егоров, 1981, 24].

Сдвиг семантики по линии мужской и женской можно наблюдать и в некоторых чувашских терминах родства: *акка* «старшая сестра» и общетюрк. *ага* (*ака, ога*) «старший брат», «дядя», «старший родственник по мужской линии». Такое сопоставление Н. И. Егоров считает ошибочным и приводит тувинскую форму *уэба* «старшая сестра», которая якобы поможет прокладывать мост между формами *акка* и *аппа*. Исходной для терминов *акка* и *аппа* автор считает форму *агба*, из которой в результате ассимиляции могли

образоваться чувашские формы. В то же время автор допускает, что чув. *акка* и *аппа* имеют материальное родство с монгольскими терминами *эх(э)* и *эк(э)* [Егоров, 1979, 53].

Между тем рассматриваемый нами термин *акка* (*аки*) в самих тюркских языках (не считая чувашского) имеет «двойственное» значение: алт. *ака* и *ага*, узб. *ога* и *ака*, туркм. *ага* «старший брат», «дядя», «старший родственник по мужской линии», но чаг. *ака* «брат и сестра старшие»; др. тюрк. (енис.) *ака* «тетка», якут. *агас* «старшая сестра» (ЭСЧЯ 23)*. В этих условиях не следовало бы говорить о семантическом расхождении термина *акка* в чувашском языке с другими тюркскими языками. Вернее было бы вести разговор о семантическом расхождении общетюркского термина *ага* ~ *ака* ~ *ага* или *аққа*. По поводу термина *аққа* Э. В. Севортян писал, что «господствующим здесь являются значение отца, деда, старшего годами, дяди, старшего брата. Почти все значения ориентированы на мужскую линию, хотя «женские» значения термина — значения остаточные позволяют допустить другое, предшествующее состояние слова, когда его семантический состав был, возможно, менее однороден» (ЭСТЯ I 122).

Э. В. Севортян, видимо, подчеркивал то диффузное состояние термина, когда семантика его зависела от места расположения, например, в староузбекском (чагатайском) *ага*, *а:ка* «после женского имени означало принцессу или родственницу хана» (ЭСТЯ I 71)**.

Значит, после мужского имени это слово должно было передать «мужское» значение.

Изучая семантическую структуру терминов родства, следует заметить «божественную связь» ядерных терминов родства *ама*, *аға* и *атте*. В словаре Н. И. Ашмарина слово *ама* дано в следующих значениях: «самка»; «мать»; «пчелиная матка»; «название богини, которая считается матерью всего мира»; «название божества»; «матка в игре»; «часть плуга» (А I 165—186).

Наряду со словом *ама* в демонологическом значении употребляется слово *ами*. Оно же, по данным Н. И. Ашмарина, означает «самая старшая мать». Но слово *ами* зафиксировано также в значениях «товарищ», «брат», «голова», «чудак». Такой семантический перенос на лиц мужского пола восходит, по мнению исследователей, к периоду существования пуналуальной семьи, когда соответствующее название

* ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964; арабскими цифрами обозначена страница.

** ЭСТЯ — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

означало «женщина из брачного класса жен»; маскулинизация этого образования дало название «мужчина из брачного класса мужей» (откуда далее «брат, товарищ») [Сергеев, 1981, 76].

Появление словозначения «чудак» считается загадочным. Н. И. Ашмарин, с ссылкой на других, утверждает, что это слово происходит от слова *амавус* (А I 199).

В чувашском языке слово *аҫа* имеет также демонологическое значение «гром», «бог грома». *Аҫа* «бог грома», по мифологическим воззрениям древних чувашей, представлялся как антропоморфное существо в мужской ипостаси. По мнению Н. И. Егорова, словом *аҫа* «отец» первоначально называлось обожествленное небо — верховное божество алтайских (шире: и многих древних) народов. К этому времени восходит выражение *аҫа турă* — верховный бог чувашского языческого пантеона. Гром в мифологическом понимании представлялся как голос верховного бога.

В глубокой древности существовал, видимо, запрет называть слово-имя верховного бога *турă* во время грозы, когда разъяренный *турă* воевал со злыми демонами. В подобных случаях, чтобы отвести от себя гнев божий, древние чуваше заменяли слово-имя верховного бога почтительными подставными словами *аҫа* «отец» или *аслати* «дедушка» (первоначально «старший, великий отец»). Постепенно первоначальный мифический ореол этих слов рассеялся и в современном языке *аҫа* и *аслати* имеют обыкновенное рядовое значение «гром»: *аҫа ҫапать* «гром поражает»; *аслати авăтать* «гром гремит» [Егоров, 1981, 11]. Все эти примеры свидетельствуют о том, что в семантической структуре ядерных терминов родства возможен семантический сдвиг «человек → демоним».

В этом случае наблюдается сопредельность ядерных терминов родства, члены которого характеризуются отнесенностью к конкретным объектам реальной действительности с классом названий мифологических, вымышленных персонажей, человекоподобных существ, предметом обозначения которых является конструируемый абстрактный образ несуществующего объекта. В этом отношении оправдывается тенденция семантического развития «конкретное → абстрактное».

Названия вымышленных человекоподобных существ типа *арсури* «леший», *хёртсурт* «домовой», *пирёшти* «ангел» входят в разряд существительных, но считать их именами лиц (антропосемизмами), видимо, нельзя. При этом даже общие семы дифференцированы до полярной противоположности: ср.: *арсури* «леший» — дух, абстрактный, человекоподобный, сказочный, обитающий в лесу; ср.: *аҫаҫури* «отчим» —

лицо, конкретное, родитель по своим брачным связям, неродной.

Наличие таких общих и дифференцирующих сем не дает право причислить демонимы к именам конкретных лиц. Скорее всего они составляют особый тематический класс демонимов, мифонимов или теонимов.

§ 3. Человек, характеризуемый по общности взглядов, интересов, деятельности и места пребывания

К числу таких названий лиц могут быть причислены *тус* «друг», *юлташ* «товарищ», *тантӑш* «ровесник», *юнташ* «собратник», *пайташ* «компаньон», *ёстеш* «сотрудник». Все эти слова многозначны, только одно из них *ёстеш* не зафиксировано в ЧРС 1982, которое в речи носителей языка употребляется в значениях: 1. сотрудник; 2. сотоварищ; 3. помощник; 4. сподручник.

Общее инвариантное значение всех этих семем — «тот, кто работает вместе с кем-нибудь». Естественно, дифференцирующие семы могут быть выделены для каждого из этих значений, однако в основном в структуре полисеманта *ёстеш* словозначения омо- и парасемичны.

Теперь перейдем к словам *тус* «друг» (человек, близкий по духу, убеждениям, личным отношениям) и *юлташ* «товарищ» (человек, близкий по роду деятельности, занятий, по условиям жизни и т. п.); в ЧРС 1982 они даны в следующих значениях:

юлташ 1. товарищ; 2. друг, подруга, приятель; 3. попутчик, спутник, компаньон; 4. сверстник, ровесник; 5. половина: жена, муж; супруг, супруга; 6. сотрудник (А IV 320);

тус 1. друг, приятель; 2. обращение: друг, товарищ, дружище; 3. любимый, милый; 4. названный: *тус атте* «названный отец», *тус аппа* «названная сестра».

В семантической структуре этих антропосемизмов происходит цикличное развитие словозначений: во-первых, модель смыслопроизводства «человек → человек» не нарушается; во-вторых, пара- и омосемичность словозначений сохраняется: ср.: товарищ ↔ приятель, друг ↔ приятель; товарищ ↔ друг; друг ↔ товарищ, хотя в обеих лексемах отчетливо прослеживается семантический сдвиг «человек → релативосемема: *юлташ* «товарищ» → жена, муж (супруг, супруга); *тус* «друг» — названные: брат, сестра, отец, сын, дочь и т. д. (хотя слово *тус* встречается при этом в составе составных терминов родства: *тус пичче*, *тус аппа*, *тус атте*, *тус ывӑл*).

Циклический характер развития словозначений такого рода наблюдается во всех полизначных словах этой группировки: ср.: *пайташ* 1. соучастник; 2. сотоварищ; 3. компаньон; *юнташ* 1. побратим; 2. соратник; 3. сподвижник.

Основным видом семантических отношений в этой микросистеме является «человек → человек», а развитие словозначений характеризуется определенной цикличностью, поэтому подобное изменение семантической структуры может быть названо **антропоциклическим развитием**. Антропоциклическость — ряд словозначений полисеманта, объединяемый общностью категориальной родовой семы «лицо». Примечательным является то, что антропосемизмы не склонны нарушать процесс антропоциклическости развития семантической структуры слова. Это положение сохраняется по отношению всех классов антропосемизмов, в которых имена лиц многозначны; ср. *тантйш* 1. ровесник, сверстник, одноклассник; 2. друг, товарищ (близкий); 3. разг. при обращении: брат, браток; друг, дружок.

При обращении в семантической структуре слов *юнташ* «товарищ», *тус* «друг», *тантйш* «дружок, браток» происходит примерно такой же семантический сдвиг, который наблюдается в терминах родства «родной → чужой», а здесь мы имеем «близкий друг, товарищ» → «чужак (чужой, незнакомый человек)».

Диалектальной формой обращения является слово *тус-кйнай* «друг, дружище», морфемный состав которого (кроме корневой морфемы *тус* «друг») не вполне отчетлив. В парных словах *тус-йыш* «друзья, друзья-приятели», *тус-тантйш* «друзья-ровесники» наблюдается явление популяции (от лат. *populus* «народ»).

Антропоциклическое развитие семантики имен лиц наблюдается и в других группах микросистемы.

§ 4. Человек, характеризуемый по подчиненности:

тарсй 1. батрак; 2. слуга, лакей; 3. *перен.* слуга народа → депутат; 4. *перен.* холуй, приспешник.

В структуре антропосемизма *тарсй* антропоциклическость развития семантики слова налицо, но при этом словозначения «батрак», «слуга», «лакей» порождают семы сниженной (отрицательно-эмоциональной) оценки: «холуй, приспешник», а в семантической структуре *салтак* 1. солдат, воин; 2. *перен.* солдат, боец: *революци салтакёсем* «солдаты революции» абстрактно-оценочные семы квалифицируются как семы положительной оценки.

Лексема *салтак* является, видимо, одним из немногих слов, в семантической структуре которого антропоцикличное развитие семантической структуры нарушается и наблюдается антропобежное развитие словозначения: *салтак* «солдат» → 1. *разг. карт.* «валет»; ср. аналогичное развитие в слове *король* (монарх) → 2. *карт.* король; 3. *шахм.* король (центральная фигура в шахматах).

В семантической структуре слова *чура* «раб» мы наблюдаем появление дополнительной абстрактной негативно-оценочной семы «раболепие», где антропоцикличность развития нарушается вторжением абстрагированного значения «рабство, неволя»: *чура* *пуран* «жить в рабстве, в неволе».

§ 5. Человек как носитель умственных способностей

Слова этого подмножества характеризуют человека по его природным интеллектуальным данным или же по приобретенным умениям, навыкам, знаниям.

К словам, содержащим сему и семемы умственных способностей, оцениваемых положительно, мы относим имена лиц:

шухайшлавсӑ 1. мыслитель (человек, обладающий даром глубокого оригинального мышления); 2. философ (ученый — специалист по философии); *ӑсчах* 1. мудрец (человек, обладающий большим умом, основанным на знании, опыте); 2. мыслитель (человек, занятый разработкой вопросов мировоззрения); 3. изобретатель (человек, работающий творчески над созданием чего-л.).

Эти слова являются названиями лиц, обладающих высокими способностями. К числу таких слов относятся заимствованные из русского языка слова *гени*, *талант*, *зрудит*, каждый из которых в разговорной речи может выступить со сниженной оценочной семой.

Небесполезно сопоставить общие и дифференциальные семы этих антропосемизмов: *ӑсчах* «мудрец» — 1) человек; 2) способный рассуждать; 3) с богатой интуицией; 4) быстро соображающий; 5) с большим опытом и знаниями;

зрудит — 1) человек; 2) способный рассуждать; 3) с богатой интуицией; 4) быстро соображающий; 5) с большой начитанностью;

талант — 1) человек; 2) способный рассуждать; 3) с богатой интуицией; 4) быстро соображающий; 5) безотносительно к опыту и начитанности;

гени «гений» — 1) человек; 2) способный рассуждать; 3) с богатой интуицией; 4) быстро соображающий; 5) обладающий высшей творческой способностью.

Как мы видим, в каждом случае выделяются общие совпадающие по смыслу семы в пунктах 1—4, все эти признаки являются объединяющими эти слова в соответствующую группировку с общим названием «Человек как носитель умственных способностей», но они противопоставлены по пятому, конкретизированному признаку. Именно эта пятая сема определяет внутреннюю иерархию названий лиц *йсча, талант, эрудит, гени*.

Итак, собственно-номинативные антропосемизмы характеризуются, в основном, антропоциклическим типом развития семантической структуры, т. е. развитие словозначений в пределах имен лиц происходит в большинстве своем по модели «человек → человек», причем словозначениям присущ нейтральный стилистический оттенок, который может быть условно оценен как положительная оценка.

Теперь предстоит выяснить: распространяется ли антропоциклическое развитие словозначений на номинативно-экспрессивные антропосемизмы, т. е. на антропоэкспрессивы и антропоэмотивы.

Г. НОМИНАТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ (ЭМОТИВНЫЕ) АНТРОПОСЕМИЗМЫ (АНТРОПОЭКСПРЕССИВЫ И АНТРОПОЭМОТИВЫ)

Словарный состав любого языка состоит как бы из двух пластов лексики: 1) собственно-номинативный пласт (на этой основе мы выделяли в предыдущих параграфах подгруппы собственно-номинативных антропосемизмов), в котором реализуется чисто номинативная функция вокабул и 2) номинативно-экспрессивный (прагматический, выразительный, оценочный) пласт, в котором, наряду с денотативной, реализуется эмотивная (прагматическая) функция слов.

Лингвистическая традиция долгое время воздерживалась от группировки экспрессивных лексических единиц в самостоятельный класс. Но с появлением работ Н. А. Лукьяновой в этой области данный вопрос решается в пользу выделения экспрессивов и эмотивов в отдельный относительно самостоятельный класс* [Лукьянова, 1986].

* Доказательством тому являются недавно появившиеся работы Л. Г. Бабенко «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» (Свердловск, Изд. Урал. ун-та, 1989, с. 184) и Е. Ю. Мягковой «Эмоциональная нагрузка слова: Опыт психолингвистического исследования» (Изд. Воронеж. ун-та, 1990, с. 109). В первой из них исследованы системно-языковые и речевые возможности обозначения эмоций в русском языке, представлены типологические классификации эмотивной лексики, а во второй осуществлен последовательный психолингвистический подход к исследованию эмотивности лексики. В каждой из них содержится список литературы, включающий более 200 наименований, по среди них мы не находим ни одной работы тюркологов.

Эти два вышеназванных класса слов частично перекрещиваются, поскольку экспрессивная функция развивается в самой структуре многозначного слова, о чем свидетельствуют ЛСВ таких полисемантов, как *тиль* 1. лиса — 2. хитрец, льстец; *ёне* 1. корова — 2. увалень и т. д. На этих вопросах мы остановимся в последующих разделах нашей работы.

В связи с этим в языкознании появились такие бинарные термины, как номинативное слово, номинативный знак, слово-название, экспрессивное слово и наряду с ними многочисленные термины: стилистически маркированная номинативная единица, стилистически маркированный знак, стилистическое значение.

Однословные наименования (хотя они и удобны для пользования) употреблялись языковедами в крайне редких случаях: номинатив — для собственно-номинативных слов; экспрессив, экспрессема, экспрессоид — для эмоционально окрашенных слов. Среди них наибольшее распространение получил термин **экспрессив**. В последнее время в научный обиход входит термин **эмотив**.

Экспрессивный (эмотивный) фонд чувашского языка (да и других языков мира) необозримо богат и разнообразен. По данным Н. А. Лукьяновой, «экспрессивные единицы функционируют на всех уровнях языковой структуры, кроме фонематического, но основная нагрузка выражения чувств, эмоций, социальных и индивидуальных оценок, субъективного отношения говорящего к предмету речи, т. е. сферы интеллектуально-чувственной, психической деятельности человека, лежит, конечно, на единицах лексико-семантического уровня — ее несут лексемы и лексико-семантические варианты слов (ЛСВ)» (Лукьянова, 1980).

Исследование экспрессивного фонда языка связано с описанием лингвистического кода, реализующего эмотивную (прагматическую) функцию языка. Эмоции свойственны человеку и становятся языковыми значимостями или коннотациями. В словарях экспрессивы выделяются пометами: *груб.* (грубое слово), *бран.* (бранное слово или выражение), *ирон.* (ирония, слово или выражение употреблено в ироническом смысле), *неодобр.* (неодобрительно), *одобр.* (одобрительно), *презр.* (презрительно), *пренебр.* (пренебрежительно), *шутл.* (шутливое слово) и т. д.

Экспрессивной лексической единицей или экспрессивом Н. А. Лукьянова называет слово (лексему или ЛСВ), языковая значимость которого обусловлена экспрессивной функцией языка [Лукьянова, 1986, 43]. Экспрессивом может быть узуальное, окказиональное, поэтическое слово или лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), в значении (или значе-

ниях) которого совмещаются номинативность + коннотативность: экспрессивность, эмоциональность и оценочность.

Экспрессивность — свойство лексической единицы (или одного из ее ЛСВ), связанное с ее способностью актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего [Лукьянова, 1986, 43].

Оценочность — положительное или негативное отношение говорящего к объекту, лицу, явлению, воплощенное в конкретных эмоциях: презрении, восхищении, иронии, сарказме и др.

Эмотивность является синтезом двух вышеприведенных определений. Человек разумный немислим без эмоций.

Мы не ставим цели исследования всего экспрессивного фонда чувашского языка. Нас прежде всего интересуют вопросы экспрессивности в области названий лиц (антропосемизмов), т. е. предметом исследования являются номинативно-экспрессивные антропосемизмы, т. е. антропоэкспрессивы (антропоэмотивы) и их семантическая вариативность — ЛСВ с точки зрения направленного развития.

Антропоэкспрессивами (антропоэмотивами) мы называем слова и ЛСВ, актуализирующие наряду с номинативностью (денотацией) качественные и экспрессивные (эмотивные) характеристики лица, выражающие эмоциональную оценку.

Антропоэкспрессивы должны изучаться с двух точек зрения: 1) с точки зрения собственно-антропосемизмов; 2) с точки зрения выхода за пределы антропосемизмов, т. е. антропоэмотивы должны изучаться как компоненты ЛСВ многозначных слов, характеризующихся общей семой «нечеловек» («нелицо»). Главная функция антропоэкспрессивов — выразить словом представление о человеке и эмоциональное отношение к нему. Семантическим основанием антропоэкспрессивов являются эмоциональная оценка и образность. Данные семы, как правило, присутствуют в значении любого антропоэкспрессива в совокупности. Лексическое значение любого антропоэкспрессива состоит из двух макрокомпонентов: номинативного (денотативного) и коннотативного (экспрессивного).

На наш взгляд, утверждение о том, что «экспрессивное слово (экспрессив. — В. С.) не соотносится с денотатом, т. е. с классом однородных явлений, оно соотносится с референтом» [Лукьянова, 1986, 43], является спорным. На это указывают и рецензенты монографии Н. А. Лукьяновой «Экс-

прессивная лексика разговорного употребления» (см. ВЯ 1989, № 5, 140).

При разработке вопросов антропосемизмов (в том числе и антропоэкспрессивов) мы придерживаемся понятия философской целостности личности, которое раскрывается с позиций системно-структурного анализа как социальное качество, сущность, содержание и формы личности. В реальном процессе жизни человек (личность) всегда в той или иной степени проявляется как целостность: в деятельности, в поступках, в общении, в особенностях образа жизни и эмоциональных реакциях. Наиболее полно целостность личности проявляется в характеристиках ее образа жизни, индивидуального бытия. Эта сторона личности и является предметом эмпирического исследования личности, где мы можем говорить о целостности чувственно-эмоционального проявления личности (человека), о целостности действий и поступков homo sapiens [Станкевич, 1987, 29].

Внутренний мир каждого человека представляет собой сплав многих черт: характера, образа мыслей, чувств и убеждений, мировоззрения в целом, совокупность нравственных, эстетических и политических взглядов. Непосредственное и решающее влияние на формирование сознания личности оказывают социальное окружение, социальная среда, конкретный трудовой коллектив и труд. Труд есть процесс становления человеческого, социального. Именно в труде совершается целенаправленная деятельность человека. Труд создал человека, а разделение труда сформировало многообразие человеческих натур. Поэтому в первой части нашей работы семасиологические исследования антропосемизмов мы начали с пункта положительной характеристики человека по его трудовой деятельности. В ЛСГ «человек трудолюбивый», объединяющей семемы с положительной характеристикой были включены слова *ёсчен*, *ёсченсё* «труженик», *ёслевсё* «работник, труженик», *ёссынни* «трудящийся, труженик» и стилистически нейтральные (не выражающие ни положительные, ни отрицательные качества человека); *пулаёс* «рыбак», *кашаксё* «ложкарь», *сыравсё* «писарь», *кимёсё* «лодочник» и некоторые другие.

«Отношение человека к труду» на уровне лексико-семантической системы языка обусловлено социальной значимостью его на внеязыковом уровне: общеизвестно, что трудолюбие — одно из основных мерил человеческого достоинства, критерий нравственной оценки личности [Лукьянова, 1986, 108].

В лексико-семантической системе ЛСГ «человек трудолюбивый» противостоит ЛСГ «человек ленивый», т. е. словам стилистически нейтральным (их тоже условно можно счи-

тать маркированными со знаком +) противостоят слова негативной оценки. В процентном отношении (если учесть и заимствования) они распределены в лексике чувашского языка примерно пропорционально одинаково, развитость ЛСВ наблюдается у слов обеих групп.

Антропосемизмы с положительной оценкой и маркированные со знаком + (плюс) выражают в целом добросовестное отношение личности к труду (положительно — это значит хорошо). Отклонение от этого эталона оценивается на шкале ценностей отрицательно (негативно) со знаком — (минус) и осуждается обществом, что непременно находит отражение в семантике слов.

§ 1. ЛСГ «человек ленивый»

Ядерными (наиболее употребительными) членами данной лексико-семантической группы являются *кахал* «лентяй, лодырь», *наян* «лентяй, ленивец, бездельник», *услан* «лентяй, бездельник, лодырь», *харам пыр* «дармоед, паразит, тунеядец», *юлхав* «лентяй, лодырь».

К числу периферийных мы относим: *йркевсё* «лентяй, лодырь», *йркенчёк* «лентяй, лодырь», *ламса* «бездельник», *ланккама* «тж», *сулланчак* «бездельник», *харамса*, *харамсă* «дармоед», *ханттар* «бездельник», *хашан* «лентяй, лодырь», *нёрккес* «лентяй», *ленкес* «бездельник» и др.

Антропоэкспрессивы могут быть сгруппированы по признакам: 1) человек ленивый, не умеющий работать, не желающий работать, живущий за счет других в результате их попустительства; 2) человек ленивый, не умеющий работать, не желающий работать в результате своего воспитания; 3) человек ленивый, не умеющий работать, не желающий работать, живущий за счет других в результате определенного общественного устройства [Ломтев, 1976, 283].

Мы пока не рассматриваем и не включаем в состав ЛСГ «человек ленивый» лексико-семантические варианты (ЛСВ) других тематических групп, такие, как: *тилё* «лиса» → «хитрец», «льстец». Считаем, что это предмет особого исследования, ибо слова других тематических групп (животные, растения и др.) не являются антропосемизмами.

С точки зрения семного состава антропоэкспрессивы можно рассматривать и в следующем порядке:

1) человек ленивый, не имеет определенной работы, живет за чужой счет (отрицательная оценка, образность): *харам пыр*, *харамса*, *харамсă* «дармоед»;

2) человек ленивый, не хочет трудиться, опустившийся пьяница (отрицательная оценка): *ёскёсё*, *черккесё* «пьяни-

ца» — на уровне лексико-семантической единицы; *зрех пички, пичке пйкки* «пьяница» — на уровне фразеологической единицы;

3) человек ленивый, не любит трудиться, любит спать, лежать без дела (отрицательная оценка, образность): *хашан* «лентяй, лодырь, лежебока»;

4) человек, умеющий работать, не желающий работать, мало работающий, непроизводительно работающий: *кахал* «лентяй, лодырь», *наян* «тж»;

5) человек ленивый, не хочет трудиться, ходит без дела, праздно проводит время (пейоративная оценка, образность): *ламса, ланккама, сулланчак* «бездельник» и т. д., т. е. все слова данной группы выражают негативную (пейоративную) оценку с общим свойством «человек ленивый». Как видно из приведенных выше примеров, сема «ленивый» сочетается лишь с семами, актуализирующими социально-негативные качества личности и ни разу не видели ее в сочетании с семами, отражающими мелиоративные (положительные) качества человека.

Отсюда можно делать вывод, что многозначные антропо-семизмы данной ЛСГ развивают свою семемную структуру аналогично семной, т. е. словозначения развиваются антропоциклически в большинстве случаев с негативно окрашенными эмотивными признаками.

Например, *хантгар* «бездельник» — с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о человеке ленивом, пребывающем в праздности — «шалопай, бродяга» — с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о человеке без определенных занятий;

<i>шаймак</i> <i>шаймак</i>	}	1) лентяй, лодырь, лоботряс (человек ленивый);
		2) зубоскал, насмешник (человек, любящий насмехаться);
		3) озорник, проказник (озорничающий человек);
		4) шельмец (А XVII 31) — человек плутоватый, хитрый.

Полисемант *шаймак* ~ *шаймак* выступает с диффузной и разноаспектно-негативной характеристикой лица. Семантическую структуру таких антропоэкспрессивов можно назвать полисемантно-диффузной с ненарушенной антропоциклической негативностью; ср. также:

<i>юлахай</i>	}	1) лентяй, лодырь, ленивец (человек ленивый);
		2) неряха, грязнуля, замарашка (человек неаккуратный).

Антропоэкспрессив *юлахай* характеризуется антропоциклическим развитием семантической структуры; «лентяй» →

«неряха», но «разной ориентацией» сем и разноаспектностью семем.

Данный антропозэкспрессив имеет широкую, диффузную семантику. Это видно не только по данным словаря Н. И. Ашмарина: *юлахай-найан*, *юлахай-тирпейсёр*, *юлахай-юлхав*, *йолахай* «лентяй, неряха» (А IV 318), но и по итогам психолингвистических экспериментов: *юлахай* является характеристикой ленивого, неряшливого, неаккуратного, праздного, разболтанного, несерьезного, легкомысленного, грубого, глупого, хитрого человека.

Диффузность значений проявляется и на межъязыковом уровне, ср. башк. *ялагай* «подхалим, лстец, подлиза»; *йалтай* ~ *йалтан* ~ *йалтак* «лентяй» (турк.), «лстец» (турк.), «подлиза» (азерб.), «ханжа» (узб.).

- чупкән* {
- 1) праздношатающийся, бездельник, лентяй (сема «ленивый»);
 - 2) шлюха, потаскуха (сема «развратный»);
 - 3) лету, человек, часто меняющий свою работу (сема «непостоянство»);
 - 4) уст. ямщик.

В семантической структуре лексемы *чупкән* среди пейоративно окрашенных семем фигурирует семема со стилистически нейтральным признаком: «ямщик» (кучер). Семантическую структуру таких антропозэкспрессивов можно назвать полисемемно-диффузной с нарушенной негативностью.

Семема «лентяй, лодырь» может фигурировать и в структуре многозначных антропосемизмов, основное и производное значения которых относятся к разным семантическим группам. Например:

- хәлин* {
- 1) хитрец (проныра, пройдоха): человек изворотливый;
 - 2) скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями к какой-либо цели;
 - 3) упрямец: человек крайне неуступчивый, стремящийся добиться своего, вопреки необходимости;
 - 4) лентяй, лодырь: человек ленивый.

Семантическое развитие лексем типа *хәлин* сигнализируют о том, что многозначные антропосемизмы могут иметь комбинированный семемный состав антропозэкспрессивного толка. Для того, чтобы узнать каков диапазон распространения антропосемем в антропозэкспрессивах, необходимо, видимо, первоначально хотя бы беглое перечисление названий возможных ЛСГ, если под ЛСГ — лексико-семантической группой понимать ряд слов более или менее совпадающих по своему основному значению или стержневому семантичес-

кому содержанию (синонимия лишь на уровне основных словарных значений) и по принадлежности к одному и тому же семантическому полю.

Приведем нумерованный список ЛСГ антропоэкспрессивов, номера которого в дальнейшем используем для схематического показа семантических сдвигов.

1. ЛСГ «человек ленивый» (не любит, не хочет трудиться).
2. ЛСГ «человек тупой, глупый, недалекий».
3. ЛСГ «человек болтливый, пустослов».
4. ЛСГ «человек легкомысленный, несерьезный».
5. ЛСГ «человек-калека».
6. ЛСГ «человек неаккуратный, неряшливый».
7. ЛСГ «человек неумелый, нерасторопный, медлительный».
8. ЛСГ «человек непоседа, шалун, шатун».
9. ЛСГ «человек развратный, распутный».
10. ЛСГ «человек хитрый».
11. ЛСГ «человек надоедливый, придирчивый».
12. ЛСГ «человек жадный».
13. ЛСГ «человек беспорядочный».
14. ЛСГ «человек вспыльчивый, драчливый».
15. ЛСГ «человек злой, жестокий, грубый».
16. ЛСГ «человек брюзгливый, пискливый».
17. ЛСГ «человек ненасытный, обжора».
18. ЛСГ «человек гордый».
19. ЛСГ «человек наглый, подлый».
20. ЛСГ «человек смешной».
21. ЛСГ «человек забывчивый».
22. ЛСГ «человек избалованный».
- 23^п. ЛСГ, включенный в нумеративный список без дефиниции.

§ 2. ЛСГ «человек тупой, глупый, недалекий»

Этой ЛСГ противостоит ЛСГ «человек умный», группа с положительным значением, немногочисленная по сравнению с ЛСГ «человек тупой». На этой основе создается первое ложное впечатление: умных людей мало, а дураками хоть пруд пруди.

Антропоэкспрессивам этой ЛСГ свойственны те же типы семантических структур, какие имели место при анализе ЛСГ «человек ленивый»: моносемемные (однозначные), полиантропосемемно-циклические и полисемемно-диффузные, им сопутствует везде, коннотация с ядерной семьей «эмоциональная оценка» и дифференциальная качественная сема «человек отрицательный».

ЛСГ «человек тупой» объединяет в своем составе следующие лексемы: *ухмах* «дурак», *айван* «глупец», *тáмпай* «болван, оболтус, олух», *тáмсай* «глупец, идиот, олух, оболтус», *тáнсáр* «глупец», бестолковый, дурак», *тáрлак* «полоумный», *тáрпалтай* «олух, балда, оболтус», *туктакáл* «оболтус, дубина, чурбан», *тункáлтáк* «дурак, остолоп, оболтус», *тункáс* «дурак, болван, балда», *сурмаккай* «болван, недоумок», *сýлке* «олух, дурень», *сáртасáр* «глупец», *ансух* «олух, глупец, тупица», *сáрттай* «олух, остолоп, болван», *сáрнаккай* «болван, олух, оболтус, остолоп», *анкá-минкё* «глупец, идиот, олух, тупица, бестолочь», *анра-сухра* «бестолочь, остолоп, олух» и т. д. и т. п.

Дифференциальные семы при толковании смыслов этой ЛСГ могут быть раскрыты следующим образом: *ухмах* «дурак» — человек, неспособный рассуждать, неспособный делать выводы из окружающей обстановки; *тáмсай* «глупец, идиот» — человек, неспособный рассуждать, неспособный понимать окружающую обстановку: *тáнсáр*, *тулкáсáр* «глупец, бестолковый» — человек, способный рассуждать ограниченно, усваивающий неправильно, аналогичное (почти) толкование семного состава [см. Ломтев, 1976, 296].

ЛСГ «человек тупой, глупый» характеризуется развитыми переводными синонимическими рядами, цикл которых приводится в ЧРС 1982 во многих случаях в рубрике 1. Например, *тункáлтáк* 1. дурак, оболтус, остолоп; *анкá-минкё* 1. глупец, олух, тупица, бестолочь. Между тем значения слова *анкá-минкё*, приводимые в рубрике 1, исторически могли быть переносными, а значение «вертячка» (ценуросы) — болезнь животных, чаще овец, иногда и человека, в результате чего поражается центральная нервная система и у человека появляются признаки сумасбродства, дури — основным, отсюда и могли развиться произвольно-переносные значения «глупец, олух; тупица, бестолочь».

Антропоциклическое развитие словозначений наблюдается в следующих антропоэкспрессивах:

туктакáл 1. оболтус, дубина, чурбан → 2. неотесанный человек, грубиян (схематически 2 → 15)*;

ансух 1. олух, глупец, тупица → 2. склеротик, забывчивый человек (2 → 21).

В семной структуре парного слова *анкá-минкё* структура полисеманта является полисемменно-диффузной с нарушенной антропоциклическостью; 1. бестолочь, глупец, олух, тупица; 2. дурь, дурман; 3. вертячка.

* Цифры соответствуют порядковым номерам ЛСГ, данным в нумерованном списке на с. 40.

§ 3. ЛСГ «человек болтливый, пустослов»

В эту группу входят следующие антропозэкспрессивы: *накълти* «болтун, пустомеля, балаболка», *лапърти* «болтун, пустослов, трепач», *ларка* ~ *лърка* «болтун, пустомеля, трепло», *лъркърти* «болтун», *сърпелти* «болтун, болтушка», *съртэк* «болтун, пустослов», *сараккай* «болтун», *сатълти* «болтун, говорун, пустомеля», *сърткеленчък* «болтун, пустомеля, трепач», *палкавсър* «болтун, пустослов», *сърмпелти* «болтун, лопотун» и др.

Антропосемизмы этой ЛСГ выделяются в особое подмножество по негативно оцениваемым свойствам, проявляемым при общении, контактах.

В структурах полисемантов этого ряда наблюдаются следующие схематические типы антропоциклических сдвигов:

съртэк 1. болтун, пустослов. 2. бестолочь, тупица, недоумок (3→2). 3. вертопрах, ветреник (3→4);

сърткеленчък 1. болтун, пустомеля, трепач. 2. переменчивый, непостоянный человек (3→23ⁿ);

лъркърти 1. болтун, пустомеля. 2. ворчун, брюзга (3→22);

шалак 1. пустомеля, болтун, пустозвон. 2. неряха, грязнуля (3→6).

§ 4. ЛСГ «человек легкомысленный, несерьезный, хвастливый»

Сюда относятся такие антропосемизмы: *върскен* «хвастун, самохвал, бахвал», *мухтанчък* «хвастун, бахвал, самохвал, пустозвон», *капнайчък* «хвастун, бахвал, самохвал», *капъркка* «бахвал, хвастунишка», *сърмърлттай* «ветреник, повеса, вертопрах».

К этой же группе примыкают следующие лексемы: *сърскенчък* «щеголь», *съркеленчък* «насмешник», *епреме* «насмешник, зубоскал», *ихелти* «хохотунья, хохотушка», *мършкърлсър* «насмешник, зубоскал» и т. д.

В семантических структурах многозначных слов этой группы можно наблюдать следующие сдвиги антропоциклического порядка:

капъркка 1. бахвал, хвастунишка. 2. щеголь, фронт (4→4). 3. торопыга (4→23ⁿ);

мършкърлсър 1. насмешник, зубоскал. 2. насильник (4→23ⁿ);

върскен 1. хвастун, самохвал, бахвал. 2. непоседа, егоза, юла (4→8);

епреме 1. насмешник, зубоскал. 2. слюнтяй, кисель, размазня (4→23ⁿ);

ейкеленчѣк 1. насмешник, зубоскал. 2. циник, сквернослов, похабник (4→23ⁿ).

§ 5. ЛСГ «человек калека»:

лӓрккаш «карлик», *лакӓшти* «хромой», *мӓкши* «малорослый».

В семантической структуре лексем данной группы намечаются следующие антропоциклические семантические сдвиги:

таканай 1. пузатый, толстопузый, толстобрюхий. 2. карлик;

лаканай 1. пузан, брюхан. 2. коротышка.

§ 6. ЛСГ «человек неаккуратный, неряшливый» с сочлененной оценочно-квалифицирующей семой «чрезмерное негативное проявление внешнего признака»: *вараланчӓк*, *лапӓртанчӓк* «неряха, грязнуля» и др.

Антропоциклическость семем встречается в семантической структуре следующих антропосемизмов:

сурханах 1. неряха, грязнуля. 2. оборванец, оборвыш. 3. негодяй (6→13);

супьях 1. неряха, грязнуля. 2. болван, тупица (6→2).

§ 7. ЛСГ «человек медлительный, нерасторопный»: *мӓранкка* «копуша, рохля, мямля, размазня», *нӓртте* «неуклюжий, неповоротливый человек», *алапаш* «неловкий, неумелый человек», *мӓштӓркка* «копуша, увалень» и др.

§ 8. ЛСГ «человек непоседа, шатун, шалун»: *елпӓн* «шалун, озорник, проказник, сорванец», *ӓрсурник* «озорник, безобразник», *йӓкӓлти* «непоседа, егоза» → «кокетка, вертушка, ветреница» (8→4); *йӓпӓрти* «непоседа, егоза, юла, живчик»; *йӓр-япӓш* «непоседа, егоза, вертун, вертушка» → «ветреник, ветрогон» (8→4); *пӓлтӓркке* «непоседа, юла, вертушка» → «ветреник, вертопрах» (8→4); *касӓн* «непоседа, шатун» → «распутник, развратник» (8→9); *алхас* «шалун, озорник» → «развратник» (8→9); *хапӓлти* «торопыга, непоседа» → «пустослов, пустомеля» (8→3); *шӓпӓрлан* «шалун, озорник, баловник» → «мошенник, прохвост» (8→19).

§ 9. ЛСГ «человек развратный, распутный»: *амашка* «распутница, развратница, потаскуха» → «бесстыдница, по-

хабница» (9→13); *емпёлти* «потаскух, потаскуха»; *ёревёс* «бабник» → «ветреник» (9→4).

§ 10. ЛСГ «человек хитрый», «льстивый»: *йаскән* «хитрец, хитрюга» → «проныра, жулик» (10→13); *сукаланчак* «льстец, подлиза, подхалим»; *йәпәлти* «льстец, подхалим, подлиза».

§ 11. ЛСГ а) «человек надоедливый, придиричивый»: *йалапа* «назойливый человек (гость)»; *антратмәш* «надоеда, приставала»; *чәкраш* «придира, привиреда» → «педант»; *чәкәлтәш* «придира, заноза, задира» → «капризник» (11→23ⁿ);

б) «человек капризный»: *йәләнтармәш* «капризник, капризница» → «ломака, несговорчивый человек», *юнтармәш* «капризник, капризуля», *кутән* «упрямец, капризуля, строптивец», *мәртәк* «капризник».

§ 12. ЛСГ «человек жадный»: *высләх* «жадина», *выскән* «жадина, жадюга» → «обжора» (12→17); *сәхә*, *сәхәм* «жадюга» → «обжора» (12→17); *сәткән* «жадина, жадюга» → «хищник»; *хыркән* «жадина, жадюга, хапуга», *саран* «скупец, скряга, скарעד, скареда».

§ 13. ЛСГ «человек беспорядочный»: *амавус* «слюнтяй, сопляк» → «ротозей, растяпа»; *ланчашка* «разболтанный», *путсёр* «негодник, негодяй».

§ 14. ЛСГ «человек вспыльчивый, драчливый»: *вәршан* «драчун, забияка»; *сатта* «драчун, задира» → «озорник» (14→8); «шатун, бродяга» (14→8); *кутән* «задира»; *чәркәш* «задира, забияка», *шәртламас* «задира, забияка, драчун».

§ 15. ЛСГ «человек злой, жестокий, грубый»: *сәткеленчәк* «злюка», *чәртмах* «грубиян», *силлемес* «злюка».

§ 16. ЛСГ «человек ворчливый, брюзгливый»: *ләрка* «ворчун, брюзга» → «пустобрех» (16→3); *ләркас* «ворчун, брюзга» → «шатун, бродяга» (16→8); *ләркамәш* «ворчун, брюзга, бормотун», *мәкарти* ~ *мәкартатмәш* «ворчун, брюзга».

§ 17. ЛСГ «человек ненасытный»: *выска́н* «обжора» → «жадюга» (17→12); *вупка́н* «обжора», *пыран* «обжора», *сә-хә́м* «обжора»; *җә́ткә́н* «обжора» → «хищник»; *кәмшук* «обжора, прожорливый человек», *апшур* «обжора».

§ 18. ЛСГ «человек наглый»: *сәмсёрккә* «наглец, нахал», *сәмсёр* «наглец, нахал» → «тупица, глупец» (18→2), → «жадюга» (18→12); *сәкәнчәк* «нахал», *пу́стах* «дебошир, сорвиголова, буйан, нахал».

§ 19. ЛСГ «человек гордый»: *тү́рккес* «гордец» → «грубиян» (19→15).

§ 20. ЛСГ «человек смешной»: *култарма́ш* «шутник, забавник, балагур» → «забава, шутка»; *мыскараҗа́* «шутник, забавник, комик, весельчак»; *йә́патма́ш* «веселчак, забавник» → «утешитель».

§ 21. ЛСГ «человек избалованный»: *ачаш* «баловень, неженка»; *җемҗешкә* «мямля, рохля, размазня», *черченкә* «неженка», *юратма́ш* «баловень» → «любимчик, любимец», ибо *баловень* — тот, кого балуют, кому во всем потворствуют; *любимчик* — тот, кто пользуется чьей-л. любовью, покровительством в ущерб другим; *любимец* — тот, кого особенно любят.

Из состава антропозэкспрессивов чисто условно можно выделить группу так называемых форм субъективной, эмоциональной оценки (уменьшительно-ласкательные формы, выражающие различные оттенки чувства, сочувствие, ласку, иронию, пренебрежение, эмоцию), причем эти значения иногда переплетены, что даже не поддаются четкому разграничению: *ачамккә́*, *ачама́шкә́* «детка» (с оттенком фамильярной усиленной ласки);

карччамай «старушонка», «старая-престарая старушка»; *карччамас* «старушонка» (значение унижительно-презрительности);

сухалей «бородач» (иронически);

суйпи «лгунишка», *суйка́н* «врун, враль» (с ярко выраженной экспрессией презрения);

туска́най «друг, дружище» (снихождительное пренебрежение);

катемпи «чучело, пугало» (о человеке с оттенком снихождительного пренебрежения); ср. *катьук*, *катен* «милок» (зна-

чение ласкательности); ср. *катен карчак* «безалаберная девочка», «неопрятная женщина» (А VI 158—159).

В большинстве случаев эти лексемы в ЧРС 1982 фигурируют как моносеманты, поэтому не представляют большого интереса при раскрытии темы нашей работы.

Таким образом, в семантической структуре многозначных антропономинативов и антропоэкспрессивов наблюдается семантический процесс персонализации, т. е. антропоциклическое развитие словозначений. Нарушение антропоциклического развития (или изменения) словозначений — явление редкое, которое объяснимо только с диахронической точки зрения. Рассмотренный нами материал говорит о том, что сам человек в разных своих ипостасях является источником эмоций. Среди номинативно-экспрессивных антропоэмотивов можно выделить: а) антропоэмотивы с исходной денотативно-эмотивной семантикой типа *кахал* «лентяй», которые в словарях даны без каких-либо помет, и б) антропоэмотивы (экспрессивы) с дополнительной эмотивной оценкой, заключенной в сфере коннотации и манифестируемой эмотивными коннотатами, типа *тункас* «дурак, болван, балда» с пометой *бран.* Например, ЧРС 1982 (1985) эмотивно-экспрессивная семантика описывается с использованием 9 эмосем: 8 эмосем пейоративной оценки (*бран., груб., ирон., неодобр., презр., пренебр., прост., шутл.*) и одной эмосемы мелиоративной оценки (*ласк.*).

Глава II. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОБЩЕЙ СЕМОЙ «НЕЛИЦО». ПЕРСОНИФИКАЦИЯ

А. МЕТААНТРОПОСЕМЕМА И МЕТААНТРОПОСЕМИЯ

§ 1. Переносные значения слов и их роль для процесса диа- и синхронического формирования лексико-семантической системы языка

Раздел языкознания, изучающий лексические значения слов и всякого рода переносов и изменений их значений, называется семасиологией, в рамках которой как самостоятельные разделы выделяются семемная и семная семасиология.

Значение, приобретаемое словом в результате сознательного употребления его в речи для обозначения предмета, не являющегося его обычным или естественным референтом, называется переносным [Ахманова, 1969, 163]. Наряду с термином *переносное значение* существует составной термин перенос значения. Но терминологическое выражение перенос значения почему-то фигурирует в словарях лингвистических терминов только в значении метафора, как будто перенос значения не касается метонимии и синекдохи. На наш взгляд, перенос значения в какой-то степени идентичен выражению изменение значения, которое имеет однословное выражение— **метасемия**. Метасемия хотя и имеется в арсенале лингвистических терминов, но ею мало кто пользуется в научных сочинениях. То же самое следует сказать и о термине «метагоге» — разновидности метафоры, состоящей в приписывании чувств неодушевленным предметам.

Семасиология — развивающаяся отрасль языкознания. Развитие отрасли сопровождается обычно появлением новых терминов. Так оно и есть: наряду с термином метасемия появился неологизм «метасемема», который и призван заменить составной термин «переносное значение». Существует такое определение этого неологизма: «Метасемема — это фигура, заменяющая одну семему на другую, т. е. метасемема моди-

фицирует организацию сем «нулевой ступени» [Дюбуа и др., 1986, 67].

Этот термин появился в риторике и имеет прямое отношение и к семасиологии, и философии языка.

Метасемема имеет прямое отношение к таким семасиологическим понятиям, как семантический сдвиг, расширение и сужение значения.

Расширение значения слова можно определить, по Б. И. Татаринцеву, как развитие его значения по направлению от частного к общему, а сужение — как развитие значения в обратном порядке: от общего к частному [Татаринцев, 1987, 39]. При условии, если исходное значение отсутствует в семантической структуре слова, то факт расширения или сужения значения может быть доказан лишь в результате этимологического анализа.

Упомянутые выше термины одинаково равноценны как для диахронической, так и для синхронической семасиологии. И частенько мы не задумываемся над тем, что чисто синхронное явление может иметь глубокие диахронические корни. Это касается понимания семантических процессов, обусловленных как метафорой и метонимией, так и процессов, связанных метавидением окружающей действительности. На наш взгляд, и до появления науки семасиологии в подлинном смысле этого термина семантические системы уже были и «умы человечества» не раз задумывались об истоках этих систем. Например, Дж. Фрезер, к научным поискам которого мы почему-то до сих пор относимся скептически, разделил духовное развитие человечества на три периода: 1) древнейший: магический или мифологический; 2) средний: религиозный, художественный или фольклорный; 3) новый: научный.

«Для древнейшего известного нам магическо-мифологического периода, как полагают, характерно отсутствие четкого отделения субъекта от природы и общества... В этот период зарождаются уже, однако, мифологические системы, представляющие собой в лексико-семантическом отношении, в их языковом выражении, одну гигантскую прозопопею — олицетворение, перенос на природу и космос человеческого и общественного. Для этого периода характерно «измерение собой мира», например, создание антропоморфных мнемонических календарей, перенос-олицетворение, осуществляемые человеком к тому же неосознанно», — пишет А. Е. Бертельс. По справедливому замечанию автора, «...пережитки этой формы мироощущения в более поздние периоды — это различные гностические и магические традиции античности и средневековья, для которых характерно описание человека как микрокосма...» [Бертельс, 1974, 344].

Уже в древнейший период появляются зачатки формирования метакода — системы символов, отражающей единство человека и космоса, но основные закономерности метакода, его язык формируются в средний, религиозный, художественный или фольклорный период и остаются неуничтоженными на протяжении всего развития человечества [Кедров, 1989, 284].

В третий, научный период начинается пора подлинно научной расшифровки не только литературного и лингвистического метакода, но и метакода мировой культуры в целом.

Таким образом, те обычные, на первый взгляд, современные термины метафора и метонимия, если их освещать светом истории, могут оказаться в магическом ореоле «седой старины».

§ 2. Тропы, способствующие семапроизводству и семемаобразованию

В языке, в художественной и разговорной речи слова употребляются образно и при этом происходит семемаобразование, метасемия, т. е. сдвиг в семантике слова: образуются номинативно-производные и переносные значения. На соотношении прямого и переносного значений слова строятся, по мнению исследователей, три типа тропов: 1) соотношение по сходству (метафора); 2) по смежности (метонимия); 3) по названию части вместо целого (синекдоха). Иногда в этот ряд включается оксюморон (оксюморон) — слова, скрепленные в синтагму по контрасту: *а́слэ ухмах* «умный дурак», *мёрэ виле* «живой труп», *чухайн миллионер* «бедный миллионер». Но, на наш взгляд, оксюморон (букв. с греческого «остроумно-глупое») не является семемаобразующим тропом, он является семапроизводящей стилистической фигурой, т. е. при этом мы не имеем на исходе переносного значения одно из компонентов синтагмы.

К тропам, способствующим метасемии, или семемаобразованию (т. е. появлению переносных значений, вторичной или косвенной номинации), можно отнести мифологическую персонификацию, представление природных явлений, отвлеченных понятий в образе человека. Например, в мифологии демонологии: *аслати* «бог грома» → «гром» (букв. старший тец), *хёртсурт* «домовой», *пирёшти* «ангел».

К персонификации иногда причисляют аллегория и олицетворение. Аллегория (греч. иносказание) — один из видов тропа, заключающийся в передаче отвлеченного понятия через конкретный образ. Исследователи противопоставляют

аллегорию и символ и отмечают, что символ по сути своей многозначен, а аллегория однозначна. Но в исследовательской практике частенько можно видеть смешение трех видов тропа: символа, аллегии и метафоры. Например, лиса — символ хитрости, лиса — аллегория хитрости, лиса — «хитрец», свойство человека, основанное на метафоре. В баснях и сказках, без сомнения, лиса — аллегория хитрости, заяц — трусости, медведь — неуклюжести и т. д. Но предикативно-характеризующее значение слова *тилё* «лиса» → «хитрец» является неотъемлемой частью персонификации и антропонправленной метафоры.

Олицетворение — один из типов аллегии, является стилистическим приемом, состоящим в том, что неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписываются качества или действия, присущие человеку:

Хёл куссулё шавласа
Юкса кайрё сырмара. (К. Ив.)

Слезы зимние уплыли
В мутной речке подо льдом.

Заметьте, *куссулё* (*хёл куссулё*) «слезы зимние» косвенное олицетворение, но при этом мы имплицитно представляем появление нового значения слова *куссулё* «слеза» → «таящая вода». Олицетворение присуще не только отдельному слову, но и словосочетанию, предложению, а то и целому высказыванию:

Хёвел савать тёнчене
Хёл ыйхинчен вйратса. (К. Ив.)

Горячо лаская, солнце
Будит землю ото сна.

К тропам относят и иронию, и гиперболу, и мейозис, и литоту, и перифразу, и сравнение, и эпитет. Все перечисленные тропы, кроме эпитета, являются лишь семапроизводящими. Эпитет иногда стоит близко к метафоре и отличается от обычного определения экспрессивностью, тем самым переносным тропеическим характером: *пасарнй тйнлав* «седые виски» (букв. заиндеветшие виски).

Н. И. Ашмарин в словарной статье *сарй* «желтый» (А XI 65) в качестве словозначений выделил // Эпитет весны: *сарй суркунне* «красивая, солнечная весна» и // Эпитет солнца: *сарй хёвел* «красное солнышко».

Тропеические переносные значения характерны для метафоры и метонимии. Они являются основными тропами, способствующими семемаобразованию. Но существует также мнение, что семемаобразование (а равно и развитие ЛСВ слов) вызвано не только метафоризацией и метонимизацией, но и абстрагизацией, конкретизацией, конденсацией, терминологизацией, детерминологизацией, архаизацией, пейорацией, обновлением. Наиболее распространенными среди них

считаются процессы метафоризации, метонимизации, детерминологизации и пейорации. Указанные процессы, по мнению Г. Г. Ивлевой, не изолированы друг от друга, а зачастую действуют в комплексе [Ивлева, 1986, 75 и 127].

§ 3. Метафора (Мтф) и метафоризация

В языкознании метафора рассматривалась как процесс, созидающий новые значения слов и языковых выражений и, как правило, как стилистическое средство или художественный прием. Затем наметилась тенденция различения языковой метафоры от художественной, т. е. в понимании некоторых языковедов, «литературоведческое понимание термина метафора коренным образом отличается от лингвистического понимания» [Лясота, 1957, 136]. Такое представление, по мнению Е. А. Некрасовой, не только уводит в сторону от исследования важных семантических процессов, но, по существу, оставляет эту область языковой семантики вообще вне специального изучения с точки зрения языкового механизма образования индивидуального метафорического сдвига в слове, поскольку из такого рода утверждений довольно легко сделать вывод о внеязыковой природе индивидуальных («случайных», «единовременных») метафорических употреблений слова [Некрасова, 1975, 76].

Если считать, что «язык — это словарь потускневших метафор» (Рихтер), то можно усмотреть в этом процесс бытовизации ЛСВ слов, а поэтические (художественные) метафоры рассматривать с точки зрения процесса неологизации ЛСВ слов. Художественные (поэтические) метафоры являются показателем динамики словозначений, в них, как и в «потускневших метафорах», абстрактные значения зиждутся на конкретных, т. е. процесс развития как конкретных значений из конкретных, так и абстрактных из конкретных происходит в ходе метафоризации ЛСВ непрерывно.

Начиная с 60-х годов нашего столетия проблема метафоры и метафоризации стала чуть ли не «краеугольным камнем» в исследовании семантики. Чем же вызвана такая «метафорическая волна» семантических исследований? На наш взгляд, прежде всего важнейшим методологическим сдвигом, наметившимся в современной советской лингвистике, которая, отказавшись от имманентного принципа рассмотрения языка «в самом себе и для себя», перешла к лингвистике антропологической, которая намерена изучать языковые процессы (в том числе и семантические) в тесной связи с человеком. Из истории языкознания нам известна антропологи-

ческая трактовка языка В. Гумбольдом*, который предполагал не только расширение области исследования науки о языке, но и изменение основ самой лингвистической теории и ее организации. При таком подходе базисные понятия языка задаются эксплицитно с учетом связи языка — конститутивного свойства человека — с другими его конститутивными свойствами и несут на себе следы такой связи. В лингвофилософской концепции В. Гумбольдта лежит структурный изоморфизм человека и продукта его деятельности — языка. Подобно самому человеку, он (язык) есть постепенно развертывающаяся бесконечность, и он должен быть в состоянии преобразовываться в ответ на всякий духовный сдвиг, поэтому в языке, как «в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя» [Гумбольдт, 1984, 158].

Да и в области гуманитарного значения наметилась тенденция рассмотрения вселенной как динамической системы. В этих условиях в центре внимания оказалась деятельность человека разумного, обеспечивающая ему ориентацию в мире. Таким образом, темы «Языковой фактор в человеке» и «Человеческий фактор в языке» стали в центре внимания не только общей лингвистики, но и ее отдельных отраслей.

Метафора, как никакой другой троп, непосредственно связана с человеческим фактором в семантике.

Попытки связать метафорический процесс с человеческой деятельностью проявляются уже в конце 50-х годов нашего века. Так, например, Е. Т. Черкасова полагает, что главная роль в процессе метафоризации принадлежит основным семантическим категориям имени существительного: категории одушевленности и неодушевленности (и их частным значениям). Именно этим определяются основные типы соотношений лексических связей слов, известные под названием «родов» метафор (и чаще — «видов переноса») [Черкасова, 1959, 14]. Здесь же автор приводит классификацию, показывающую процесс метафоризации существительных: неодушевленное существительное → неодушевленное, одушевленное → одушевленное; одушевленное → неодушевленное; неодушевленное → одушевленное. Естественно, классификация была примитивной, поэтому стала объектом критических замечаний, например, со стороны Е. А. Некрасовой, что в примерах *стальное перо* и *стальное небо* образование «метафорического сдвига в прилагательном можно объяснить не через изменение категориальной характеристики существительного, а через изменение категориальной принадлежности самого прилагательного» [Некрасова, 1975, 83].

* В. Гумбольдт был родоначальником создания проекта о языке на антропологических началах.

Идея, высказанная Е. Т. Черкасовой, была поддержана последующими исследователями. В трудах, посвященных процессу метафоризации, стали появляться такие общие схемы переносов: живое → неживое; живое → живое, неживое → живое; конкретное → абстрактное. Выдвигались и некоторые общие тенденции сдвигов: физическая лексика служит для характеристики психических состояний человека, атрибут предмета переходит в атрибут абстрактного понятия.

По мнению Г. Н. Скляревской, метафора осуществляется по-разному в пределах разных частей речи. Применительно к существительным она использует принцип классификации по характеру соотношения субъекта и объекта метафоры и указывает, что метафоризация осуществляется по следующим направлениям: предмет → предмет, животное → человек, человек → человек, предмет → человек, предмет → физическое явление, предмет → психическое явление, предмет → отвлеченное понятие, физическое явление → психическое явление. Цитируя Н. Д. Арутюнову, автор подчеркивает, что «центр притяжения» метафоры — «человек и все, что связано с его жизнью» [Скляревская, 1988, 66].

Из приведенной классификации нетрудно увидеть, что все типы метафоры основаны на ассоциативных связях человеческого опыта. Это говорит о том, что Мтф (-метафора) антропометрична по своей природе. Антропометричность — способность человека представить одну сущность так, как если бы она была подобна другой. Антропометричность — это осознание человеком себя «мерой всех вещей». При лингвокреативном мышлении человек измеряет все формы бытия в масштабе своего опыта и знаний и по своему образу и подобию [Телия, 1988, 40—41]. Как указывает В. Н. Телия, введение в модель метафоры параметра антропометричности обязывает рассматривать метафорический процесс как деятельность некоторой «языковой личности», соизмеряющей себя и весь мир в диапазоне «личностного тезауруса» (который и есть индивидуальная картина мира). Автор считает антропометричность одним из проявлений антропоцентричности человеческого сознания (и знания) и основанием антропоморфности. Тем самым антропометричность рассматривается в рамках антропоцентричности, антропоморфность считается одним из следствий антропометричности.

По антропоцентрическому канону создается та «наивная картина мира», которая находит выражение в самой возможности осмысливать явления природы или абстрактные понятия как «опредмеченные» константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами [Телия, 1988 6, 174].

Роль семантики (переносных значений, основанных на метафоре) огромна в познании человеком действительности вообще и самой человеческой природы, в частности, при помощи языковых средств (в том числе посредством метафорических значений) создается и «наивная картина личности». Метафорически можно охарактеризовать человека по его внешности, по социальному и трудовому статусу, по внутренним, психическим свойствам, по интеллектуальным качествам. Можно «обозвать» метафорически человека лисой, медведем, болваном, дубом, но от этого человек не превращается в животного или в растение. Однако «эмотивная насыщенность» метафорически использованных слов достигает при этом апогея. Вспомним хотя бы рассказ Н. В. Гоголя, где один из героев обозвал другого «гусаком» и что из этого вышло.

По остроумному замечанию В. В. Морковкина, «в то время как люди пользуются языком как средством общения, сам язык пользуется людьми как орудием, с помощью которого он поддерживает свое здоровье и осуществляет свое развитие» [Морковкин, 1988, 132]. Кстати, в этой же работе автор поднимает вопрос об антропоцентрическом подходе к лексикографированию наряду с лингвоцентрическим. По его мнению, главная задача антропоцентрических словарей — помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании этого языка, т. к. чтобы правильно, метафорически и идиоматично употребить слово в речи, надо знать не только, какой внеязыковой факт оно именуется, но и как соотносится с другими словами, близкими к нему в каком-либо отношении, и каковы его сочетаемостные свойства, исходящие из вторичных (переносных) значений слов.

По существу, метафора является моделью выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую «скрыто» и нестандартно [Телия, 1988 б, 180]. Возьмем, например, многозначное слово *кѣтѹ* 1. стадо, гурт, табун, стая, рой и т. д.; 2. косяк; 3. ватага. Разница в значениях *сурѣх кѣтѹ* «стадо овец» и *ача кѣтѹ* «ватага ребят» в переносном образе. В таких случаях может сказать, что значение слова *кѣтѹ* антропонаправлено, поскольку понятие «ватага» предполагает не животных, а людей, в данном примере — ребят.

Теперь возьмем дериватему *кѣтѹсѣ* «пастух». Номинативно-производное значение этой дериватемы тоже антропонаправлено, поскольку *кѣтѹсѣ* «пастух» — человек, а *кѣтѹ* «стадо» — группа животных. В свою очередь, производное значение может быть и переносным: «охранитель, охранник»: *киремет кѣтѹси* «охранитель мольбищ» (А VI 238). Значение

слова может быть переосмыслено во фразеологизмах: *xër-arâm kêtûci* «бабник», *ача кётъси* «учитель». Фразеологические связанные значения «бабник», «учитель» сохраняют мотивацию производного имени.

Таким образом, метафору можно рассматривать как модель семемапроизводства. Антропометричность метафоры служит средством создания языковой картины мира (ЯКМ) вообще и языковой картины человека (ЯКЧ) в частности.

Теория метафоры должна опираться на хорошо разработанную теорию направленности семантических изменений. С. Ульманн в статье «Семантические универсалии» указывает на распространенность метафоры антропоморфического типа и рассматривает такую метафору как языковую универсалию. Используя терминологию Шпербера, автор говорит, что наше тело есть центр как метафорной экспансии, так и метафорного притяжения [Ульманн, 1970, 277—278].

А. И. Гудаевичус различает антропоцентрическую и антропоморфическую тенденции метафоризации. Антропоцентрическая, по его мнению, это использование наименований животных для обозначения человека, антропоморфная — перенос наименований, относящихся к человеку, на явления и предметы природы [Гудаевичус, 1984, 24].

В данной работе мы предпочли назвать эти тенденции развития лексической семантики антропобежной и антропостремительной.

Антропостремительной тенденцией развития лексической семантики мы называем процесс образования и использования номинативно-производных переносных (метафорических и метонимических) значений слов для характеризации (характеристики) личности, антропобежной — перенос наименований, относящихся к личности, на явления, предметы природы и артефакты. Антропостремительная тенденция развития семантики может быть обобщенно названа семантической субъективацией, или персонификацией, а антропобежное — семантической объективацией и семантической абстрагизацией.

Естественно, картина мира в ее отражении переносными значениями слов гораздо сложнее и глубже.

Одной из основных функций языка, а также и лексической семантики, является выражение связанности мира человека с окружающим его объективным миром. Показать человека в мире отношений и зависимостей с точки зрения вторичных значений слов — цель второй главы нашей работы. В этой работе будут противопоставлены два взаимнесовместимых понятия: *человек* и *слово*.

Человек — субъект и объект общественно-исторической деятельности и культуры. Человек — высшая ступень жи-

вых организмов на земле, самый сложный из живых организмов.

Слово — самая сложная единица языка, одна из основных единиц языка, служащая для именованя предметов, лиц, процессов, свойств.

Человек является не только единственным именуемым существом, но и единственным в мире объектом, способным к самонаименованию, самохарактеристике и самообзыванию. Основным значением слова субъект является «познающий и действующий человек, противостоящий внешнему миру как объекту познания и преобразования» [Степанов, 1985, 217].

Как действующему субъекту, человеку не свойственна статика, он постоянно в движении—самосовершенствовании.

В слове тоже заключен, как правильно подчеркивает Н. Ю. Шведова, залог постоянного движения, развития, обусловленный его противоборствующими потенциалами: центростремительным (притяжение к себе) и центробежным (работа выбора и отдачи). В результате реализации заключенного в слове центростремительного потенциала к нему притягиваются свойства окружающих его контекстов и входящих в них единиц; под действием этих свойств становятся возможными новые употребления слова, в нем формируются новые значения, новые отношения к своим семантическим партнерам. Под действием центробежного потенциала у слова формируются в разной степени устойчивые синтагматические связи [Шведова, 1984, 8; 1988, 10].

Естественно, термины центростремительный и центробежный потенциалы слова и антропостремительный и антропобежный типы (или тенденции) развития семантической структуры слова неравнозначны, но в них есть одна точка соприкосновения — в обоих случаях речь идет о потенциальной возможности слова. Центростремительные свойства составляют характеристику слова как единицы, принадлежащей лексической системе языка, антропостремительные и антропобежные свойства — семантической структуре, а в целом семантической системе лексики. При центростремительном потенциале «работа» направлена к самому слову, а при антропостремительном типе изменения значения слова направлена на человека.

Известно, что человек — сознательно и бессознательно — значительную часть своей мыслительной работы «не обнаружит» [Супрун, 1980, 7 и сл.]. В слове заложена огромная семантическая потенция. Всякий языковой знак может иметь бесконечное количество значений, т. е. быть символом [Лосев, 1982, 64]. Это говорит о том, что значительную часть смыслозначений слово в большинстве случаев «не обнаруду-

ет», т. е. со своими номинативно-производными и переносными значениями слово подобно айсбергу, лишь малая часть которого доступна взору человеческому, значительная же часть скрыта от прямого наблюдения.

Человек познается в труде, в общении с людьми (в семье, на работе, на досуге). Впервые встреченного человека можно охарактеризовать лишь внешне (фигура, и черты лица, рост, цвет волос, глаз, одежда и т. д.). По биолого-физиологическим данным можно приблизительно определить, какого он возраста и пола, какой национальности. Но невозможно, не вступив с ним в контакт, охарактеризовать его мыслительные проявления воли, весьма затруднительно предугадать социально-трудовые и родственные отношения и т. д. «Я ничего не знаю об этом человеке, если знаю только, что его зовут Яковом», — как сказал К. Маркс.

«Жизнедеятельность» слова тоже определяется в конкретном окружении других значимых лингвистических единиц — в контексте. Отдельно взятое слово знакомо нам зачастую лишь по его основному смыслу. Например, слово *сивёт* «коса» (несколько прядей волос, сплетенных вместе) нам известно по фонетической конфигурации и номинативному значению, но без контекста нам неведомо его диалектное переносное значение «веревочная лестница» (для подъема на дерево). В этом примере заключено антропобежное развитие значения слова *сивёт* «коса» (часть тела человека) → предмет (лестница).

Главная отличительная черта личности — способность мыслить, воображать. Его неотъемлемыми свойствами являются такие семантические признаки, как пол, возраст, раса, национальность, язык, внешность.

В слове же, как единице языка, слиты три структуры: фонетическая, морфологическая и семантическая, и каждая из них имеет внутри слова свое собственное членение. В слове сочленены означающее и означаемое, одному означающему в большинстве случаев соответствует несколько означаемых. По справедливому замечанию С. Карцевского, сформулировавшего принцип асимметричного дуализма языкового знака, означающее, знака стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; означаемое стремится к тому, чтобы выразить иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны [Карцевский, 1965, 87].

§ 4. Метонимия (Мтн) и метонимизация

Метонимия — способ номинации реалии на основе имени другой реалии, т. е. наименования того или иного предмета

или явления, перенесенного на другой предмет. Это — явление переноса по смежности, употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней и внутренней связи между ними.

Обратимся к лексикографическим изданиям, которые должны служить основными источниками фактического материала по метонимическим переносам. Если метонимия является процессом (актом), способствующим семемаобразованию, то метонимизация значений должна занять подобающее место в двуязычных и толковых словарях. Поскольку толкового словаря чувашского языка пока нет, то обратимся к ЧРС 1982 (1985) под редакцией М. И. Скворцова.

Рассмотрим тип полисемии «вместилище → востимое», т. е. «помещение, строение» → «люди, находящиеся там»: *кил* 1. дом, жилище; 2. двор, хозяйство, но метонимическое значение «семья» почему-то фигурирует в пределах первой рубрики: 1. дом, семья, жилище (ЧРС 1982, 175), которое должно было занять подобающее место под номером 3 с пометой *перен.* Ср. пример гораздо более регулярного расширения понятия при метонимизации слова *вучах* 1. очаг; 2. *перен.* очаг; 3. костер; 4. горн (в кузнице); 5. *перен.* очаг, семья, родной дом (ЧРС 1982, 86).

Тип переноса «учреждение → люди» двуязычные словари вовсе не фиксируют, то же самое следует сказать о типе переноса «населенный пункт → люди» (кроме одной единственной лексемы *ял* «деревня, село» → «жители»).

Метонимические переносы обойдены словарями не только в пределах существительных, но и других частей речи: Мтн значения прилагательных (и отчасти глаголов) оставлены без фиксации. Например, метонимическим соотношением значений характеризуется глагол *сур: йывăç сур* «колоть дерево», *вутă сур* «колоть дрова» (*йывăç* «дерево» — объект, который подвергается действию, но *вутă* «дрова» — это уже результат действия: колоть дерево на дрова), ср. *хăма сур* «пилить дерево на доски» (букв. пилить доску) должно быть *йывăçа хăмалăх сур* «пилить дерево на доски», где наблюдается явление эллипсиса.

То, что в тюркологии, в частности в тувинской лексикографии, многозначные слова с метонимическими связями значений приведены далеко не полностью, отмечает Б. И. Татаринцев. «Данное обстоятельство может быть объяснено тем, — пишет он, — что ЛСВ не столь значительно отличаются одно от другого, как при полисемии, явившейся результатом метафорических переносов», ... что выделение (классификация) понятий, значения слова связано с человеческой практикой, постоянно обновляющейся и изменяющейся, в свя-

зи с чем и понятия оказываются зыбкими в своих границах. В результате одно и то же явление может быть представлено то как многозначность, то как однозначность» [Татаринцев, 1987, 49].

Главная причина нефиксации Мтн переносов в словарях объясняется, на наш взгляд, слабой изученностью явления метонимии. На этой почве Мтн считается не семемаобразующим, а лишь семапронизующим процессом.

1. Персонификация (от лат. *persona* «лицо», «человек»). При метонимизации наблюдаем (порою, хотя не так четко) те же процессы персонификации (субъективации) и объективации семантических переходов. Метонимия демонстрирует следующие типы антропостремительного семантического сдвига: 1. персонификация: *сухал* 1. борода (волосистой покров на нижней части лица); 2. *перен.* бородач (бородастый человек); ср. заимствованный из русского языка *шлепка* (русс. *шляпа, шляпка*) с метонимическими значениями «человек в шляпе» → «растяпа» (вялый, безынициативный человек). В ЧРС 1982 реестровой словарной единицей является *шлепка*, а в ЧРС 1961 дано слово *шэлеп* диал. шляпа, шляпка, т. е. без Мтн словозначений*.

Заимствованные из русского языка слова, обозначающие названия должностей или чинов и тех, кто работает в этом чине, также не находят адекватной подачи в словарях. В словарях *профессор, доктор, капитан, майор, полковник, генерал* и т. д., во всех случаях имеет место метонимически обоснованная персонификация.

Способность персонификации проявляют и заимствованные слова с альтернативными значениями 1) «голос» → «певец с таким голосом»: *альт, баритон, тенор, бас*; 2) «музыкальный инструмент» → «человек (артист), играющий на этом инструменте»: *скрипка, контрабас, труба, виолончель* и т. д.

Метонимически обоснованную персонификацию наблюдаем также при переносах значений: «свойство» → «лицо, носитель свойства»; *гений* 1. высшая творческая способность;

* В словаре Н. И. Ашмарина даны два варианта: *шлепка* «шляпка» и *шэлепке* «шляпа». Хотя автор не выделяет Мтн значение данной лексики, но в примере *Хура шэлепке яклашка хёрсем тавра савранъске* (АХVII 373), оставленном без перевода, *шэлепке* (вернее: *хура шэлепке*) выступает в Мтн значении: «Франт (щеголь) в черной шляпе кружит вокруг девушек». В пятом томе словаря (А V 171—172) Н. И. Ашмарин приводит семантическую онимизацию апеллятива *яклашка* → *Яклашка* «насмешливое прозвище Якова»: «*Хура шэлепке Яклашка хёрсем енге суланъте*» «Яков в черной шляпе тянется к девушкам». Последний пример является наглядным подтверждением метонимизации словосочетания *хура шэлепке* (а равно и слова *шэлепке*).

2. человек, обладающий такой способностью; *талант* 1. дарование, выдающиеся природные способности; 2. человек, обладающий такой способностью; *авторитет* 1. общепризнанное значение, влияние; 2. лицо, пользующееся влиянием, признанием.

Подача значений этих слов в ЧРС 1982 не одинакова: словарные статьи *авторитет* и *талант* снабжены переносными Мтн значениями, а у слова *гени* «гений» переносного значения в словаре нет, хотя иллюстративный пример при этом имеется: *Пушкин генийё* «гений Пушкина»; *вёл чан-чан гени* «он настоящий гений».

Антропобежный тип Мтн переносов наблюдается у антропонимов: «автор → произведения этого автора»: *Вёл Пушкина юратнэ тессё* (Хус.) «Говорят, что она (Зоя Космодемьянская. — В. С.) любила Пушкина», т. е. произведения А. С. Пушкина.

Мтн в сфере личного собственного имени ограничена определенными условиями семантико-синтаксического характера. Контекст словосочетания или предложения выступает в качестве фактора, регулирующего нормативность Мтн переноса.

II. Популяция (от лат. *populus* «народ»):

а) «помещение → кто (что) в нем функционирует»: *класс, шул, хваттер, зал, вокзал, пёрт, коридор: Пиллёмжёш класс мала тухрё* «Пятый класс (т. е. ученики 5 класса) занял первое место»;

б) «населенный пункт → те, кто в нем живет (живут)»: *ял «деревня»; «село», хула «город»; поселок, урам «улица»; район, область, площадь* и т. д.;

в) «социальная организация, учреждение → совокупность его сотрудников»: *фабрика, завод, колхоз, совхоз*;

г) «социальное событие, мероприятие → его участники»: *канашлу «совещание», съезд, конференци, конгресс, пуху «собрание»*;

д) «средства передвижения (транспорта) → те, кто в них находится»: *вакун «вагон», автобус, трамвай, троллейбус, пуйяс «поезд»* и т. д.

Здесь следует указать, что в словах типа *хула* «город», *ял* «деревня, село», *поселок* и т. д. сема «жители» потенциально присутствует в их семантике; естественно, она, актуализируясь, переходит в семему. Можем сказать лишь *Авалхи хула вырйнё* «Место старого города», «древнее городище» значение «жители» тотчас всплывает в памяти, т. е. когда-то был город, были, естественно, и жители. Ср.: современный город — населенный пункт, а мертвый город — город, покинутый жителями.

Слова со значениями «социальная организация», «помещение», «средство транспорта» следуют той же метонимической формуле, что и названия населенных пунктов [Шмелев, 1982, 19].

К процессу популяции относятся также следующие метонимические переносы:

е) «полномочия → те, кто ими наделен»: *выр'анти власть* «местная власть», *влацсем хушмаццё* «власти не разрешают».

§ 5. Описание семантической структуры слова как члена определенной тематической группы

Системное множество словозначений (ЛСВ) образует семантическую структуру слова. Проблеме семантической структуры слова посвящена огромная научная литература. Обзоры ее можно найти в ряде работ [Арнольд, 1966; Степанова, 1968; Комлев, 1969]. Издан специальный сборник под названием «Семантическая структура слова» (М.: Наука, 1971), где данная проблема ставится как проблема психолингвистическая: семантическая структура слова есть микрокосм, в котором отражена структура человеческого знания или по крайней мере какая-то часть этого знания.

Останавливаемся на этой теме потому, что до сих пор антропостремительное и антропобежное направления развития словозначений не были предметом системного рассмотрения. Изучение семантической структуры слова с этой точки зрения является, на наш взгляд, актуальной проблемой современной семасиологии.

Традиционными объектами семасиологического исследования являются группы лексических единиц. В последние десятилетия внимание многих лингвистов привлекают семантические исследования тематических групп лексики (ТГЛ или ТГ). Вопрос о тематических группах разработана в языкознании пока недостаточно, поэтому изучение ТГЛ — актуальная проблема современной семасиологии. Она была объектом внимания академика Ф. П. Филина, который впервые ввел в научный оборот термин «тематическая группа» [Филин, 1977, 142—150; Филин, 1982, 227—239] и понимал под ТГ группу слов, объединенных не на основе лексико-семантических связей, а на основе самих реалий. Наряду с термином «тематическая группа» для обозначения этого понятия существуют терминосочетания: тематический класс, тематический ряд, предметная группа и др.

Тематической группой лексики (ТГЛ) называем группу слов одной части речи, выделяемую в силу предметно-логи-

ческих связей обозначаемых этими словами реалий: вещей, предметов (одушевленных и неодушевленных), артефактов, свойств и отношений [см. Шафиков, 1982, 95]. ТГЛ напоминает семантическую классификацию лексики в идеографических словарях, где в основу кладут гипонимические отношения словозначений.

Иерархическая структура идеографического словаря немецкого языка была предложена исследователями-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом в трихотомической формулировке: а) Вселенная; б) Человек; в) Человек и Вселенная [см. Караулов, 1976, 35—57; 256—257]; Шайхулов, 1983, 39—41; 1988, 59].

Известны схемы классификации лексики разных западноевропейских языков: схемы Х. Касареса, Дорнзайфа, Майера и др. У Дорнзайфа, как и у Касареса, в центре классификации стоит ЧЕЛОВЕК, такую же ориентацию имеет и схема Майера [см. Караулов, 1976, 254]. Правда, у Х. Касареса на первое место поставлено понятие БОГ, но объективно центральное место занимает ЧЕЛОВЕК. Таким образом, схеме Х. Касареса объективно присуща антропоцентрическая ориентация.

Используя трихотомическую классификацию Халлига-Вартбурга, А. Г. Шайхулов предлагает предварительную лексико-тематическую классификацию апеллятивных единиц языков Волго-Камско-Уральского региона в следующей логической последовательности: I. Природа. II. Человек. III. Общество. IV. Познание [Шайхулов, 1984, 53—55; Шайхулов, 1988, 71—72].

Основные обозначения групп и подгрупп заимствованы нами из вышеперечисленных работ Ю. Н. Караулова и А. Г. Шайхулова, но с соответствующими изменениями, поправками и дополнениями.

Каждая из указанных тематических групп может быть разбита на подгруппы. Лексико-тематические группы апеллятивных единиц вокабуляра приведены А. Г. Шайхуловым в следующем виде:

I. Природа. 1. Неживая природа: 1) Земля: строение земной поверхности; 2) Воды, виды водных объектов; 3) Воздух (космос): виды природных (космических) явлений: дождь, ветер, буря, зарница, молния. 2. Живая природа: 1) Флора: виды растительного мира; строение растений; 2) Фауна: виды животного мира; строение тела животных, птиц.

II. Человек. 1. Биологические свойства человека (внешнее и внутреннее строение). 2. Жизнь и развитие человека (рождение, жизнь, болезнь, смерть). 3. Внешний вид, наружность (фигура, телосложение, осанка, рост, походка и т. д.).

4. Внутренний мир человека, эмоциональные свойства, психические свойства (темперамент, характер и т. д.).

III. Общество. 1. Человек в обществе. Потребности человека в обществе (питание, жилище, одежда, обувь, посуда, украшения, постельные принадлежности). 2. Человек как общественное существо. Семья и родственные отношения и связи. 3. Государство. 4. Политическая жизнь общества.

IV. Познание (априори). Абстрактные отношения и формы существования материи. 1. Измерение. 2. Величина. 3. Время. 4. Пространство. 5. Субъективные и объективные познавательные процессы: ощущение, восприятие, память, внимание, мышление, речь, воображение [Шайхулов, 1988, 97]. Более подробную схему см. в [Шайхулов, 1983, 38—41].

С точки зрения теории индоевропейской лексикологии и лексикографии тематическая группа, а также и семантическое поле «Человек» являются наиболее изученными [см. Караулов, 1976, 39—48]. В тюркологии ни то, ни другое не разработаны. Перед нами стоит задача определения того, какое место занимает антропосема «Человек» в структуре многозначных чувашских слов.

Учитывая то обстоятельство, что любое целое и любое множество состоит из отдельных элементов (а любая тематическая группа включает ряд слов, объединенных на основе предметно-логических связей), мы склонны начать исследование с описания семантического диапазона одного определенного многозначного слова, который выступает в качестве ориентира, в котором могут быть концентрированы отдельные смысловые параметры, характерные для всей группы в целом [Кузнецов, 1976, 183], и тем самым наметить тенденции развития словозначений как в отдельно взятой лексеме, так и в тематической группе в целом.

§ 6. Тематический класс слов «части тела» и семантическая структура вокабул этого ряда

...Ибо человек не был создан дважды,
один раз без языка, а другой раз с языком.

Э. БЕНВЕНИСТ

Следует различать семантическую структуру многозначного слова и семантическую структуру значения.

Под структурой понимается внутренняя организация целого, характер взаимоотношений между элементами. Семантическая структура слова — зависимость между семемами, которые взаимно обуславливают друг друга в пределах многозначного слова. Под семантической структурой значения

Следует понимать взаимозависимость между основной (ядерной) семемой и вторичными (периферийными) семами в пределах словозначения. Схематически ее можно представить так:

<i>ăсчăх</i> «мудрец» основная семема	[— [— [— [— [—	0 лицо (человек) — сквозная ядерная сема:
		1 сема: способный рассуждать
		2 сема: с богатой интуицией
		3 сема: с большим опытом
		4 сема: быстро соображающий

Упрощенные модели семантической структуры полисемантов могут быть представлены схематически в следующем порядке:

<i>тарçă</i> «слуга» основная семема лексемы	[— [— [— [— [—	1 лицо (человек) — сквозная ядерная семема
		2 семема: батрак
		3 семема: лакей
		4 семема: холуй
		5 семема: депутат (ср. <i>халăх тарçи</i> «слуга народа»)

Упрощенные модели семантической структуры слова (семантического древа значений) дают общее представление об устройстве словозначений полисеманта. Они позволяют судить о компактности или разбросанности семем в пределах той или иной лексемы, т. е. как сильны в них центростремительные связи, насколько семантика слова склонна к распаду и образованию омонимов, т. е. как сильны в них центробежные силы [Никитин, 1983, 48].

Виды семантической структуры полисемантов различаются также в зависимости от принципов соединения ЛСВ друг с другом: 1) последовательное включение, конкатенация, т. е. цепочечная полисемия: при наличии одного основного значения каждое из входящих в цепь значений является производящим по отношению к последующему (производному); 2) параллельное включение, иррадиация (радиальная полисемия): все производные значения восходят к основному значению; 3) семантическая структура содержит элементы параллельного и последовательного включения [Кацнельсон, 1966, 58, 59], или иррадиально-конкатенационная (радиально-цепочечная) полисемия.

Дифференцированное исследование семантической структуры слов осуществляется впервые на материале чувашского языка, поэтому на начальном этапе источником для исследования служат лексикографические издания (двуязычные словари): ЧРС 1961 и ЧРС 1982 (1985) под редакцией М. И. Скворцова и словарь Н. И. Ашмарина в 17-и томах.

Для наглядности каркас словарной статьи *пуç* «голова» представим в следующем виде:

<i>пуç</i> 1. «голова» (часть тела, анатомический орган человека) 1а. «морда» (часть тела животного)	— 2. глава, руководитель, начальник, предводитель (положительная оценка)
— 2а. главарь (пейоративная, негативная оценка)
— 3. человек, душа, индивид, личность
— 4. голова (при счете скота)
— 5. колос, початок
— 6. головка обуви
— 7. кочан, головка, вилок, штука
— 8. исток, верховье (реки)
— 9. конец, оконечность
— 10. торец, боковина (строения)
— 11. начало
— 12. жизнь (А X 18)
— 13. ум (<i>пуç</i> , <i>ситмерё</i> «ума не хватило»)
— 14. рассудок
— 15. благодарение (А X 18)
— 16. волосы (А X 18; ЧРС 1961)
— 17. семья пчел (А X 18)
— 18. перед (А X 17)
— 19. и т. д. ∞ |
|--|---|

Перед нами пример радиальной полисемии. Лексикография представляет это слово как семантему, имеющую жесткие и четкие границы словозначений. Семасиология же должна нарушить это «определенно-заданное» представление о семантической (семемной) структуре лексем. Стабильность полисемии и содержательная определенность отдельной семемы справедливы лишь в вероятностном смысле, они оказываются лингвистическим (словарным) конструктом, допустимым для определенных целей и в определенных пределах [Никитин, 1983, 23]. Учитывая это, в семантической структуре слова *пуç* под номером 19 ставим знак бесконечности ∞. Это значит, что количество словозначений данной лексемы неопределенно, что нельзя предугадать все контекстные модификации ее семантики.

Исследование структуры полисеманта не ограничивается приведением возможного перечня его значений, нужно еще определить содержательные (смысловые) связи и отношения семем. Содержательные связи словозначений могут быть внутренними (межсемемными) и внешними (межлексемными). Внутрисемемные смысловые связи могут быть охарактеризованы как 1) омосемичные (эквивалентные по смыслу словозначения); омосемантами в пределах лексемы *пуç* являются «начальник» и «руководитель», «кочан» и «вилок»; 2) парасемичные (близкие по смыслу словозначения); парасемантами являются «колос» и «початок»; «человек», «инди-

вид» и «личность»; 3) антисемичные, т. е. конверсными являются «голова» и «морда»; 4) гетеросемичные (т. е. разнородные); гетеросемантами являются такие, как «морда» и «торец», «начальник» и «початок»; 5) энантиосемичные (явно противоположные): «начало» и «конец».

Внешними являются содержательные связи основного и производных (переносных) значений на межсловном уровне: синонимы, антонимы, паронимы. Например, словозначения (глава, руководитель, начальник, предводитель, вожак, главарь) могут быть выражены дериватами *пуслӑх, ертӗҫӗ*. Это значит, что слова *пуç* и *пуслӑх, ертӗҫӗ* являются квазисинонимами. Значение «душа» (человек) можно передать синонимичным словом *чун* «душа» → «человек»; значит, лексемы *пуç* и *чун* квазисинонимичны. Значение «колос» находит воплощение в прямом значении лексемы *пучах* (<*пуç* + -ах) «колос» и т. д.

Таким образом, эквивалентные по смыслу словозначения многозначного слова на межсемемном уровне являются омосемантами, а на межлексемном уровне они считаются синонимами (или квазисинонимами).

Исходя из параметра внутренних и внешних смысловых связей словозначений, можно сопоставить следующие семантические единицы:

1. на межсемемном уровне:	2. на межлексемном уровне:
парасеманты	паронимы
антисеманты (конверсивы)	антонимы
гетеросеманты	омонимы
энантиосеманты	антонимы

До сих пор лингвистика оперировала терминами «лексикологического характера», т. е. системность лексики и лексической семантики объяснялась терминами, характерными для межлексемного уровня.

В наше время проблемы семантики приобрели первостепенное значение и в связи с этим возникла необходимость изучения семантической структуры слова и подбора соответствующей терминологии этой отрасли языкознания.

Семантическую структуру лексемы *пуç* «голова» мы можем охарактеризовать как комбинированную потому, что в пределах семантемы обнаруживается разнонаправленный характер развития значений: здесь мы отмечаем наличие: 1) метафорической связи значений (ЛСВ) полисеманта; 2) метонимической (синекдохической); 3) таксономической и т. д. Например, смыслопереход «голова» → «руководитель, начальник, предводитель» может быть принят за метафорический перенос, если примем за основу сдвиг «предмет → человек». Если же за основу примем смыслопереход

«часть» → «целое», то перед нами метонимическая связь словозначений. Иногда такой переход считают синекдохой. Направление смысловых связей от «части» к «целому» намечается и в семантическом сдвиге «голова» → «семья пчел», «голова» → «человек (душа), индивид, личность». Отмечается, что *баш* «голова» в других тюркских языках также употребляется в значении «человек», «особь», «душа» [Татаринцев, 1987, 49; ЭСТЯ II 86].

Слово *пуç* «голова» порождает три типа метафорического переноса: а) первый связан с понятием «оконечность», «конец» и «начало», «перед»; б) другой выражает понятие сферичности предмета: «кочан», «головка (чеснока, лука)», «головка обуви»; в) третий выражает абстрактные понятия «жизнь», «ум», «рассудок». Значения «голова» и «жизнь» соотношены потому, что голова противопоставляется другим частям тела: ногам, рукам, носу, ушам, при потере которых человек может жить, хотя и калекой, но потеря головы влечет за собой смерть, поэтому значение «голова» и приравнено понятию «жизнь».

В комбинаторике лексема *пуç* может вырабатывать связанные (фразеологически или синтаксически) значения «первый, главный», «большой»: *пуç пурне* «большой палец», *пуç пул* «быть главным», т. е. «главенствовать».

Метафорический перенос «часть тела» → «географический объект (или его часть)» отмечается не только в тюркских, но и в языках других семей. В чувашском это наблюдается в случае *пуç* «голова» → «верховье реки», «исток».

По сходству местоположения выявляется метафорическая связь значений «голова» → «морда»; «голова» → «колос»; «голова» → «перед».

Редкий метафорический смыслопереход наблюдается при сдвиге «часть тела» → «часть этого же тела»: «голова» → «волосы» (роговые нитевидные образования, растущие на голове).

На примере полисеманта *пуç* «голова» наблюдаем следующие основные пути развития значений, направленные на человека:

1) персонификацию, или субъективацию, когда смыслопереход происходит по модели: а) «голова» → «руководитель, начальник, глава, главарь, предводитель, вождь»; б) «голова» → «человек, душа, индивид, личность». В таких случаях можно говорить об антропонправленности развития значения, а сам процесс именовать антропостремительным развитием. Семема, содержащая в своем составе понятие «человек», «лицо», будет названа антропосемемой. В составе антропосемемы «начальник», естественно, имеются ан-

тропосемы: должностное лицо, мужского или женского пола, взрослый.

Семантический процесс персонификации нередко сопровождается пейорацией, т. е. словозначение приобретает негативно-отрицательную коннотацию; например, «голова» → «руководитель» — положительное изменение значения, «голова» → «главарь» — отрицательное;

2) объективацию, когда семантический сдвиг происходит по формуле «часть тела (предмет) → предмет»: *нуç* «голова» (предметное слово *нуç* непосредственно и самостоятельно указывает на предмет — часть тела человека (или животного); «голова» → «колос, початок»; «голова» → «торец, боковина строения»; «голова» → «головка обуви»; «голова» → «волосы»;

3) абстрагизацию: «голова» — «ум, жизнь, рассудок».

Семантические сдвиги типа «голова» → «колос», «голова» → «торец», «голова» → «головка (предмета)» должны иметься антропобежным развитием значений.

Внутренние (межсемемные) смысловые связи можно называть парадигматическими связями (когда речь идет о значениях многозначного слова), а внешние — парадигматическими отношениями (когда речь идет о наличии общих смысловых элементов у разных слов одной и той же тематической группы). Определив парадигматические (внутренние, межсемемные) смысловые связи лексемы *нуç* «голова», мы должны перейти к рассмотрению парадигматических смысловых отношений между членами данной тематической группы, куда входит лексема *нуç*, с целью выявления общих закономерностей смысловых сдвигов.

Все типы переносных значений основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, поэтому мы можем говорить об антропометричности семантических сдвигов. Осознав себя «мерой всех вещей», человек стихийно творит антропометрический порядок и в семантической структуре слов, поэтому он сам и его тело становятся как бы центром метафорной и метонимичной экспансии и притяжения, т. е. в семантических структурах многозначных слов явно или косвенно проявляются антропостремительное и антропобежное направления развития значений. Это должно проявляться в процессах семантической субъективации (персонификации) и объективации. Например, до сих пор в языкознании в основном признавали направление «от самого человека и от ближайшей к человеку действительности на весь остальной мир» [Степанов, 1975, 23], а направление «от природы на внутренний мир человека, от тела человека на его духовные качества» освещалось крайне неудовлетворительно.

Поскольку выражение «части тела» содержит понятие части, то смыслопереход «часть → целое» должен быть универсальным, т. е. должен символизировать объективацию и субъективацию целого (а иногда и части).

I. Субъективация (персонификация) может осуществляться как в пределах отдельной лексемы, так и в бинармах: в комбинаторике (синтагмах и фразеологизмах); в составе которых есть слово, обозначающее часть тела: *чёлхе* «язык» → «пленник» (ср.: *вэрэм чёлхе* и *пицё чёлхе* «болтун»; *йўплё чёлхе* «сплетник»; *пыллэ чёлхе* «подхалим, льстец»); *сухал* «борода» → «бородач, бородатый человек»; *хэлха* «ухо, уши» → «подслушник» (подслушивающий), *ура* «нога, ноги» → «активный участник воровства» (А III 261); *пилёк* «поясница»: *тўрё пилёк* «белоручка»; *куц* «глаз, глаза», ср.: *выцэ куц* «жадюга»; *ыглашиши куц* «лишний очевидец, свидетель»; *хура куц* «красавица черноокая» (*савнэ тусэм, хура куцэм*); *алэ* «рука, руки» → «начальник», «властный руководитель» (семантическая калька с русского рука «человек, способный оказать протекцию»); *пыр* «горло» → «едок, иждивенец» (ср.: *харам пыр* «дармоед»); *хырам* «живот»: *тэранман хырам* «обжора»; *цэвар* «рот» → «едок, иждивенец»; «горлан» (А XII 317), ср.: *карма цэвар* «горлопан, горлан, крикун»; *сарлака цэвар, шапа цэвар(ё)* «тж»; *цэмка* «лоб»: *там цэмка* «болван», «дурак», *ацлэ цэмка* «умный человек», *катак цэмка* «глупец»; *туда* «губа, губы»; *йёне тутэ* «болтун, пустомеля»; *сэмса* «нос»: *йёне сэмса* «сопляк», *юха сэмса* «сопляк», *хёрлэ сэмса* «пьяница»; *пит* «лицо»: *кёцце пит* «бесстыжий, бессовестный человек».

Семантический процесс персонификации сопровождается пейорацией, т. е. наблюдается негативное изменение значений слов. Процесс этот, названный С. Ульманном «псевдоэвфемизмом» [Ульманн, 1970, 284], является универсальным, характерным для многих языков мира. Явление пейорации (или пейоративного изменения значения слова) было замечено и описано К. Ябергом уже в начале нашего века (1903, 1905 гг.) на материале французского языка, затем в 1929 г. Х. Шредер опубликовал работу о пейорации на материале английского языка [см.: Ульманн, 1970, 284, 298 (сноска № 93)]. С. Ульманн призывает изучать процесс пейорации на материале самых различных языков с целью дать отпор некоторым лингвистам, которые в пейорации видят симптом наступления эпохи пессимизма или цинизма в истории человеческого развития.

По нашим предварительным наблюдениям, пейорация (или «псевдоэвфемизм») является характерной чертой, сопровождающей процесс персонификации, т. е. субъектива-

ции, а при семантической объективации наблюдаются как «отрицательные», так и «положительные изменения».

II. Семантическая объективация в пределах данной тематической группы подчиняется принципу «часть → целое» и «часть → часть другого предмета»;

1) «часть (тела) → целое»: *хълха* «ухо» → «ореол, венец», (вокруг солнца) — физическое явление; *сухал* «борода» → «женское нагрудное украшение»; *майъх* «усы» → «голец» (рыба); *чере* «сердце» → «центр, столица»;

2) «часть тела» → «часть другого предмета»: *пуç* «голова» → «головка» (обуви); *хълха* «ухо» → «ручка, дужка, наушник»; *ура* «нога» → «ножка предмета»; *куç* «глаз» → «звено у окна»; *сухал* «борода» → «жабры» (рыбы); «ворсинка» (растений); *май* «шея» → «гриф» (часть музыкальных инструментов); *çавар* «рот» → «дуло, жерло»; *пыршă* «кишка» → «стрелка лука», «рукав насоса»; *пеçе* «нога» → «штанина»; *шъл* «зуб» → «зубец пилы»; *сăмса* «нос» → «козырек, носок»; *кăкър* «грудь» → «перед рубашки».

Как было отмечено, при переносе по принципу «часть тела → часть предмета» имеет место метафоро-метонимический сдвиг значений.

Переносное употребление слова может быть мотивировано одновременно различного рода ассоциациями. В таких случаях наблюдается совмещение тропов. Явление это получило название «обратимости тропов» [Кожевникова, 1979, 215—224; Земская и др., 1983, 203—204]. Обратимость тропов — это внутренняя связь различных тропов в пределах значений многозначного слова: метафора может сочетаться с метонимией, а сравнение с метафорой.

Тот же метафоро-метонимический сдвиг значений наблюдается, на наш взгляд, при переносе типа «часть тела → географический объект». До сих пор такой перенос считался только метафорическим по положению [Татаринцев, 1987, 53]; *пуç* «голова» → «начало оврага»; «верховье реки»; *пыр* «горло» → «устье»; *çавар* «рот» → «горловина»; «устье»; *çамка* «лоб» → «склон горы», *сăмса* «нос» → «мыс» (часть суши). Естественно, все географические объекты можно принять за цельные предметы, в таком случае название «метафорический перенос по положению» оправдывает себя полностью.

Смысловая связь «часть тела → географический объект» отмечена во всех языках мира, и это заставляет, по мнению Л. Г. Невской, предполагать более глубинную причину их неразрывности, нежели метафорическое осмысление географической реалии через части тела, и вынуждает обратиться к древним представлениям разных народов о сотворении мира и к текстам топонимических и других преданий, в кото-

рых появление конкретных географических объектов связывается с деятельностью мифических великанов или демиургов, предков и культурных героев... Некоторые архаические тексты содержат непосредственное указание на сотворение мира из частей человеческого тела:

И мира плоть стала землей,
Стали кости горами,
Небом стал череп холодного турса,
И кровь его морем («Старшая Эдда»).

То же в «Младшей Эдде»: «люди думали, что скалы и камни — это зубы и кости живых существ. И по всему этому они рассудили, что земля живая и неким образом наделена жизнью» [Невская, 1977, 161—163].

Семантический переход «часть тела → географическая реалья» считается семантической универсалией. Например, осмысление источника, родника как глаза является не только чувашской семантической закономерностью: чув. *çăл куçĕ* «родник, источник» (букв. источник глаз его); ср. лит. *ванденс акис* «источник» (букв. клаз воды). В языке южноамериканских индейцев источник обозначается как «глаз воды» ([Невская, 1977, 192—193]; ср. чув. *шыв куçĕ* «попыньа, промоина» (букв. вода глаз ее). По справедливому замечанию Н. И. Толстого, «лексемы, свойственные терминам частей тела, употребляются в основном в сфере терминов горного рельефа и в речных терминах» [Толстой, 1969, 246].

III. Процесс абстрагизации — от конкретного к абстрактному значению — считается «слишком хорошо известным» метафорическим переносом: *пуç* «голова» → «ум», «жизнь», «рассудок»; *куç* «глаз, глаза» → «зрение, взгляд»; *хăлха* «ухо, уши» → «слух»; *чĕлхе* «язык» → «язык (речь)»; *алă* «рука» → «протекция, власть»; *чĕре* «сердце» → «душа».

IV. Иногда можно наблюдать процесс онимизации апеллатива: «часть тела» → «прозвище (или компонент прозвища)»: это не что иное, как процесс онимической персонификации: *сухал* «борода»: *Сухал Тинехпи* — прозвище мужчины (А XI 216). Процесс, когда ИН (имя нарицательное) становится ИС (именем собственным) путем метафоризации, называется метафорической онимизацией [Подольская, 1988, 79] или антропонимизацией (там же, с. 33): *пакарта* «зоб»: *Пакарта Çеменĕ*; *май* «шея»: *Вăрăм Май* и т. д.

Названия частей тела проходят, таким образом, частичную антропонимизацию (метафорическую онимизацию) и частичную антропосемантизацию. Антропосемантизация и антропонимизация сопровождаются пейорацией. Например, *çăвар* «рот» → «крикун, горлан, горлопан» (негативная оценка) и *Катăк Çăвар* (Криворотов) — иронический персонаж комедии «Судра» («На суде») Ф. Павлова.

Исследуя семантическую систему тематической группы «части тела», мы обнаружили следующие тенденции развития словозначений: семантическую субъективацию (персонафикацию) и объективацию, направление абстрагирования и антропонимизации, которые выражены в частных семантических сдвигах типа: часть тела → человек негативный (экспрессив); часть тела → географический объект; часть тела → физическое явление; часть тела → отвлеченное понятие; часть тела человека → часть тела животных; часть тела → антропоним, часть тела → другая часть тела.

Сделав такое заявление о тенденциях развития словозначений в пределах одной тематической группы, следует проверить, распространяется ли это правило на другие тематические группы. Утвердительный ответ должен послужить доказательством правильности постулата и привести к выявлению семантических закономерностей.

§ 7. Тематическая группа «животные» и метафоры типа «животное → человек»

Животные не так глупы, как о них думают.
МОЛЬЕР

Тип метафоры «животное → человек» считается одним из самых сильных видов метахарактеристик личности (В. В. Виноградов назвал их предикативно-характеризующими значениями, которые направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи) и обладает яркой пейоративной окраской (исключения единичны: *голубь, орел, лев* и др.) [Склярская, 1987, 62]. Цель этих метафор — приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, т. е. перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия к оценке нейтральны, но человек подмечает в животных (экстралингвистический фактор) данные от природы признаки и приписывает человеку их этические, психические или социальные свойства, поведенческие характеристики. Из метафорического имени могут быть извлечены только те признаки, которые совместимы с денотатом. Так, если человека назовут лисой, то из этого не вытекает, что у него есть хвост. Из этого лишь следует, что он умеет замести за собой следы, хотя и не пользуется для этого хвостом.

§ 8. Пейорация и коннотация. Диффузность лексических значений слов ТГ «животные»

Пейорацией называется процесс образования вторичных значений слов с неодобрительным, уничижительным, депрциативным, детериоративным созначением (коннотацией). «Пейоративное» означает, что значение слова обладает отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией.

Хотя со времени появления термина «коннотация» прошло уже более ста лет, но однозначного осмысления этого понятия в лингвистике нет. По справедливому замечанию В. Н. Телия, «понятие коннотации — один из наиболее диффузных лингвистических концептов» [Телия, 1986, 3]. Это видно хотя бы из того, что ее интерпретируют то как стилистическое созначение, эмотивное значение, прагматическое значение, то как эмоциональное наслоение, потенциальные признаки, лексический фон и т. д. [Маслова, 1989, 108]. К тому же явление коннотации, при широкой распространенности термина, остается расплывчатым по объему и нечетким по содержанию. Для убедительности сравним ряд определений:

1. а) коннотация, добавочное значение, окраска, окрашенность. Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т. п.;

б) значение как инвариант (сигнификация, интенциональное значение и т. п.) в противопоставлении денотации, мыслимой как экстенциональное значение, соотношение с данным референтом [Ахманова, 1969, 204].

2. а) коннотация — особый компонент, дополнительный смысл, сопутствующий значению языковой единицы;

б) коннотация — ассоциируемый со словом признак, основанный на внутренней форме, принадлежащей «картине мира» и присущий носителям данного языка, данной культуры [Маслова, 1989, 108 и 119].

3. Коннотация — семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [Телия, 1986, 5].

4. «...мы относим к этому лингвистическому феномену ту часть лексического значения слова, с помощью которой вы-

ражается психическое состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и адресату речи, т. е. все то, что составляет цель эмотивной функции слова. Соответственно под коннотативным значением мы понимаем совокупность предикатных, т. е. характерологических компонентов семантики слова, соотносящихся с областями чувственной и рациональной квалификации денотата» [Шаховский, 1982, 30].

В приведенных определениях ясно выражено два направления понимания этого явления: 1) коннотация, присущая словесным знакам прямой и косвенной номинаций, есть скрытая, имплицитная сема или компонент значения, служащая для выражения разного рода эмоционально-оценочных оттенков или обертонов; 2) коннотация — интенциональное значение (т. е. семема) — значение слова как единицы языка.

Суть вопроса заключается в том, имеем ли мы дело с семапроизводством или же семемаобразованием, т. е. появлением нового значения. Решение этого вопроса имеет важное значение для разгадки проблем развития структуры многозначного слова: насколько оно может быть многозначным, т. е. даже диффузным.

Если даже признать проблему коннотации только как экспрессивно-оценочную окраску значения, то все равно приходится решать вопросы антропометрической семантики, поскольку этот процесс носит явно субъективно ориентированный характер: коннотация является гибким и чутким средством (хотя в большинстве случаев и негативным) для выражения человеком самого себя.

Коннотация концептуальна, специфична для каждого слова на уровне первичной и вторичной номинаций. Одно и то же слово может быть воспринято (с точки зрения коннотативных созначений) носителями языка по-разному, поскольку «экспрессия всегда субъективна, характерна и лична — от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа и культуры» [Виноградов, 1972, 21].

Если коннотация связывает объективное с субъективным в семантике, то привлечение испытуемых (носителей языка) для исследования коннотаций — не просто блажь, но и необходимость: мы прибегаем к психолингвистической методике, обращенной непосредственно к носителю языка.

Одновременно с выявлением коннотативных значений слов «животного цикла» мы ставили еще одну цель — проверку утверждения В. В. Виноградова, что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виногра-

дов, 1972, 17]. Учитывая то, что человек владеет словами с их закрепленными конвенционально значениями на уровне первичной номинации, мы решаем задачу проверки «приращения смыслов» на уровне вторичной номинации, обслуживающую аксиологическую, оценочную сферы. Для этой цели прибегаем к небольшому ассоциативному лингвистическому эксперименту, «который по сути дела представляет собой самый сильный вид аргументации» [Караулов, 1981, 135].

Эксперимент I. Процедура эксперимента: группе испытуемых (21 студенту II курса чувашского отделения ИФФ ЧГУ предлагалось записать (в колонку) десять названий животных:

1) ёне «корова»	6) чёкеç «ласточка»
2) сурăх «овца»	7) мулкач «заяц»
3) сăхан «ворон»	8) куян «русак»
4) кашкăр «волк»	9) арлан «хомяк»
5) упа «медведь»	10) тårна «журавль»

Ключом к дальнейшей работе служило слово *тилё*, которое фигурировало под номером 11 на последнем месте:

11) *тилё* «лиса» → перен. *чеё сын* «хитрый человек», «хитрец».

В результате были получены следующие ответы (коннотативные характеристики личности на уровне вторичной номинации):

1) *ёне* «корова» → *лўппер этем (сын)* «вялый, ленивый человек» (5); *мăшăлти* ≈ *мёшёлти сын* «медлительный человек»; «копун, копуша» (8), *пултарайман сын* «неспособный, бездарный человек» (2), *васкаман сын* «нерасторопный человек» (2), *кахал сын* «ленивый человек» (1), *выслăх сын* «жадный человек» (1), *нумай сиекен сын* «прожорливый человек» (1), *ура сине пусса иртекен сын* «человек, который наступает на ногу другому» (1);

2) *сурăх* «овца» → *ухмах сын* «глупый человек» (7), *ån-карса илеймен сын* «несообразительный человек» (5), *катăкрах сын* «придурок» (1), *шухăшламасăр калаçакан сын* «человек, говорящий необдуманно» (2), *сын хыççан каякан сын* «человек, повторяющий дурные поступки других» (2), *анкăминкё сын* «глупый человек» (1), *хаяр сын* «грозный человек» (1), *тарăхтаракан сын* «раздражающий человек» (1);

3) *сăхан* «ворон» → *сăткан сын* «жадный, алчный человек» (6), *усал сын* «нехороший человек» (6), *выслăх сын* «жадный человек» (2), *элек сарса сўрекен сын* «кляузный человек» (2), *ёмётсёр сын* «ненасытный человек» (1), *тårнан пёлмен сын* «ненасытный, жадный человек» (1), *нумая хапсанакан сын* «человек, который зарится на чужое» (1), *тавлашма юратакан сын* «человек, любящий спорить» (1), *ура хурса пыракан сын* «человек, причиняющий зло другому» (1);

4) *кашкър* «волк» → *усал сын* «дурной человек» (7), *сайткән сын* «прожорливый человек» (5), *хаяр сын* «злой человек» (3); *выслăх сын* «ненасытный человек» (2), *путсёр сын* «непутевый человек» (1), *хирёсле сын* «противный человек» (1), *сын япалине хапсанакан сын* «человек, заряющийся на чужое» (1);

5) *уна* «медведь» → *мёшёлти, мӑран сын* «медлительный человек» (10), *вӑйлӑ сын* «сильный человек» (5), *мӑйтӑр сын* «тучный, толстый человек» (2), *сывӑрма юратакан сын* «человек, любящий поспать» (1), *тёреклӗ, ним тумасӑр сӳрекен сын* «здоровый, но слоняющийся без дела человек» (1);

6) *чӑкӑс* «ласточка» → *хитре, илемлӗ сын* «красивый человек» (о девушках) (11), *сепӑс чӑлхеллӗ, илемлӗ калаҫакан сын* «человек, разговаривающий ласково» (4), *ёҫчен сын* «трудолюбивый человек» (4), *лайӑх сын* «хороший человек» (1);

7) *мулчак* «заяц» → *хӑракан сын, хӑравсӑ* «трусливый человек». «трус, трусишка» (16), *йӑрӑ, вӑр-вар сын* «проворный человек» (1), *хытӑ чупакан сын* «быстроногий человек» (2), *таракан сын* «убегающий человек» (2);

8) *куян* «заяц-русак» → «трусливый человек» (16), *капнайчӑк сын* «хвастливый человек» (1), *хӑвӑрт сӳрекен сын* «быстрый, шустрый человек» (1), *сителӗклӗ пурнӑҫпа пурӑнакан сын* «зажиточный человек» (1), *чее сын, улталакан сын* «хитрый человек», «обманывающий человек» (1);

9) *арлан* «хомяк» → *хӑйшӑн сес тӑрӑшакан сын* «старяющийся только за себя человек» (5), *ёҫчен сын* «трудолюбивый человек» (5), *выслӑх, сайткән сын* «жадный, прожорливый человек» (4), *вӑрҫма, хирёҫме юратакан сын* «драчливый, кляузный человек» (1), *вӑрлакан сын* «вороватый человек» (1), *чӑрӑ сын* «бойкий человек» (1), *васкакан сын* «торопливый человек» (1), *ниҫта та тухман сын* «домосед» (1), *пурне те пӗлме юратакан сын* «всезнайка» (1);

10) *тӑрна* «журавль» → *вӑрӑм, тӑсланкӑ, сӳллӗ сын* «высокий (ростом) человек» (12), *ухмах сын* «глупый человек» (2), *мӑнттай* «неуклюжий человек», «верзила» (1), *мӑнна хуракан сын* «гордец» (1), *синҫешке сын* «тонкий, долговязый человек» (1).

Ассоциативный эксперимент позволяет судить о диффузности коннотативных приращений. Подытоживая, можем сказать, что 1) область коннотативных значений психична и тем самым специфична для отдельных носителей языка; 2) в коннотации заложены элементы семантической динамики, т. е. деривации; 3) в слове заложены не только определенные семы, но и практически ничем не ограниченные метафорические переносы, порождающие семемы, которые выводят ак-

туальный смысл за пределы границ лексикографической нормы.

Эксперимент позволил открыть ряд скрытых сем, которые в сознании носителей языка уже подняты до уровня семем и ждут благоприятного момента, чтобы быть зафиксированными в виде отдельных словозначений.

Вернемся опять к высказыванию В. В. Виноградова, который утверждал, что «вне зависимости от данного употребления», «слово присутствует со всеми значениями», «со скрытыми и возможными». В ассоциативном эксперименте слова даны в парадигматическом ряду, вне синтагматического контекста, тем не менее «всплыли на поверхность» ряд созначений. Это еще раз говорит, видимо, о диффузности лексических значений. Но следует ли рассматривать диффузность словозначений (ЛСВ) «как возможный, факультативный, нерегулярный признак полисемии или как признак обязательный и регулярный? Можно ли ставить вопрос о степени диффузности значений слов, относящихся к другим ТГ (тематическим группам) и к различным частям речи? Является ли диффузность потенциальным свойством значения на всех этапах его существования или же это определенная фаза развития значения?» [Харченко, Стернин, 1984, 13]. Эти вопросы остаются пока открытыми.

Эксперимент II. Цель эксперимента: проверка устойчивости метафорической характеристики личности (человека) посредством названий животных.

Не секрет, что двуязычные словари частенько не фиксируют наличие переносного значения слов тематической группы «животные». Должны ли быть эти переносные значения в структуре зоонимов? Вопрос требует конкретного ответа. Для этой цели нами было подобрано 30 (тридцать) различных названий животных, птиц и насекомых — те, которые не вошли в список названий эксперимента I (кроме слова *сурях* «овца»). Среди них 5 (пять) словосочетаний: *йытӓ ами*, *йытӓ сур*, *анчӓк сур*, *сур автан*, *шӓши юс* (необходимых для проверки употребления их в функции метафорической характеристики личности); 4 (четыре) заимствованных из русского языка термина: *крокодил*, *слон*, *страус*, *бегемот* (необходимых для проверки статуса «окказиональности» метафорических характеристик личности, ибо до сих пор утверждалось, что контекст индуцирует определенные смысловые единицы, т. е. название животного приобретает тот или иной метафорический смысл только в контексте).

В этом эксперименте, как и в первом, названия животных были даны списком, в парадигматическом ряду. Ключом для определения «псевдоэвфемизмов», как и в эксперименте I, являлось слово *тилӓ* «лиса» → «хитрец», «льстец».

В эксперименте участвовало 36 студентов II курса чувашского отделения (1988—1989 учебный год) ИФФ ЧГУ им. И. Н. Ульянова. Анализ подввергнем лишь небольшую часть из перечисленных 30 наименований: а) несколько наименований животных, Д2 (переносное денотативное значение) которых зафиксировано в ЧРС 1982 (1985); б) одно составное наименование; в) одно наименование, у которого в словаре нет Д2; г) одно заимствованное слово;

а) лексикографические данные:

Йытă 1. собака; 2. *бран.* собака, пес, подлец; *перен. неодобр.* прихвостень, приспешник (ЧРС 1982, 133);

б) данные эксперимента II:

- 1) *усал сын* «плохой человек»; «подлец, негодяй» (14);
- 2) *сапкаланчăк* «бродяга, бездельник» (7);
- 3) *вăрçма юратакан сын* «драчуң», «дебошир» (3);
- 4) *путсёр сын* «негодяй, бестовестный человек» (3);
- 5) *хаяр сын* «злой человек, злюка» (2);
- 6) *курайман сын* «человеконенавистник» (1);
- 7) *чупкăн* «бездельник»; «праздношатающийся человек» (1);
- 8) *пархатарсёр сын* «неблагодарный человек» (1);
- 9) *паккăç сын* «дрянь» (1);
- 10) *сынран кулакан сын* «насмешник, зубоскал» (1);
- 11) *куштан сын* «склочник» (1);
- 12) *пăхăнакан сын* «приспешник, прихвостень» (1);
- 13) *чунсёр сын* «бездушный, бессердечный человек» (1).

Результаты эксперимента позволяют, вслед за Г. Н. Скляревской, сказать: «Животный мир дает очень большое число коннотаций, при этом метафорическая характеристика может быть не только одноплановой, когда в метафоре реализуется один признак (*лиса* → «хитрец»), но и разноплановой, когда символ переноса содержит несколько признаков (*индюк* → «глупый + заносчивый + надменный»), а в отдельных случаях в процессе метафоризации участвует целый набор символов переноса, создавая дифференцированные характеристики: *свинья* 1) «неопрятный»; 2) «низменный»; 3) «невежественный»; 4) «непорядочный»; 5) «неблагодарный» [Скляревская, 1987, 62]. Хотя Г. Н. Скляревская говорит только о признаках дифференцированной характеристики, но эти признаки равны словозначениям (ЛСВ), не зря при перечислении автор берет их в кавычки.

Коннотативные семы лежат в основе переосмысления словозначений. Коннотация не существует отдельно от значения и в речевую деятельность вводится одновременно с ним. Это видно хотя бы из того, что то или иное название животных используется как форма сравнения, напр.: *сысна пек* «как свинья». В таких случаях не говорим о вторичных значениях слова *сысна* «свинья», речь как бы идет об основном

же значения слова, но в пределах этого значения имплицитно присутствует коннотативная пейоративная сема (или семы), которая (ые) всплывает (ют) при использовании этого слова в функции метафорической характеристики. Это позволяет говорить о том, что в коннотации заложены элементы семантической динамики.

Сказанное можно подтвердить экспериментальным путем. Например, одним из приемов экспериментального определения психологически реального значения слова является методика компонентного дифференциала, предложенная И. А. Стерниным [Стернин, 1979]. Используя эту методику, В. В. Першаева составила список сем для 20 зоосемизмов (названий животных). В результате проведенных тестов список сем для многих зоосемизмов увеличился. Так, к значению слова «свинья» прибавились признаки: глупое, некрасивое, жирное, валяется в грязи, нос пяточком, хвост крючком, неповоротливое животное. Относительно твердым признаком является сема «нечистоплотное» [Першаева, 1982, 54, 56].

Выходит, основное денотативное значение Д1 содержит ряд негативных признаков сем, т. е. коннотация (особый компонент значения, дополнительный смысл) сопутствует узуальному значению и присуща не только вторичной (косвенной) номинации.

Совсем другая картина получилась при анализе зоосемизма «собака». Денотативно-узуальное значение Д1 содержит одни положительные коннотативные семы:

Собака — умное, верное животное с острым нюхом и тонким слухом, лает, быстрая, выносливая, используется на охоте. Относительно твердые семы: добрая, сильная, лохматая, кусается, стережет дом. Эти семы характерны и для чувашского зоосемизма *йытӑ* «собака». При этом переносные значения обладают яркой пейоративной окраской, в них нет и тени положительных коннотаций.

Теперь возьмем для сравнения составное наименование *йытӑ ами* «сука»:

в ЧРС 1982: *йытӑ ами* 1) сука, самка собаки; 2) перен. потаскуха (с. 32; см. сл. статью *ами* «самка, матка»).

Данные эксперимента II: *йытӑ ами* (вторичные. сознания):

- 1) *аскӑнчӑк хӗрарӑм* «развратная женщина» (6);
- 2) *арӑынсене илӗртекен хӗрарӑм* «женщина, соблазняющая мужчин» (6);
- 3) *иртӗхсе кайнӑ хӗрарӑм* «избалованная женщина» (4);
- 4) *чупакаҫ хӗрарӑм* «потаскуха» (2);
- 5) *ҫӑмӑлттай хӗрарӑм* «женщина легкого поведения» (2);
- 6) *аскӑнчӑк ҫын* «распутник» (1);

- 7) *хайне япӑх тыткалакан хӗрарӑм* «женщина непристойного поведения» (1);
- 8) *ниме юрӑхсӑр хӗрарӑм* «никуда негодная, никчемная женщина» (1);
- 9) *япӑх, начар хӗрарӑм* «плохая женщина» (2);
- 10) *нумай ачалӑ хӗрарӑм* «многодетная женщина» (1);
- 11) *ясар хӗрарӑм* «развратная женщина» (1);
- 12) *еркӗн хӗрарӑм* «любовница» (1);
- 13) *хай патне арӑнсем пустаракан хӗрарӑм* «женщина, за-
влекающая мужчин» (1).

По данным эксперимента II, однословное наименование *йытӑ* «собака» и составное наименование (бинарма) *йытӑ ами* «сука» развивают примерно одинаковое число коннотативных вторичных значений. В первом случае значение зоосемизма *йытӑ* переносится на человека вообще (без различия половых признаков), во втором же случае переносные значения составного наименования *йытӑ ами* пейоративно характеризуют в основном женщину.

Путек «ягненок»:

в ЧРС 1982: *путек* «ягненок», «козленок» → *перен.* «овечка», «ягненок».

Семный состав зоосемизма «ягненок» Д1 (по В. В. Першаевой): ягненок — маленький, ласковый, беззащитный, беспомощный, слабый, кроткий детеныш овцы, ест сено, траву, резвится, блеет, симпатичный, щупленький, курчавый. Относительно твердые признаки: тихий, тонконогий [Першаева, 1982, 57].

Данные эксперимента II (Д2):

- 1) *сиккелесе ӗӳрекен ача* «ребенок-попрыгун» (5); ср. Д1: «маленький» и «резвится»;
- 2) *йӑваш, айван ӑын* «кроткий, простодушный человек» (2); ср. Д1: «кроткий»;
- 3) *мӗскӗн ӑын* «бедняга», «робкий человек» (3);
- 4) *пӗчӗк ӑын (кӗӗн ӑын)* «маленький человек» (3);
- 5) *ӑсӗпе пулса ӑитеймен ӑын* «слабоумный человек» (1);
- 6) *ӑухалса каякан ӑын* «теряющийся человек» (1);
- 7) *ӑемӑешке ӑын* «мямля» (1);
- 8) *пиӑсе ӑитеймен ӑын* «недотепа» (1);
- 9) *вӑр-вар ача* «проворный ребенок» (1);
- 10) *чӗмсӗр ӑын* «молчун» (1);
- 11) *ачаш ӑын* «баловень, неженка» (1);
- 12) *кашт тӗкӗнсенех макӑракан ача* «плакса, недотрога» (1);
- 13) *киле килмен ӑын* «человек, потерявший дорогу домой» (1);
- 14) *пур ӑере те сӑмсине чикекен ӑын* «любопытный человек» (1).

Сема Д1 «маленький» зоосемизма *путек* «ягненок» реализуется в переносных значениях Д2: *пёчек сын* «маленький человек», *ача* «ребенок» (ср. Д1 «детеныш овцы»);

Д1: «ласковый» → Д2 *йаваш сын* «ласковый, робкий человек»;

Д1: «беспомощный» → Д2 *семҗешке сын* «мямля».

Но ряд положительных коннотаций Д1 (симпатичный, кроткий) не находят воплощения в Д2, в переносных значениях зоосемизма *путек* «ягненок».

Таким образом, наметились три направления в развитии переносных значений: а) в первом случае основное денотативное значение зоосемизма содержит коннотативные (пейоративные или положительные) семы и они реализуются в Д2 (в переносных значениях); б) положительные коннотации Д1 полностью переходят в негативные в пределах Д2; в) положительные семы Д1 отчасти сохраняются и переходят в Д2.

Теперь обратимся к названию *слон*. Отличительной чертой этого зоосемизма является то, что исследователи не фиксируют переносного на человека значения, т. е. перенос «слон» → «человек» не фиксируется, но есть перенос «слон» → «шахматная фигура», т. е. «животное → предмет».

Данные эксперимента II:

Слон: 1) *васкамасёр сўрекен сын* «увалень»;

2) *лўппер сын* «вялый, ленивый человек»;

3) *саврайҗусуёр сын* «неловкий, неповоротливый человек»;

4) *лап-лап утса сўрекен сын* «тяжело, неуклюже шагающий человек»;

5) *майтёр сын* «тучный человек»;

6) *капмар сын* «крупный человек» и нек. др.

Почти те же самые коннотативные значения получены при эксперименте II для названия *бегемот*. Здесь названия животных использованы для оценки физических качеств человека, психические нравственные параметры переноса отсутствуют.

Проведенные эксперименты подводят к такому заключению: 1) любое название животного (зооним) может иметь переносное значение, т. е. тип метафоры «животное → человек» является универсальным; 2) наряду с процессом «псевдоэвфемизации» идет обратный процесс — процесс антропоморфизации, т. е. называние животных именем человека: Хавронья (Феврония) — свинья, Маня — коза, Васька — кот и т. д. В этом мы усматриваем связь объективного с субъективным в семантике.

Коннотативные признаки Д1 в большинстве случаев лежат в основе переосмысления слов (Д2), они не исчезают в пределах переосмысленного слова, сопровождают семантому в положительном или отрицательном смысле. Положи-

тельные коннотативные семы могут сохраняться в составе переносного значения, но могут перевоплощаться в негативные смыслозначения, отрицательные коннотативные семы никогда не переходят в положительные. В этом суть и различие коннотативных слов, относящихся к тематической группе «животные».

§ 9. Тематическая группа «демонимы, мифонимы» и «теонимы» (религиозные и мифолого-демонические термины) и тип метафоры «человек → теоним → человек»

Этот тип переноса можно назвать «переливающимися друг в друга метафорами», поскольку «имена с пустым денотатом», обозначающие ирреальные предметы, т. е. конструкты человеческой мысли типа *бог, дьявол, русалка, гном, дракон, домовой, леший* проходят «двойную метафоризацию»: 1) наделение мифических существ человеческими свойствами (антропоморфизм); 2) пейоративная персонификация этих мифонимов и теонимов, например: *арсури* «леший» (человекообразное мифическое существо, живущее в лесу) → «шалун, проказник, баловник» (о детях). «Значением подобных имен является понятие, сформированное человеческой фантазией, эмпирическими сведениями и мифологическими представлениями» [Уфимцева, 1936, 128]. Верно и то, что антропоморфизированные теонимена не имеют реальных конкретных референтов, предметов, лиц. Но мы не должны забывать и о том, что, подвергшись вторичной метафоризации, теонимена приближаются к именам номинальных классов, ибо в речевых актах, когда говорим: *Ку ача чан-чан арсури* «Этот мальчик большой баловник, шалун» (букв. настоящий леший), то перед нами налицо конкретный референт, т. е. конкретное лицо — мальчик-шалунишка.

Если теоним на первом этапе метафоризации (антропоморфизации) наделен положительными эпитетами, то и последующий метафорический процесс сопровождается положительной мелиоративной оценкой лица. Например, *пирёшти* «ангел, добрый дух» (сверхъестественное существо, посланец бога, якобы покровительствующий человеку) → «красавица»; «добрая дева»; *хёртсург* «домовой» (дух, живущий в избе на печи, хранитель дома, иногда наказывающий за нарушение обычаев) → «красавица», «хозяйственная и верная жена, женщина»: *Хёрсемем пирён — ыра хёртсург* (Фольк.) «Золовка наша — настоящая красотка»; *уляп* «улып», «великан» (сказочный богатырь) → «человек огромного роста и крепкого телосложения», «новорожденный, младенец боль-

шого веса»; *турă* «бог» → «благодетель»: *Эсё маншăн турă пултăн* «Ты стал моим благодетелем».

Но в большинстве случаев переносные значения демонов, мифонимов и религиозных служителей характеризуют человека отрицательно: *алпастă* «злой дух» → «неряха», «озорник, шалун, баловник»; *вупкăн* «злой дух» → «обжора»; *ие* «злой дух» → «паралитик», «немошный человек»; *йёрĕх* «идол», «истукан» → «негодяй», «подлец»; *хăрпан* «языческое божество» → «старая карга», «старый хрыч»; *унăте* «обезьяна» (легендарное существо) → «кривляка»; «уродина», «неряха, замарашка»; *усал* «черт» → «дрянь, погань»; *шуйттан* «черт, сатана» → «шалун», «бесенок» (о мальчиках); *вупăр* «злой дух», «упырь»; *вупăр карчăкĕ* «колдунья», «баба-яга» → «вредная женщина»; *апăс* «жрец» → «болтун, пустомеля»; *юхха* «дракон, змей» → *бран.* «гад, гадина», «потаскуха»; *мăчавăр* ~ *мёчевёр* «жрец» → «неуклюжий человек».

Смысловая структура теонимов, демонимов и мифонимов довольно прозрачна, здесь хозяйничает в большинстве случаев смыслопереход «теоним → человек (отрицательный)». Лишь в одном случае мы столкнулись с переносом значения «теоним → предмет»: *турă* «бог, божество» → «икона».

Более сложную семантическую структуру имеет теоним *ама* — мифологическое название богини — матери мира. Возможно, оно сродно с чув. диал. *ама* «мать, родительница», но не исключена возможность, что этимологически она связана с Умай. В этом случае не вполне понятны пейоративные переносы значений «сука, распутница, потаскуха» и «кобель, распутник»; то ли они имеют прямую связь с *ама* «самка», то ли здесь имеет место «теоним → человек (отрицательный)». Логично допустить, связь *ама* «самка» → «сука, распутница». Подтверждением этому служит пример дериватологической персонификации *амашка* «развратница, потаскуха».

В пределах лексемы *акăш-макăш* (диал. *акшă-макшă*) «злой дух», «леший» → «негодяй» наблюдаем наличие энантиосемии; ср. *акăш-макăш* 1. необыкновенно хороший человек; 2. никуда не годный человек.

Наряду со смыслопереходом «теоним → человек» изредка встречается сдвиг значения «теоним → название предмета»: *сам* «чудовище, страшилище» → «пугало».

На наш взгляд, исторически слова *йёк* и *йёксёк* были демонидами, но в современном чувашском языке существуют лишь переносные значения: *йёк* (миф., рел.), ср. тюрк.: *йёк* ~ *жек* ~ *чек* «демон, дух, бес» (ЭСТЯ IV 170) → «гад, гадина»; *йёксёк* (миф., рел.) ср. др.-тюрк. *jek* *içkăk* «демоны и вампиры», санскр. *yaksa* «дух» (ДТС 253) → «дрянь, га-

дость», «негодник, мерзавец». Такой же участи подверглись слова животного цикла: *тункас* (бран. «дурак, болван, балда» (ср. *донгус* ~ *доңуз* «свинья, дикая свинья» во всех тюркских языках); *айван* «глупец» (ср. *айван* ~ *хайван* «животное, скот, лошадь» во многих тюркских языках).

Во всех остальных случаях смыслопереход «теоним → человек отрицательный» сохраняется *эсрел* (миф.) «дух смерти» → «злой человек»; *аслати* «бог грома» → «грозный человек»; *айшарт* «злой дух» → «ожесточенный, злобный человек» (А IV 53).

§ 10. Древняя сословная титулатура.

Перенос значения «титул» → «человек» → «человек»

Ряд названий лиц по степеням, титулам, рангам обладает двойственным, а иногда тройственным семантическим потенциалом. Подобные слова обозначают: 1) отвлеченное понятие (звание, степень, титул, чин, ранг); 2) лицо в этом звании, чине, ранге; 3) могут иногда именовать лицо с эмотивной оценкой (с положительной или отрицательной):

1. *Патша* «царь, монарх, самодержец» → «главарь, зачинщик»: *ял патши* «главарь, зачинатель всех дел (хороших или плохих) в деревне». Данное значение характерно для разговорного языка, словарями оно не фиксируется. Из серии «древняя сословная титулатура → человек», т. е. титул → титул (лицо в этом звании) М. И. Скворцовым указан смыслопереход *патша* «царь» → «князек» [Скворцов, 1971, 140]. В разговорном языке, фольклоре и ритуальных текстах описываемый термин употребляется и в значении «царство, государство». *Ют патшара* (т. е. *патшалӑхра*. — В. С.) *пурӑнать* «Живет в другом государстве».

Это не единственный случай, когда титул монарха участвует в именовании государства. Например, *ёмпӑ* «царь» раньше употреблялось метонимически в значении «царство, государство» и «страна»: *Пирӗн ёмпӑ синче вӑрман нумай* (А IV 112). 1. В нашем царстве (государстве) лесов много. 2. В нашей стране много лесов.

Как отмечает М. И. Скворцов, «несколько своеобразно отразилось понятие, выражаемое термином *патша*, в чувашской мифологии. В то время как другие аналогичные термины со значением «властитель, господин» (*хун* «хан», *йыш* «хозяин») перенесены в эту сферу метафорическим путем, по аналогии властителей действительных и воображаемых, *патша* и все его семейство как бы сами переносились в почитаемых духов и божеств». Так возникли божества *Сӗрти*

патша (-*сёрти торă*) «земной бог»; *сёрти патша амăшĕ* «мать бога земного», *сёрти патша ывăлĕсем* «сыновья бога земного» [Скворцов, 1971, 141].

2. *Хун (хон)* ~ *хум* «хан». Как отмечают лингвисты, в современном чувашском языке слово *хун* малоупотребительно, но сказать, что оно вышло из употребления, рановато. В значении «хан», по данным Н. И. Ашмарина, оно встречается лишь в верховом говоре: *хон: тотар хонĕ* «татарский хан» [Ашмарин, 1902, 56].

В религиозно-мифологических представлениях слово *хун (хон)* фигурирует в значении «бог, божок, владыка». У чувашской бывшей Козьмодемьянского уезда зафиксирован термин *кашкăр хонĕ* «владыка волков», равнозначный языческому божеству, называемому *пихампар* [Скворцов, 1971, 132—133]. В данном значении слово встречается в сочетаниях *сёр хунĕ* «владыка земли»; *карта хунĕ* «божок, живущий в хлеву, владычествует над домашними животными» (А XVI 166); *сёлен хунĕ* «владыка змей» (Элле, 7).

В словаре Н. И. Ашмарина *хун (хон)* встречается в виде *хум (хом)* и в значении «имя сказочного героя» (А XVI 157). Если сопоставить две загадки: *Хун хĕрĕ сăри сити ситмест* (алри сулă) и *Хум хĕринĕн писиххийĕ кёске* (сулă), зафиксированных в словаре (А XVI 157 и 160), где смысл отгадки выражен в двух разных предложениях с включением слов *хун* и *хум*, то следует думать, что они есть варианты одного и того же слова *хун* «хан».

Таким образом, перед нами следующие типы смыслового сдвига:

Хун «хан» → «бог, владыка»; *хун* «хан» → «сказочный герой».

Слово *хун (хон)* в религиозно-мифологическом значении было перенято марийцами, где *хон* > *он* «владыка, бог»: *кечы-он* «бог солнца»; *тўлзы-он* «владыка луны»; *шюдыр-он* «владыка звезд»; *юмон-он* «владыка неба»; *тул-он* «бог огня»; *вюд-он* «хозяин воды» и т. д.

На базе слова *хун* образован ряд чувашских языческих антропонимов: *Хунькка*, *Хуньти*, *Хуньтимер*, *Хуншур* и т. д. В топониме *Хоньккар*, как думает М. И. Скворцов, есть основание предполагать сложное слово *хун (хон)* + *кар* «город»; ср. коми *кан кар* «Москва» (букв. «государственный город») [Скворцов, 1971, 133].

3. *Улпут* «помещик», «господин, барин»; *перен.* бран. → «белоручка, бездельник, лентяй, лодырь» (ЧРС 1961, 445); «белоручка» (ЧРС 1982, 511). О человеке, который не любит трудиться сам, а предпочитает перекладывать работу на других, говорят: *Улпут пек пурăнать* «Живет по-барски, роскошно», т. е. живет, не работая.

В произведениях чувашской оригинальной и переводной литературы термин *олпут* систематически встречается также в значениях «вельможа, сановник», «начальник», «глава», «чиновник»; ср. *вӑрман улпучӗ* «лесничий» (букв. лесной помещик), т. е. семантика слова *улпут* охватывал раньше все высшие сословные, классовые и чиновно-должностные ступени. Такое расширение значения слова произошло, по-видимому, в дореформенный и пореформенный периоды, т. е. до 1861 года.

Как отмечает М. И. Скворцов, Месарошем зафиксировано употребление (по-видимому, эвфемистическое) слова *улпут* в значении, равном религиозно-мифологическому *асла ыра* (букв. великий святой) [Скворцов, 1971, 163].

В словаре Н. И. Ашмарина слово *улпут* дано также в значении «действующее лицо во время *чӱклемы* «обряда жертвоприношения», т. е. здесь имеет место семантический сдвиг: в первом случае «титул → лицо в этом чине → демоним», а во втором — «титул (лицо в этом ранге) → «лицо, совершающее религиозный языческий обряд», т. е. опять-таки имеем обобщенную схему перехода «человек → человек». Квази-синонимом слова *улпут* во втором значении является *мулла*, также в переносном значении (номинативное значение слова *мулла* — «мусульманский священник»). У чувашей ряда местностей муллами назывались руководители языческих религиозных обрядов, знатоки молений. Эти люди не имели официального статуса жреца или священника (А VIII 263).

Оригинальным является смыслопереход *улпут* «барин» → «младенец», «новорожденный». Данное значение современными словарями не фиксируется, видимо, потому, что в словаре Н. И. Ашмарина оно не подано как отдельное значение, но приведен текст, из которого явствует, что слово *улпут* употреблено в значении «младенец, новорожденный». Когда родится ребенок, то посторонние спрашивают: *Сирӗн олпут килсе-и-мӗн?* Отвечают: *Олпут пор* (А III 222). Здесь, очевидно, имеем дело с табуированным употреблением слова *улпут*. Известно, что табу регламентировали важнейшие стороны жизни человека, обеспечивали соблюдение брачных норм (СЭС, 1988, 1300).

Некоторые древние сословные титулы являются сейчас историзмами, в современном языке многие из них утратили истонные значения.

Куштан (*коштан*) имеет (имело) следующие значения: 1. мироед, кулак, кулацкий; 2. крикун, горлопан // крикливый; 3. форсун, щеголь // форсистый, щегольбской; 4. гордец // высокомерный, надменный, спесивый (ЧРС 1961, 184). В лексикографических источниках XVIII—XIX вв. гамма его позитивных и негативных значений переплетается: «ходок по де-

лам», «мироед», «клязник», «бойкий главарь», «человек круглого, властного нрава».

В старой чувашской действительности *куштан* был одним из социальных терминов. «В условиях национально-колониального угнетения и «государственного» феодализма у народов Поволжья развивается прослойка коштанов — сельских заправил и посредников между сельской общиной и воеводским управлением, возникшая, возможно, еще во времена Золотой Орды и Казанского ханства. Коштаны по сути составляли агентуру воеводского управления» [Димитриев, 1973, 26—27].

В этом значении слово *куштан* вошло и в чувашские народные песни: *Сул хёрринчи куршанкă куштана тухас сасси пур* (А VII 64). *Куршанкă* здесь явно имеет переносное значение, и вторую часть следует перевести в прямом же смысле «слух есть, что он (куршанкă «какой-то несносный человек». — В. С.) намерен стать коштаном (куштаном)».

Как указывают историки, возникновение влиятельной социальной группы, каковой в былые времена были куштаны, обусловило развитие коштанства (куштанлăх). Главным полем «деятельности коштанов были мирские сходки, где они были заправилами, все общественные дела решали в свою пользу. Это и определило безусловно отрицательную экспрессивную окраску слова *куштан*, что хорошо видно и на примере вторичных метафорических отвлечений семантики» [Скворцов, 1971, 237]. Народная мудрость не оставила без внимания зарождения нового значения: *Куштан çăварё пысăк пулать* (Ашм., VII, 64) «У куштана пасть велика».

Первое толкование слова *куштан* находим в «Очерках быта чувашей» под названием «Коштаны чуваша». Автор очерков А. Лукошкова дает подробную характеристику деятельности чувашских куштанов (См.: Иллюстрированная неделя. № 7, с. 100—102; № 8, с. 116—118, СПб., февраль 1883 г.). Вот выдержки из этой статьи:

«Коштан собственно чувашское слово: трудно передать его в переводе по причине бедности языка и не имея достаточных материалов. Сами чуваша не могут определять точного значения этого слова, оно выражает смысл недоброго, нехорошего, эгоиста, и вместе с тем в нем соединяется понятие о человеке передовом, отделяющемся от массы своего общества умственным развитием, радеющего о соблюдении общественной пользы, блюстителя древних народных постановлений, ходатая, защитника..»

Коштан вмешивается во имя общественной пользы во все дела, относящиеся к миру или встречающиеся между миром и местной администрацией: смущает, возбуждает подозрение, запутывает самое простое дело, чтобы при удобном случае

в мутной воде удить рыбу, а иногда и без материальной для себя выгоды, единственно для того, чтобы придать большее значение своему авторитету.

На мирских сходках, где каждый имеет свой голос, дела всегда решает один коштан, и хотя он часто стоит молча позади других, но большинство общества, наставляемое и подстрекаемое им, действует по его внушению и все спорные пункты решаются по его усмотрению...

И теперь еще (в 1873 г. — В. С.) чуваши стоят на слишком низкой ступени развития, чтобы обойтись без коштанов. Чуваше видят в нем полезное зло, горькое лекарство и вместе с тем необходимого двигателя всех дел...

Одно из важнейших зол, приносимых этими людьми, — это старание препятствовать распространению грамотности и уразумению христианства.

У чуваш исстари ведется уважение к старикам и соблюдение своих древних обычаев, из коих большая часть имеет тесную связь с коренным язычеством этого народа; коштаны пользуются этим случаем, чтобы всячески препятствовать развитию нововведений, с которыми, конечно, упадет их собственное значение и влияние».

Статья А. Лукошковой полностью перепечатана в приложениях книги И. Д. Кузнецова «Очерки по истории чувашского крестьянства» (Чебоксары, 1957, ч. 1, с. 302—304).

Таким образом, из статьи А. Лукошковой видно, что куштан ~ коштан не только эгоист, горлопан, мироед, но и человек передовой, отделяющийся от массы своим умственным развитием, блюститель древних народных постановлений и обычаев.

**Б. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК», ИЛИ ПОЛЕ ЛИЦА
(АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ), И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ЛИЦА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Исследовать членение поля значит...
исследовать кусочек внутренней формы*.
И. ТРИР

Общеизвестно, что, несмотря на всю необозримость вокабуляра любого естественного языка, его элементы явно распадаются на группы. Из истории языкознания нам известна идеографическая классификация универсума, авторами которой являются известные немецкие лексикографы Р. Халлиг и В. Вартбург, которые универсум языка (языков) разделили на три большие тематические группы: 1) Вселенная (Мир); 2) Человек; 3. Человек и Вселенная (Мир) [см. Караулов, 1976, 34—57; 256—257]. Используя синоптическую схему словаря Р. Халлига и В. Вартбурга, А. Г. Шайхулов лексические единицы разделил на четыре большие тематические группы в следующей принципиально важной логической последовательности: I. Природа. II. Человек. III. Общество. IV. Познание (априори). Автор указывает, что «каждая из указанных тематических групп дифференцируется на многочисленные более мелкие группы» [Шайхулов, 1983, 38—40; 1988, 87—88]. Например, лексико-тематическая группа «Человек» разбита им на следующие подгруппы:

II. Человек. 1. Биологические свойства человека (внешнее и внутреннее строение. 2. Жизнь и развитие человека (рождение, жизнь, болезнь, смерть). 3. Внешний вид, наружность (фигура, телосложение, осанка, рост, походка и т. д.). 4. Внутренний мир человека (эмоциональные свойства, психические свойства, темперамент, характер и т. д.).

Как было уже указано, тематическая группа (ТГ) представляет собой группу лексических единиц ономазиологического типа, выделенных на основе внеязыковых, предметно-логических связей. Термин «тематическая группа» впервые был введен в научный оборот Ф. П. Филиным, который понимал под ТГ группу слов, объединенных не на основе лексико-семантических связей, а на основе классификации самих реалий [Филин, 1977, 142—150].

* Внутренняя форма слова — это первоначальное его значение, в основу которого положен какой-то определенный признак предмета или явления (Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 44).

Внутренняя форма слова — морфологический состав основы, указывающий на мотивированную связь ее звучания с данным значением (Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985. С. 42).

Среди отдельных многочисленных лексических группировок особо выделяется класс имен лиц на основании общего инвариантного признака «лицо», который и является общей семантической темой для имен исследуемого класса. Класс имен лиц — имена существительные, семантически своеобразный участок чувашской лексической системы — еще не был предметом специального изучения. До сих пор в чувашском языкознании больше внимания уделялось антропонимам, нежели антрoсемизмам.

Под тематической группой «человек» или классом имен лиц следует понимать группу слов одной части речи и одного лексико-грамматического разряда, выделяемых и объединенных в силу наличия у них антропосемемы I-п. Индекс I-п указывает на то, что у антропонима ин могут быть и номинативно-производные значения, имеющие общую сему «лицо»; например: *юлташ* 1) товарищ; 2) друг; 3) подруга; 4) приятель; 5) попутчик; 6) спутник; 7) компаньон; 8) сверстник, ровесник; 9) половина; жена, муж, супруг, супруга;

тус 1) друг; 2) приятель; 3) товарищ; 4) дружище; 5) любимый; 6) милый; 7) названный.

Антропонимы ин, т. е. названия лиц, представляют человека как носителя разнообразных признаков: физических и физиологических, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, черт характера, привычек, значений, умений, навыков, поступков, поведения, занятий, участия в чем-либо и т. д.

Исследователи указывают, что «применительно к названиям лиц семы выявляются как абстрагированные свойства лица и группируются в два класса: общие семы (предметность, конкретность, лицо), служащие для объединения анализируемых единиц в целостный класс и соотношения его с другими группировками внутри всей лексической системы, и семы дифференцирующие, служащие для выделения и сопоставления друг с другом различных группировок внутри класса названий лиц» [Белоусова, 1989, 135]. Общие семы, по определению А. А. Уфимцевой, обобщенные семы, могут быть интерпретированы и в ином порядке: конкретность, одушевленность, счисляемость, лицо (Уфимцева, 1988, 123; 1986, 112).

Семантические категориальные признаки, формирующие основу семантических разрядов слов по предметным сферам, представлены А. А. Уфимцевой в следующей таблице:

Естественно, в каждом разряде слов здесь имплицитно присутствует общая (или обобщенная) сема «предметность», которая и вводит названия лиц в категорию имени существительного; сема «конкретность» включает антропосемизмы в группу конкретных имен существительных; сема «одушевлен-

Категориальные семантические признаки	I конкретность одушевленность счисляемость нелицо	II конкретность одушевленность счисляемость лицо	III конкретность неодушевленность счисляемость нелицо
Имена разрядов	животный мир	люди	вещи, растения
Категориальные семантические признаки	IV конкретность одушевленность несчисляемость нелицо	V конкретность одушевленность несчисляемость лицо	VI конкретность неодушевленность несчисляемость нелицо
Имена разрядов	совокупность животных	совокупность лиц	материал вещество

ность» необходима для различения и дифференциации антропонимов, антропосемизмов от других классов, характеризующихся семой «неодушевленность»; сема «лицо» в качестве родовой категориальной семы входит в значение всех названий лиц, объединяя их в лексический класс, противопоставляемый другим классам внутри конкретных существительных.

Семы дифференцирующие служат для выделения различных группировок, т. е. тематических (ТГ) и лексико-семантических (ЛСГ), внутри класса названий лиц. ЛСГ—это группа лексических единиц семасиологического типа. Семасиологическое изучение групп лексики полностью не чурается от ономасиологического подхода к ней. Семасиологический подход к исследованию ЛСГ предполагает выявление членов ЛСГ на основе языковых (синонимических) показателей. Поэтому под ЛСГ понимаем «лексические объединения с однородными тождественными основными значениями». Это дает возможность уточнить формулировку термина ЛСГ.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) — ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному значению или стержневому семантическому содержанию, т. е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю (синонимия на уровне основных (первичных) словарных значений). Любая ЛСГ имеет свою «тему» или «подтему», если даже идет речь о близких друг к другу словозначениях. Это говорит о том, что любой член ЛСГ входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью.

Если учесть то, что именно дифференцирующие семы определяют внутреннюю иерархию лексико-семантических групп, то в тематической группе «человек» можно выделить две противоположные подгруппы: а) человек положитель-

ный; б) человек отрицательный, в которых превалирует оценочный компонент значения. На этой основе мы можем сочленить следующие ЛСГ: 1) названия лиц по позитивно оцениваемой деятельности, занятиям, по проявляемым в деятельности свойствам; 2) по позитивно оцениваемым умениям, навыкам; 3) по позитивно оцениваемым свойствам, проявляемым в поведении, поступках, общении, и некоторые другие. Следует указать, что перечисленные ЛСГ с мелиоративной, положительной оценкой + представляют «неразвитые» ряды слов, в то время как «негативные» ЛСГ характеризуются насыщенностью и обилием лексем, содержащих пейоративную (отрицательную) оценку личности. Ср.:

ЛСГ «человек тупой, глупый, недалекий»: *támнай* «болван, олух»; *támсай* «глупец»; *tárpал-тай* «олух»; *тункáлтáк* «дурак»; *тункáс* «дурак»; *ансух* «олух, глупец»; *сýлке* «дурень»; *сурмаккай* «недоумок»; *сáрнаккай* «остолоп»; *туктакáл* «дурак, оболтус» и т. д.

ЛСГ «человек ленивый» (не хочет, не любит трудиться): *услап* «лентяй, бездельник», *ýркесё* «лентяй, лодырь», *ýркенчёк* «лентяй, лодырь», *ламса*, *ланккама* «бездельник, шатун», *ларкка* «лодырь, бездельник», *харамса* «дармоед», *ханттар* «бездельник», *хашан* «лентяй, лодырь», *сапкаланчáк* «бродяга, праздношатающийся», «бездельник», *наян* «лентяй, ленивец», *ленкес* «шатун, бездельник» и т. д. и т. п.

ЛСГ «человек умный»: *áсчáх* «мудрец», *áславсá* «мыслитель», *áслáлáхсá* «ученый».

ЛСГ «человек трудолюбивый»: *ёсчен* «труженик», «трудолюбивый», *ёслевсё* «труженик», *ёссынни* «трудящийся».

По словам Ф. П. Филина, «отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значения.

Иное дело, лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому — синонимические разряды слов. Каждая синонимическая группа слов в определенном языке на определенной ступени его истории настолько тесно семантически спаяна, что ее компоненты не могут произвольно классифицироваться без нарушения существующих между ними отношений» [Филин, 1982, 235].

К ЛСГ Ф. П. Филин относил не только синонимические ряды, но и антонимы. Частной разновидностью ЛСГ он счи-

тал и родо-видовые группы. От ЛСГ автор предлагал ограничивать словопроизводные (гнездовые) объединения слов, комплексы значений полисемантов и тематические группы, но в то же время указывал, что ТГ иногда перекрещиваются и даже полностью совпадают с ЛСГ.

При исследовании ТГ и ЛСГ языковеды за исследуемую единицу частенько принимают отдельное значение многозначного слова, не определив предварительно эти значения как основные (первичные, номинативные) и переносные (словозначения тропеического Мтн и МТф характера). Игнорирование такой последовательности приводит к путанице. Например, А. С. Белоусова к классу имен лиц (или к ТГ «человек») относит слова *баран, свинья, обезьяна, попугай, хищник* [Белоусова, 1989, 184—185]. Эти слова, как видим, относятся к классу животных, но их вторичные значения антропо-направлены, в силу чего мы вправе рассматривать их в семантической или семантико-лексической группе «человек».

То же самое следует сказать о работе Н. А. Лукьяновой: в число членов ЛСГ «человек такой-то» автор включает переносные лексико-семантические варианты лексем *квашня, колода, пень, чурка, шилохвостка* и т. д. [Лукьянова, 1985, 63 и сл.]. Естественно, по их основным значениям приведенные слова относятся к разным ЛСГ. Исходя из переносных значений их следует отнести к СГ или СЛГ».

В лингвистике есть тенденция относить ЛСГ к парадигматическим полям. Туда же относятся, по мнению многих лингвистов, синонимы, антонимы, совокупности, связанных друг с другом значений полисемантического слова (семантемы), словообразовательные парадигмы, части речи и их грамматические категории. В то же время ЛСГ трактуют как языковые поля.

Теперь возникают очередные вопросы: что такое ЛСГ и семантическое поле? Тождественны ли термины **языковое поле** и **семантическое поле**?

Как подчеркивает Г. С. Щур, что «понятие «поле» в языкознании возникло как интуитивное отражение структурно-функционального подхода к явлениям языка, который неотделим от анализа групп и который, однако, на разных этапах рассматривался то как системный, то как просто групповой. Думается, что, только проанализировав природу различных групп, можно будет какие-то явления, характерные для них, считать атрибутом и функцией того, что обозначается термином» [Щур, 1974, 95—96].

В действительности, проанализировав ряд ТГ (животные, растения, демоники (теонимы), общественно-политические термины, термины родства и т. д.), мы пришли к выводу, что в чувашском языке существует семантическое поле «чело-

век». Но можно ли отрицать, что в языке нашем отсутствует ТГ «человек» или ЛСГ «человек»? Очевидно, нет. Все это заставляет нас трезво оценить факты языка и дать дефиницию СП (семантического поля) и других групп.

Исследования по проблематике поля развернулись очень широко. Уже к выходу на свет книги Г. С. Щура «Теория поля в лингвистике» (1974) «существовали тысячи статей, авторы которых претендовали на то, что их подход является полевым подходом» [Щур, 1974, 19]. С тех пор прошло более 15 лет и число работ по теории поля, следует полагать, увеличилось. По словам Ю. Н. Караулова, Щур несколько увеличивает количество работ по проблематике поля, но приводит дополнительно несколько десятков определений, исключив почти все определения, цитированных в книге Г. С. Щура. Собранные определения автор с известной долей условности расклассифицировал в три группы: 2.1. Общие определения поля как «единицы» лексико-семантической системы. 2.2. Определения по свойствам. 2.3. Определения по принципам внутренней организации [Караулов, 1976, 23—24].

Нельзя не согласиться с мнением Ю. Н. Караулова, когда он говорит, что «сами авторы довольно произвольно оперируют указанными терминами, называя подчас группу, выделенную по ономаσιологическому признаку, тематическим рядом, а тематический ряд — семантическим полем» (Там же, с. 25).

Имея столь обширное наследие исследований по теории и проблематике поля, мы все же осмеливаемся дать свое понимание и определение поля, в частности, семантического поля «человек». Пусть оно будет две тысячи первым или вторым определением (эта область словаря, по словам Ю. Н. Караулова, представляется наиболее изученной), но оно не должно портить общую картину понимания поля.

На наш взгляд, ТГ и ЛСГ являются необходимыми «кирпичиками», из которых строится «здание» семантического поля. Образно можем представить подобное здание таким образом: определенные ТГ являются фундаментом определенного СП; ЛСГ являются тем материалом, из которого строится внешний каркас здания (стены, крыша, кровля). В этом перечне не хватает «материала» для «внутреннего убранства», им может быть СГ (семантическая группа) или СЛГ (семантико-лексическая группа).

СГ или СЛГ — ряд слов, имеющих переносные значения, принадлежащих к одному и тому же семантическому полю (синонимия на уровне вторичных значений слов).

Например,

ЛСГ «человек непоседа, шатун,
бродяга»:
каска́н «непоседа, шатун»;

СЛГ:
пáшатан «шило → проныра, про-
лаза»;

а́лхас «шалун, озорник»;
елпён «шалун, сорванец»;
йáпáрти «непоседа» и т. д.

кайáк «дичь → бродяга»;
вёшле «борзая → непоседа»;

Казалось бы, для оформления семантического поля «человек» достаточно трех элементов: ТГ «человек», ЛСГ «человек» и СЛГ «человек», и определение могло бы быть сформулировано так: семантическое поле (СП) «человек»: ТГ «человек» + ЛСГ «человек» + СЛГ «человек», т. е. СП «человек» организуется синтезом антропосемем ТГ и ЛСГ + антропосемем 2СЛГ.

Но это отнюдь не все. Среди предметов домашнего обихода и внутреннего убранства (под коими подразумеваем СЛГ) могут быть предметы подаренные, т. е. ТГ и ЛСГ относятся к лексическому уровню, т. е. метод исследовательских процедур применительно только к лексическому уровню. Но метод семантического поля не ограничивается одной лексикой. Возникает необходимость анализа «подарков», т. е. средств, не относящихся непосредственно к лексическому уровню. Такowymi являются: а) различные составные термины, словосочетания, фразеологизмы и идиоматические сочетания; среди них могут быть номинативные биномы (НБ)*: *шапа сáвар* «горлан, горлопан» (букв. лягушка рот), *сáпата сáвар* «большеротый» (о человеке), *пушмак пáру* «невеста» аналогично *пáру* «невеста» и *тынашки* «тж» при *пáру* «теленок»; определенные сочетания: *йёне пáру* «недотепа» (букв. мокрый теленок), *суламан пáру* «мямля» (букв. необлизанный теленок); *карма сáвар*, *сарлака сáвар*, *чараксáр сáвар*, *хупáнман сáвар* все в значении «горлан, горлопан», *ытлашиши сáвар* «едок» (букв. лишний рот) и т. д.

Это говорит о том, что семантическое поле «человек» (или антропонимическое поле) включает в свою структуру и вторичные значения композит.

Семантическое поле «человек» не будет полным, если не подключим сюда антропонимов ис, псевдонимов, здесь же должны рассматриваться вопросы того порядка, когда ин становится ис путем метафоризации: *кашкáр* «волк» → *Кашкáр* (фамильное прозвище); *арáслан* «лев» → *Арáслан* (имя человека); *курак* «грач, ворона» → *Курак* (мужское имя); *чёкеç* «ласточка» → *Чёкеç* (женское имя).

Таким образом, СП «человек» состоит из слов разных частей речи, в то время как ТГ «человек» формируется преимую-

* НБ (номинативный бином) считается производной лексической единицей и, как любая производная единица, бинарна, поскольку состоит из двух частей: отсылочной и формирующей, служит для наименования фрагментов действительности [Труевцева, 1986, 27—28].

Добавим, НБ, как и все лексические единицы, бывают одно- и многозначными.

ственно из слов одной части речи; ЛСГ, тем более СЛГ, не имеют дела со вторичными значениями словосочетаний, а в СП они должны анализироваться; метафорические имена собственно являются объектом исследования не только ономастики, но и семасиологии, т. е. полевой принцип исследования охватывает и их.

Семантическое поле лица распространяется почти на все уровни языковых единиц: на слова, на морфемы (если корневая морфема равна слову), на словосочетания (свободные, фразеологические, идиоматические), на предложения (в особенности на парасемасиологические), на текст: персонификацию наблюдаем в баснях.

Семантическое поле лица формируют:

1.0. Личные существительные: *сын* «человек», *атте* «отец», *сухащӑ* «пахарь», *колхозник*, *телекуравщӑ* «телезритель».

1.1. Персонифицированные существительные: *ула* «медведь» → *лӱппер сын* «увалень», *тилӧ* «лиса» → *чее сын* «хитрец», *шӑрпӑк* «заноза» → «задира», *арсури* «леший» → *чарусӑр ача* «озорник».

1.2. Персонифицированные свободные и идиоматические сочетания слов, составные термины, номинативные биномы (НБ): *щӑпата щӑвар* «горлан» (букв. лапоть рот), *тимӧр пӑрща* «жадина, жадюга» (букв. железо горох).

Основным способом образования персонифицированных составных терминов рассматриваемого типа является метафора, т. е. перенос наименования «кусочка» действительности, выраженного словосочетанием, на личность (на человека) на основании сравнения.

1.3. Паремасиологические предложения: *Улми йывӑщӑнчен аякка йӱкмест* «Яблоко от яблони далеко не падает» — *Ашӑшӧ-амӑшӧ мӧнле, ачисем те щӑпла* «Каковы родители, таковы и дети».

1.4. Художественные, басенные тексты: в баснях широко используется олицетворение (персонификация), действующими лицами обычно выступают животные, растения, вещи. В баснях, как в малом повествовательном жанре нравоучительного, сатирического характера, персонифицируется не только действующее лицо (предмет, животное, растение), но действия и признаки носят иносказательный характер (т. е. персонифицируются и действия, и признаки предметов).

2.1. Непроизводные прилагательные, имеющие склонность к персонифицированию: *симӧс* «зеленый» → «неопытный человек», *кӑвак* «голубой» → «неопытный человек».

2.2. Персонифицирующиеся производные прилагательные: *хурамкка* «чернявый, смуглый» (только о человеке), *хуращӑка хура хӧр* «смуглянка» (А XVI 219).

2.3. Свободные и идиоматические атрибутивные сочетания: *хура юн* «зложелатель», *хура щӧлен* «подлец», *йӧне сӑмса*

«молокосос», *йёне пайру* «недотепа»; *хура патампаш* — так называют черного человека (А XVI 203).

3.0. Личные местоимения: 1) указывающие на лицо говорящее *эпё* «я», *хам* «я сам», *эпир* «мы», *хамар* «мы сами»; 2) на лицо, к которому обращена речь: *эсё* «ты», *ху*, *хав* «ты сам», *эсир* «вы», *хавар*, *хавасам* «вы сами»; 3) на лицо, о котором идет речь: *хай* «он сам», *хайсем* «они сами»; лично-указательные, указывающие на лицо или предмет: *вал* «он, она» — *вёсем* «они», *фак* «этот» — *факсем* «эти», *ку* «этот» — *кусем* «эти», *леш* «тот» — *лешсем* «те», *фав* «тот» — *фавсем* «те», *хайшё* «который» — *хайшёсем* «которые».

3.1. Местоимения персонификаты: *хай килет* «сам (начальник, руководитель...) идет».

4.0. Числительные с популятивным значением: *пёчен*, *иккён*, *вицсён*: *Иккён икерч фиме*, *улттён авён ашма лайх* «Вдвоем блины есть, вшестером молотить хорошо».

5.0. Персонифицированные причастия настоящего времени: *вулакан* «читатель», *хётёлекен* «защитник», *пёлекен* «знарок», *тапйанакан* «нападающий».

5.1. Словосочетания: *хутла пёлекен* «грамотный, грамотей».

5.2. ...причастия на *-ан(-ен)*, в которых прослеживается персонификация: *иртен-фурен* «прохожий», *килен-каян* «прохожий», *кураймансем* «ненавистники».

5.3. Персонифицированные словосочетания с причастием *-ан(-ен)*: *лава каянсем* «подводчики», *асап тусенсем* «угнетаемые».

В пределах семантического поля «человек» выделяется лексико-семантическая категория (ЛСК) лица, которую можно определить как единство обобщенного лексического значения homo sapiens (человек разумный, мыслящий) и соответствующих форм выражения, проявляющееся в характерных функциях, которые свойственны единицам, подводимым под эту категорию [Новиков, 1982, 189].

С одной стороны, лексико-семантическая категория лица, как и семантическое поле «человек», распространяется на лексические единицы нескольких частей речи. С другой стороны, лексико-семантическая категория лица противопоставлена грамматической (морфологической) категории лица, которая, по мнению исследователей, также относится к парадигматическому полю. Одним из важнейших понятий здесь оказывается ГК (грамматическая категория), понимаемая как совокупность определенных ГЗ (грамматических значений) и выражающих их форм в отвлечении от конкретных значений языковых единиц. ГК в чувашском языке распространяется, как и ЛСК лица, на ряд частей речи: 1) существительные: *пуфам* «моя голова», *пуфу* «твоя голова», *пуфё*

«его (ее) голова», *кёнекем* «моя книга», *кёнекү* «твоя книга», *кёнеки* «его (ее) книга». Персонификаторами в данных словоформах являются аффиксы лица: -м (-ём, -йм), -у (-ү), -ё (-и) и т. д.; 2) числительные: *иксёмёр* «мы вдвоем», *ултсёр* «вы шестером», *иккёшё* «они вдвоем» и т. д.; 3) глаголы: *куртём* «я видел», *куртён* «ты видел(а)», *курчё* «он(а) видел(а)» и т. д.

Таким образом, понятийное значение «лицо» в чувашском языке может выражаться и лексическими, и грамматическими средствами, образуя при этом обобщенное языковое поле лица, которое характеризуется как понятийное (функционально-семантическое) поле.

До сих пор в чувашском языкознании (да и в тюркологии в целом) исследовательский взор был обращен лишь на ГК лица, в то время как ЛСК лица оставалась незамеченной.

Глава III. ПРОЦЕСС ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ
(ПРЕДМЕТИЗАЦИИ).
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ
«ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ»

1

Семантический сдвиг «предмет → предмет» может быть мотивирован как метафорически, так и метонимически. На элементарных стадиях семантический переход совершается в пределах одной реалии к другой на основе какого-либо признака:

<i>kēpe</i> «рубашка»	[— 2. платье
		— 3. белье
		— 4. пленка (яйца)
		— 5. сброшенная кожа, шкурка

Во всех случаях при этом присутствует сквозная тема «верхний»: 1) рубашка — одежда из легкой ткани для верхней части тела; 2) платье — одежда, носимая поверх белья; 3) белье — изделия из ткани, покрывающие поверхность тела (человека); 4) пленка — тонкий слой на чем-либо; 5) кожа — наружный покров (человека, животного); шкурка — оболочка, кожица.

Благодаря сквозной теме «полый, пустой внутри» скопцентрированы семемы слова *kēpse*:

<i>kēpse</i> — общее название многих растений с полым стеблем	[— 2. дудка
		— 3. стрелка (лука)
		— 4. ствол (ружья)
		— 5. ступица (колеса)

Семантический сдвиг может совершиться на основе нескольких признаков, например, в значении *kētmeł* 1. брусника → 2. (диал.) клюква находим несколько сквозных тем: лесное, болотное (растение), красный (цвет ягод).

Символ переноса может отражать эмпирический, чувственный признак, обозначающий форму, размер, цвет, консистенцию, местонахождение и т. д. Ср.: *sānā* 1. копье, пика →

2. (перен.) жало; *сиктёрме* 1. шест люльки → 2. рессора, рессоры; *кёресе* 1. лопата → 2. весло и т. д.

В этой главе сосредоточим внимание на номинативно-производных значениях одного конкретного слова *йыва́ç* «дерево». При этом отбрасываем идею о том, что *йыва́ç* «дерево» относится к лексическим единицам общего (широкого) значения.

Существует мнение, что «в отличие от единичного (собственного) имени, общее имя, например, «дерево», не представляет никакого определенного предмета. Оно ничего «не именует» и по существу не является именем» [Войшвилло, 1969, 136]. Согласиться с таким суждением нельзя хотя бы потому, что «всякое слово уже обобщает» (В. И. Ленин) и многие имена могут быть приписаны к общим. В действительности, *йыва́ç* «дерево» обозначает какое-то — любое, произвольное — из деревьев, т. е. является знаком, обозначающим какой-то из предметов класса.

Слова широкого значения рассматриваются иногда в ряду других средств лексической абстракции. К ним причисляют такие родовые понятия как «дерево», «человек», «лошадь», «вещь» и т. д. Широкозначность, или эврисемия, рассматривается как лексико-семантическая категория — явление, характерное для языков с развитым аналитизмом в грамматике и лексике. При этом широкозначность противопоставляется полисемии как принципиально отличное явление. Для слов широкого значения характерно якобы отсутствие иерархических отношений между элементами их смысловой структуры. Нельзя согласиться и утверждением, что «полисемия складывается в результате отдельных метафорических и метонимических переносов, эврисемия же — в результате повышения уровня абстрактности значения, ослабления его денотативной ограниченности» [Феоктистова, 1984, 21]. Полисемия тоже свойственно движение мысли от конкретного к абстрактному.

На наш взгляд, нет особой надобности усложнять вопрос введением в семасиологию эврисемии и противопоставлять ее полисемии.

Выбор предмета для исследования не случаен. По древнейшим мифологическим воззрениям, в том числе и чувашским, мир представлялся в виде «дерева» или ему подобных культовых сооружений. Эти символы мира воплощают универсальную схему «Мирового дерева» в качестве образа строения мира.

Древние чуваша имели развитую космогонию. Их космогонические представления отражены, в частности, в орнаменте народной вышивки. Так, например, на масмаке между

двумя линиями — небом и поверхностью земли — помещаются солнце, Древо жизни и столбы, на которых покоится небосвод. По мнению искусствоведа А. А. Трофимова, изображение Древа ведет свое происхождение от дерева, за которое при потопе привязывалась ладья [Трофимов, 1976, 25].

Следуя внушениям метафорического языка и тесно связанным с ним первобытных воззрений на мать-природу, древний человек почти не знал неодушевленных предметов: всюду находил он и разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались загадочные разговоры, которые ведут между собой деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны [Афанасьев, 1982, 220].

Как известно, деревья почти повсеместно наделялись душой, выступали в качестве тотемов, рассматривались как носители плодотворяющей силы природы. Примечательна и антропоморфизация деревьев, признание брачных отношений между ними, свидетельством чего является чувашское слово *авлантар* «женить» → «прививать (плодовые деревья)».

Чтобы судить об аналогии между тремя основными царствами природы, надо сравнивать составные части растений (деревьев в том числе) с частями тела человека и то, что мы говорим о человеке, применить затем к животным.

Естественно, в данной работе нас будут интересовать не космогонические воззрения чувашей, не представления их о Мировом дереве, не оживотворение деревьев, а семасиологические разветвления словозначений, связанных с понятием и словом *йывăç* «дерево».

§ 1. Сочетаемость, валентность и дистрибуция слова *йывăç* «дерево»

В словарях лингвистических терминов сочетаемость определяется как «способность языковых элементов соединяться друг с другом в речи» или просто «способность элементов соединяться друг с другом в речи». Исходя из определения, соответственно различают: сочетаемость слов, сочетаемость морфем, лексическая сочетаемость и синтаксическая сочетаемость, семантическая и логическая сочетаемость.

Близко к этому стоит определение термина «валентность», под которым понимают «способность слова вступать в словосочетания с другими словами» [Розенталь, Теленкова, 1985, 32]. Нужно заметить, что за последние два десятилетия теория валентности стала почти отдельной областью языкознания, с присущей ей проблематикой и терминологией. В совет-

ском и зарубежном языкознании термин «валентность» появился почти одновременно. В советском языкознании впервые этот термин употребил С. Д. Кацнельсон в работе «О грамматической категории», где говорится: «Свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [Кацнельсон, 1948, 132].

В наши дни термин «валентность» употребляется широко: разрабатываются вопросы не только валентности слова, но и валентности морфем («внутренней валентности») и валентности предложений. Как указывает С. М. Кибардина, «первоначально в теории валентности выделялись два направления — формальное и семантическое. В последнее время между ними намечилось определенное сближение, и большинство лингвистов исходят из наличия взаимосвязи между валентностными свойствами слова и его лексическим значением, но по-разному оценивают характер этой взаимосвязи — как более или менее опосредованный, в результате чего возникло многоуровневое представление о валентности» [Кибардина, 1985, 182].

Лингвисты выделяют: логико-семантическую (логическую), семантическую и синтаксическую валентности. Логическая валентность — это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями; семантическая валентность выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов (признаков, сем); синтаксическая валентность предусматривает облигаторную или факультативную заполняемость открытых позиций определенного числа и вида, различную в отдельных языках. Как указывает С. М. Кибардина, некоторые исследователи подчеркивают, что уровни валентности автономны, что «логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую валентность, но никоим образом не устанавливает и не определяет ее окончательно». Ряд исследователей выступают против выделения синтаксической валентности наряду с семантической, поскольку, по их мнению, именно семантическая валентность проявляет себя синтаксически.

Наряду с уровнями валентности в языкознании выделяются автономные уровни сочетаемости. Н. З. Котелова, например, различает лексическую сочетаемость — способность слова как лексемы сочетаться с другими словами (как лексемами), совокупность его лексических валентностей; синтаксическую сочетаемость, словосовокупность и свойства потенциально возможных при нем синтаксических связей, набор и условия реализации синтаксических связей [Котелова, 1975, 48]. В естественной живой речи грамматическая и лексичес-

кая сочетаемость, как правило, согласуются между собой, мы можем говорить о лексикограмматической сочетаемости [Плотников, 1984, 41].

Когда говорим о лексической сочетаемости, точнее, о проявлении лексической валентности, имеем в виду и лексикофразеологическую сочетаемость, называемую коллокацией. Как справедливо подчеркивает Э. М. Медникова, синтагматическое функционирование слова не исчерпывается коллокацией, ибо каждое слово принадлежит к определенному лексикограмматическому, или грамматико-семантическому, классу, что и определяет возможности его синтаксического функционирования. Поэтому «контекст, обнаруживающий сочетаемость слова, подчиняется не только семантическим системным отношениям, но также и синтаксическим нормам, существующим в языке. Синтаксически (точнее, морфосинтаксически) обусловленная сочетаемость слов, реализующая их различные значения, называется коллигацией» [Медникова, 1974, 89].

Синтаксическую сочетаемость иногда называют синтаксическим контекстом. К тому же термины «словосочетание» и «контекст» часто употребляются как равнозначные. В какой-то мере это верно, ибо словосочетание — «ближайший» контекст того или иного слова. В широком понимании контекст — это не только словесное окружение данного слова, но и условия и особенности употребления его в речи, связанные с историческими, культурными, социальными, ситуативными и другими факторами. В связи с этим различают языковой контекст — внутрilingвистические условия употребления языковой единицы. Внеязыковой контекст создается неязыковой обстановкой, внешней ситуацией общения, условиями, где протекает речь, составом людей, участвующих в акте общения. Языкознание часто ограничивается рассмотрением языковых факторов и ситуаций, но последние не всегда могут быть поняты без учета экстралингвистических факторов.

Мы не ставим цель подробно останавливаться на этих двух видах контекстов; укажем лишь, что сочетаемость слова в какой-то степени уподобляется контексту и наоборот. В свою очередь, понятие контекста или употребления языковой единицы тесно связано с понятием дистрибуции этой языковой единицы (в данном случае слова — *В. С.*). Термин «дистрибуция» употребляется в лингвистической литературе в тех же значениях, что и термин «контекст», эти понятия даже определяются иногда друг через друга: «Все множество контекстов, в которых может встречаться лингвистическая единица, составляет ее дистрибуцию»; всякое употребление слова в речи (в контексте) является реализацией, проявлением его дистрибуции. В семасиологии различают два вида

дистрибуции (термины заимствованы из фонологии): значения одного и того же слова, противопоставляемые в зависимости от контекста, можно назвать дополнительной дистрибуцией; разные слова с одинаковым значением в одинаковых окружениях можно именовать контрастирующей дистрибуцией [Медникова, 1974, 101].

Говорим ли о языковом контексте, о дистрибуции или о сочетаемости слова, перед нами стоит конкретная задача определения зависимости семантики слова от его словесного окружения, т. е. семасиологическое исследование многозначного слова начинается на синтагматическом уровне, поскольку лишь синтагматический ряд предоставляет то, что непосредственно поддается наблюдению и анализу.

Контекстуальное исследование значения слова способствовало появлению дистрибутивного метода в семантике.

Дистрибутивный метод рассматривается в лингвистике как контекстуальное исследование семантики. Этот метод ценен тем, что он применим при исследовании многозначности слова, поскольку основывается на органической связи семантики и синтаксиса, значения и контекста. Он служит также средством для выделения парадигматических классов слов, выявления семантических компонентов и т. д.

Дистрибуция как контекстуальная сочетаемость слов может использоваться в качестве показателя многозначности: 1) слова с узкой, ограниченной сочетаемостью менее склонны к развитию многозначности в силу ограниченности их использования [Черданцева, 1984, 132—133], т. е. 2) чем шире лексическая сочетаемость слова, тем оно многозначнее, тем шире его значение.

Исходя из всего сказанного можно заключить, что при исследовании многозначности выдвигается и задача изучения синтагматических связей слова, обуславливающих его семантическую структуру.

Зададимся целью выяснить, широкой или узкой сочетаемостью обладает слово *йываѝ* «дерево».

Отличительной чертой лексемы *йываѝ* является то, что в именных детерминативных* словосочетаниях она может быть

* Под детерминативом мы понимаем словесный знак, который указывает, к какой группе предметов относится данный предмет. Наличие детерминативов известно уже на заре человеческой письменности. Например, еще в IV тысячелетии до н. э. в шумерских текстах, воспроизведенных в форме слов-рисунков, применялись знаки, указывавшие, к какой группе предметов или явлений относится описываемый предмет или явление. Детерминативы могли помещаться как перед именем существительным, так и после него. Например, перед словом «стул» «трон», «кровать» ставился знак, обозначающий «дерево», и было ясно, что речь идет о предмете, сделанном из дерева (А. А. Липин. Аккадский язык. М., 1964. С. 11—12).

как определением, так и определяемым, т. е. в синтагмах с предметным определением слово *йывăç* может быть как в препозиции, так и в постпозиции. В зависимости от места нахождения его в синтагме можно выделить: а) словосочетания с преддетерминативом *йывăç*: модель й+с; б) словосочетания с постдетерминативом *йывăç*: модель с+й (й — слово *йывăç* «дерево», с — другое существительное).

Первый тип словосочетаний — й + с — с предметным определением составляет так называемый изафет I, который представляет собой сочетание двух конкретных предметных имен, связанных между собой без каких-либо морфологических показателей. Между компонентами таких синтагм устанавливается следующее смысловое отношение: обозначение материала, из которого предмет сделан + название самого предмета: *йывăç + çурт, кашăк, сенёк, сётел, пукан, кёпер, урай...* «деревянный дом», «деревянная ложка», «деревянные вилы» и т. д. — список можно продолжить до тех пор, пока не закончим перечисление предметов, сделанных из дерева.

Такие словосочетания, как *йывăç çурт* «деревянный дом», *йывăç сётел* «деревянный стол» и т. д., называются свободными словосочетаниями, ибо здесь наблюдаем свободное сочетание полнозначных слов, которое создается в речи, в котором выбор второго элемента диктуется экстралингвистическими факторами, вследствие чего отсутствует возможность его предсказывать. В чувашеведении они названы также составными терминами-словосочетаниями [Чернов, 1988, 128].

В сочетаниях типа *йывăç çурт* первое слово по-русски передается относительным прилагательным, для чувашского языка (шире — для тюркских языков) это слово морфологически остается существительным, но синтаксически — в функции определения. Таким образом, между чувашским *йывăç* (в сочетании со словом *çурт*) и русским *деревянный* (в сочетании со словом *дом*) существует полное тождество по смыслу, полное сходство в плане синтаксиса, но расхождение в плане морфологии.

Существует мнение, что слова, входящие в традиционные словосочетания, как правило, многозначны и обладают многообразной сочетаемостью. Казалось бы, в чувашском языке в словосочетаниях, входящих в изафет I, слово *йывăç* однозначен и обладает значением «материал, из которого сделан предмет». Хотя само значение «материал» уже говорит о том, что слово *йывăç* употреблен здесь не в прямом сигнификативном значении «многолетнее растение», т. е. «дерево растущее», ибо значение «материал (древесный)» включает в себя переносность: дерево (растущее) → дерево (спиленное), т. е. дерево → материал. Переносность значения явно ощущается в словосочетании *йывăç чёлхе* «невыразительный, без-

жизненный» (букв. деревянный язык). В этом сочетании мы не можем говорить, что язык сделан из дерева, ибо это невозможно, т. е. в словосочетании *йывăç чĕлхе* определение *йывăç* «теряет» свое прямое значение в смысле «материал» (из которого сделан предмет).

Заметим, что в словосочетании *йывăç чĕлхе* определяемым является слово, обозначающее часть (орган) человеческого тела. С ним наравне стоит, казалось бы, словосочетание *йывăç ура* (букв. деревянная нога), т. е. «протез», где отдельно взятое *ура* обозначает часть человеческого тела. Словосочетания *йывăç чĕлхе* и *йывăç ура* стоят особняком в конструкциях изафета I со словом *йывăç*, ибо невозможны выражения *йывăç йĕнке* «деревянные легкие», *йывăç хырăм* «деревянный живот» и т. д. Таким образом, здесь можем говорить о специфическом значении слова *йывăç* — чем специфичнее значение, тем уже сочетаемость; узкая сочетаемость обеспечивает, в свою очередь, регулярную воспроизводимость. Сочетания типа *йывăç ура* М. Ф. Черновым названы составными терминами-фразеологизмами.

Если в традиционных словосочетаниях типа *йывăç сурт*, *йывăç кĕреçе*, *йывăç сенĕк*... определение обладает широтой сочетаемости, или широкой валентностью, и не образует с определяемым словом семантического единства, то словосочетание *йывăç ура* в «Чувашско-русских словарях» разного выпуска трактуется по-разному. В словаре 1961 года словосочетание *йывăç ура* переведено как «деревяшка» (протез ноги), а в словаре 1985 года — «деревянная нога» (протез). В словаре Н. И. Ашмарина оно дано в значении «ходули» (А III 261). Здесь налицо результат межсловной деривации, ибо протез (*йывăç ура*) первоначально — деревянное приспособление, изготовленное в форме ноги, для замены утраченной природной, а ходули (*йывăç ура*) — два шеста с набитыми приступками, встав на которые ходят, переставляя шесты.

Словосочетания типа *йывăç чĕлхе*, *йывăç ура* можно назвать, вслед за Н. М. Шанским, фразеологическими выражениями, ничем не отличающимися от свободных словосочетаний. От фразеологических единств они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, но в процессе общения они не образуются заново, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением [Шанский, 1972, 203—204].

Второй тип определительных словосочетаний с предетерминативом *йывăç* (й+с+ -ĕ(-и)) отличается от первого лишь тем, что определяемое имя оформляется аффиксом принадлежности 3-го лица -и, -ĕ (изафет II). В основе этих слово-

сочетаний лежит схема категории принадлежности, поэтому определение *йывăç* обычно выражает, прямо или косвенно, эту идею принадлежности: *йывăç вулли* «древесный ствол», *йывăç сĕткенĕ* «древесный сок» и т. д. Чувашское определение-существительное по-русски воспринимается как относительное прилагательное, но это определение-прилагательное не обозначает материал (как это наблюдалось в конструкциях изафета I), а указывает, к какой категории относится определяемое имя с аффиксом принадлежности *-и(-ĕ)*. И здесь определение *йывăç* (передаваемое относительным прилагательным «древесный») обладает многозначностью: в одном случае *йывăç* «древесный» имеет значение «относящийся к дереву или к древесине», например: *йывăç вулли* «древесный ствол» (ствол дерева), а в другом случае выражает значение «добываемый из древесины», при этом под древесиной понимается не растущее дерево, а «твердая часть срубленного дерева»; *йывăç спирчĕ* «древесный спирт», *йывăç кăмрăкĕ* «древесный уголь». В трактовке словосочетаний этого типа в «Чувашско-русских словарях» нет единообразия: в словаре 1961 года они даны как свободные словосочетания, а в словаре 1985 года под редакцией М. И. Скворцова синтагма *йывăç кăмрăкĕ* дано как свободное, а *йывăç спирчĕ* — как фразеологически связанное сочетание.

Трудной задачей двуязычного словаря является перевод — идентичная передача смысла слова или словосочетания одного языка средствами другого. Частенько двуязычные словари активного типа, ставящие целью показ оттенков значений лексики одного языка средствами другого с помощью широкого привлечения словосочетаний, переходят от одного уровня сложности к другому: смысл словосочетаний одного языка описывается адекватно на уровне словосочетаний другого языка или же словосочетания переводятся однословным эквивалентом другого языка. При этом небезынтересно отметить, что чувашские синтагмы с предетерминативом *йывăç* в конструкциях типа изафет I переводятся словосочетаниями. В отличие от них конструкции типа изафет II со словом *йывăç* могут быть переданы на уровне однословного эквивалента: *йывăç тĕпĕ* «комель», *йывăç папки* «почка», *йывăç хуппи* «кора, корье», *йывăç хăвăлĕ* «дупло», *йывăç сухăрĕ* «смола», *йывăç су (сăвĕ)* «ладан», *йывăç улми* «яблоко», *йывăç пахчи* «сад» и т. д. Все эти примеры приведены в «Чувашско-русском словаре» (1985 г.) в семантической рубрике 1. дерево // деревянный, древесный. Отличительной особенностью этих словосочетаний является то, что многие однословные эквиваленты подразумевают наличие определения «древесный», т. е. *йывăç хуппи* «древесная кора» или «кора дерева», но *йывăç хăвăлĕ* только «дупло» или «дупло дерева», но не «древес-

ное дупло». В словосочетаниях *йыва̄с̄ с̄ав̄е̄ (с̄у)* «ладан», *йыва̄с̄ улми* «яблоко» и *йыва̄с̄ пахчи* «сад» определение «древесный» при переводе вовсе не употребительно; не говорят **древесное яблоко* (или **яблоко дерева*), **древесный сад* (или **сад дерева*).

Словосочетание *йыва̄с̄ с̄у (с̄ав̄е̄)* «ладан» приведено за знаком ромба — ◆. В таком случае наряду с ним должно было стоять сочетание *йыва̄с̄ с̄уха̄р̄е̄* «смола», как идиома, ибо смола «густой древесный сок, твердеющий на воздухе».

Ни для кого не секрет, что семантическое истолкование преддетерминатива *йыва̄с̄* в значительной мере зависит от семантики сочетающихся с ним имен существительных. Например, в словосочетаниях типа: *йыва̄с̄ м̄ёлки* «тень дерева», *йыва̄с̄ сулхан̄е̄* «тж», *йыва̄с̄ та̄рри* «верхушка дерева» под словом *йыва̄с̄* непосредственно подразумеваем живое растущее дерево, а в сочетании *йыва̄с̄ пӯс̄е̄* (А II 12) «конец бревна» (букв. конец дерева) перед нами возникают образ срубленного и очищенного от сучьев ствола.

Третий тип определительных словосочетаний — изафет III с предметным определением *йыва̄с̄*: й + а̄н + с + -ё(-и) в основном выражает принадлежность, где первый элемент оформляется аффиксом притяжательного падежа -а̄н, а второй — аффиксом принадлежности -ё(-и): *йыва̄с̄а̄н варри* «сердцевина дерева», *йыва̄с̄а̄н тура̄ч̄е̄* «ветка дерева». В конструкции изафет III определяемое имя *йыва̄с̄а̄н* указывает на конкретную принадлежность, поэтому мало способствует раскрытию многозначности слова, к тому же изафет III редко используется в словарях в качестве иллюстративного материала.

Все три типа словосочетаний с предметным определением *йыва̄с̄* представляют звенья одной цепи и в одинаковой мере касаются не только морфологии и синтаксиса, но и семасиологии.

1. Словосочетания с постдетерминативом *йыва̄с̄*: с + й, с + й + -ё(-и). Постдетерминатив *йыва̄с̄* раньше был широкоупотребителен в видовых названиях деревьев, в конструкциях типа изафет I и изафет II.

Изафет I: *с̄ака йыва̄с̄* «липа» (досл. липа дерево), *юман йыва̄с̄* «дуб» (досл. дуб дерево), *пилеш йыва̄с̄* «рябина» (досл. рябина дерево) и т. д.; изафет II: *с̄ака йыва̄с̄си* «липа», *йа̄мра йыва̄с̄си* «ветла», *пилеш йыва̄с̄е̄* «рябина», *юман йыва̄с̄си* «дуб» и т. д.

Необходимость в постдетерминативе *йыва̄с̄* появляется и тогда, когда первый компонент синтагмы малоупотребителен или совсем неизвестен широкому кругу носителей языка: *уш йыва̄с̄* и *уш йыва̄с̄си* «кустарник» (А III 363); *ӯтрен йыва̄с̄* «назв. какого-то дерева» (А IV 28), *й̄епленч йыва̄с̄си*

(А III 30), *тар йывăçци* «тополь» (А XIII 208), *тар йывăç* «тж», *пир йывăçци* «тж».

Роль постдетерминатива в таких словосочетаниях заключается в том, что определяемое как бы ставится перед определенным, ибо в сочетаниях типа *юман йывăç* или *йывăçĕ, йывăçци* главным членом синтагмы, т. е. (доминантой) является *юман* «дуб», а слово *йывăç* лишь конкретизирует значение видового названия *юман* «дуб», хотя, сохраняя традиционную схему «определение — определяемое», можно сказать, что *юман* является определением, а *йывăç* — определяемым.

В конструкциях с постдетерминативом *йывăç* можно наблюдать совмещение межсловной и внутрисловной деривации. Например, в словосочетании *сырла йывăç* или *сырла йывăçци* «куст», «кустарник», где на месте первого члена синтагмы с обозначением видового названия дерева стоит название плода, мы наблюдаем деривацию значения слова *йывăç* «дерево» → «куст (арник)», а в синтагме *улма йывăç* или *йывăçци* «яблоня» (досл. яблоко дерево его) оба члена синтагмы, составляющие определительную группу, с течением времени стали выражать одно понятие, в силу чего постдетерминатив *йывăçци* теряет не только свое значение, но и статус самостоятельного слова, и, изменяясь до неузнаваемости, начинает выступать в роли аффиксоида: *улмуç, улмуçци* «яблоня», где элемент *-уç, -уçци* является синтезом слова *йывăç* + афф. притяжательности *-и*.

Единое понятие выражают словосочетания типа: *поп йывăçци* «сирень» (букв. поп дерево его) (А IX 291); *пăрçа йывăçци* «акация» (букв. горох дерево его) (А X 140); *кăчăкă йывăçци* «верба» (букв. почка дерево его) (А VII 206, 211); *майăр йывăçци* «орешник» (досл. орех дерево его); *вĕт майăр йывăçци* «кедр» (букв. мелкий орех дерево его) (А VIII 250) и т. д.

К сочетаниям с предметным определением нужно отнести словосочетание *курăк йывăç* «молодое свежее деревце», где существительное *курăк* выступает в роли качественного определения: *Эпĕ каймăттăм вăрманă, курăк йывăç касмăттăм* (А VII 5) «Я б не ходил в лес, не рубил бы молодое свежее деревце». В словарях почему-то *курăк йывăç* фигурирует как парное слово *курăк-йывăç* «растительность вообще», видимо, по аналогии с *йывăç-курăк* «тж». На наш взгляд, *курăк йывăç* стоит на уровне синтагм *курăк пулă* «свежая рыба», *курăк тырă* «недозревшие хлеба» и выражает признак неполноты. То же самое наблюдаем в сочетании *хунав йывăç* «молодое дерево» (букв. росток дерево): *Эпир каялла киличчен хунав йывăç йывăç пулĕ* (А XVI 161) «Пока мы вернемся обратно, молодое деревце станет (большим) деревом».

1. Качественные определения слова *йываӥ* (модель: $p + c(й)$). Имеются в виду такие словосочетания, при которых определение выражает качество определяемого или его признак. В зависимости от того, выражает ли слово *йываӥ* значение «растущее дерево» или «срубленное дерево», т. е. «материал», здесь возможны следующие варианты:

йываӥ «дерево растущее»
ӥӥллӥ йываӥ «высокое дерево»

лутра йываӥ «низкое дерево»

чӥрӥ йываӥ «живое, растущее дерево»

йываӥ «спиленное дерево», т. е. «материал», *ваӥрам йываӥ* «длинное бревно» (букв. длинное дерево)

кӥске йываӥ «обрубок дерева» (букв. короткое дерево), «короткое бревно»

пуклак йываӥ «короткое и толстое бревно», «колода», «чурбан»

Но в таких сочетаниях, как *ӥрӥп йываӥ* «крепкое дерево», *хыта йываӥ* «жесткое дерево», *тӥрӥ йываӥ* «прямое дерево» и т. д., дифференциация значения по линии «растущее» и «спиленное» не наблюдается, для уточнения нужен дополнительный (лингвистический или экстралингвистический) контекст. Исключение из правила составляет сочетание *хӥсӥр йываӥ* «шиповник», в котором признак *хӥсӥр* «яловая» предан забвению, поэтому в словарях это словосочетание приводится в качестве идиомы.

2. Местоименные определения слова *йываӥ* не могут служить дифференциатором значений «свежее, растущее дерево» и «спиленное дерево»: *ӥак, ку йываӥ* «это дерево», *ӥав йываӥ* «то дерево».

3. То же самое нужно сказать и о количественных определителях при слове *йываӥ*: *пӥр йываӥ* «одно дерево», *вунӥ йываӥ* «десять деревьев». В обоих случаях нужен дополнительный контекст.

За последние годы разработка приемов исследования лексической семантики по данным словарных определений сделала шаг вперед, но говорить, что дефиниционный метод с его аппаратом и терминологией полностью сложился, пока рано. Остаются совсем неизученными типы определений. Например, развернутое описательное определение мало кем используется при раскрытии многозначности слова. Между тем элементы дефиниционного анализа, наряду со свернутыми моделями толкования семантики слова, находим мы в словаре Н. И. Ашмарина. Примером свернутой модели толкования семантики слова *йываӥ* может служить сочетание *ӥунат йываӥсӥ* «мах, стержень мельничного крыла» (А III 47). Здесь, в следующей словарной статье, дано синонимич-

ное выражение: *џонат кашти*, т. е. *џунат йываџџ*, получается, что Н. И. Ашмарин при толковании значения слова *йываџџ* пользуется приемом субституции, где первый элемент *џунат* (*џонат*) «крыло» остается неизменным, а слово *йываџџ* заменено его эквивалентом (или синонимом), где оба слова имеют одинаковое значение и на русский переводятся как «мах», «стержень» (мельничного крыла). Развернутое описательное определение с включением причастий находим в следующих сочетаниях со стержневым словом *йываџџ*: *џапка џакакан йываџџ* (А XI 140) — *џиктѳрме* «шест у зыбки, или люльки, оцеп»; *капан варне тѳратакан йываџџ — такан (тахан)* (А XIII 249), «стожар»; *тѳрѳ џавѳракан йываџџ* — крушал (А II 51) «кружало» (мельницы); *вите алѳкне урлѳ хурса питѳрекен йываџџ — џѳлѳп* (А XI 243) «запор, засов».

По сравнению с синтагмой *џыпакан йываџџ* «привой», в вышеприведенных словосочетаниях свернутые модели типа причастие + й: *џакакан йываџџ*, *џавѳракан йываџџ*, *питѳрекен йываџџ* в языке малоупотребительны, только в пределах развернутых описательных определений (в широком контексте) слово *йываџџ* получает конкретное значение. Н. И. Ашмарин в большинстве случаев прибегает к развернутому описательному определению при толковании значения терминоподобных слов; ср. *џиктѳрме* — *џапка џакакан йываџџ*, где обе части переводятся одинаково «шест у зыбки» (А XI 140).

Эти развернутые определения в словаре находят, как правило, однословное (синонимичное) выражение: *тѳрѳ џавѳракан йываџџ* — *крушал*. *џѳлѳп* — *вите алѳкне урлѳ хурса питѳрекен йываџџ* «задвигной запор у двери и у ворот» (А XI 243); *урата* — *йывѳр япала айне хуракан йываџџ* (А III 275) «балка, подкладываемая под тяжелый предмет». Если даже не приведено однословного эквивалента, то он подразумевается. Например, развернутое описательное определение *пѳвет витѳр тухакан йываџџ* (А II 59) встречается в следующем более широком контексте: *Хѳре пѳркѳџне кѳскерех каштаран тѳваџџџ. Унѳн пѳр вѳџне вѳренне пѳвет витѳр тухакан йываџџ џумне џыпѳстарѳџџџ*. «Рычаг на хвосте (мельницы. — В. С.) делают из коротенького шеста и один конец его прилаживают при помощи веревки к дереву, которое проходит сквозь пѳвет. Под словом *йываџџ* «дерево» в данном контексте подразумевается какая-то деталь ветряной мельницы».

То же самое наблюдается и в развернутом определении *хѳре парѳпанне аял енчен лексе тѳракан йываџџ* «дерево, соприкасающееся снизу с (цилиндрической частью) ворота (т. е. ось ворота)» (А II 59). В обоих случаях слово *йываџџ* автором переведено русским эквивалентом «дерево», но читателю ясно, что оно не «многолетнее растение», а деталь мельницы и это слово *йываџџ* несет иную смысловую нагрузку.

ку, чем в сочетаниях: 1) *сырла тавакан йываџ* (катъркас) (А VI 161) «кустарник, приносящий плоды» (боярышник); 2) *час суралакан йываџ* (А VI 293) «колкое дерево».

Развернутое описательное определение представлено как с причастием настоящего времени, так и с причастиями прошедшего и будущего времени: *йопа сине тахъантарнъ хавъл йываџ* «дупло, дуплистое дерево, надетое на столб» (А II 60). Даже минимальный контекст дает возможность разграничить значения слова *йываџ*: *хавъл йываџ* 1) дуплистое (растущее или высохшее) дерево на корню и 2) часть дуплистого дерева, использованная в качестве детали ветряной мельницы.

Развернутые и свернутые модели определений со словом *йываџ* типа причастие на *-нъ, -не + ѝ* встречаются в языке очень часто: *каснъ йываџ* «срубленное дерево», *силпе ѝкнѣ йываџ* «поваленное ветром дерево», *сѣрнѣ йываџ* «сгнившее дерево», *шыв урлâ хунâ йываџ* «перекладина, положенная через ручей» и т. д.

Рассматривая вопросы узкого и широкого контекста, мы решаем вопросы постоянного и переменного контекстов, а тем самым и проблемы дистрибуции того или иного слова, связанные с систематическим поиском взаимопротивопоставленных «смыслов» одного и того же слова, обнаруживаемых в контексте. Например, *лартмалли йываџ* «саженец», но в более широком контексте *кѣреџе аври лартмалли йываџ* «дерево или деревце, пригодное для черенка лопаты»; ср.: *тимѣр лартмалли йываџѣ* (А VI 306) «обрубок корявого дерева (чурбан) для насаживания лемеха сохи».

Во всех трех случаях здесь встречается сочетание *лартмалли йываџ*, но в развернутых контекстах слово *йываџ* имеет иное значение, чем в узком контексте. Отсюда вывод: задача семасиолога заключается в том, чтобы, изучая тексты достаточно большого и достоверного объема, фиксировать в них для заданных слов все их семантические свойства, выявляемые через лексико-грамматическую сочетаемость, иначе: перед исследователем стоит задача выборки из всего практически бесконечного текста те сочетания, в которых проявляется дифференциация значения той или другой языковой единицы.

В современном отечественном языкознании можно выделить (условно) два направления в изучении значения слова. Представители первого направления в качестве объекта изучения принимают значение слова как знака языка, понимая значение как сплошное недискретное семантическое пространство, независимое от контекста, т. е. признают автосемантическую природу слова и руководствуются высказыванием

В. В. Виноградова о том, что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями» [Виноградов, 1972, 17].

Представители другого направления, признающие синсемантичность слова, склонны к изучению значения слова в речи, в процессе общения и определяют значение слова эксплицитно, через «совокупность потенциальных типовых сочетаний, в которых фиксируется область использования данного слова» [Звегинцев, 1957, 125—126].

Первое направление называют традиционным, генетическим подходом к исследованию семантики. При генетическом подходе объектом изучения якобы оказывается значение слова на диахронической оси, а при функциональном подходе исследуется синхронический срез семантической жизни слова. Но при этом исследователи почему-то забывают, что синхрония — это не историческая действительность языка, а лишь один из возможных подходов к изучению его. Выделение ее, следовательно, есть весьма условный методический прием, используемый при исследовании языка. Поэтому условно выделяемый синхронический срез — следствие диахронических процессов и специфические диахронические изменения в семантике могут быть поняты лишь при обращении к сети синхронических отношений и наоборот.

Руководствуясь высказыванием Ш. Балли, что «основным принципом изучения слов является исследование их в контексте, который их окружает» [Цит.: Медникова, 1974, 117], приведем самые разнообразные наборы моделей сочетаемости слова *йывӑс*, в которых, на наш взгляд, можно наблюдать противопоставляемые значения данной лексической единицы. Широта моделей сочетаемости слова само собой говорит уже о широте сферы употребления слова *йывӑс*, это уже сигнализирует о многозначности его.

Нужно констатировать тот факт, что в двуязычных — чувашско-русских словарях, как и в толковых словарях других тюркских языков, значения многозначных слов объясняются далеко не удовлетворительно. Это зависит прежде всего от того, что составители мало обращают внимания на сочетаемостные свойства слов, поэтому нет четкого показа различных типов обусловленных значений и их соотношений между собой, между ведущим, доминирующим значением слова и переносными аналогами его.

В целях наиболее полного раскрытия великого множества семем лексемы *йывӑс* обратимся к словарю Н. И. Ашмарина.

§ 2. Многозначность слова йываџ «дерево» (по данным словаря Н. И. Ашмарина)

Многозначность признается сейчас всеми исследователями. Но признается в определенных, можно сказать, лексикографических границах, в узусе, т. е. значениями многозначного слова считаются только те, которые даны в словарях. Если же семасиолог начинает выявлять новые значения, тут же на это накладывается вето, мол, они не закреплены общественно-языковой практикой; т. е. не зафиксированы в словарях. При этом искусственно подменяется идея значения слова его употреблением, что-де нужно четко разграничить значение и употребление слова.

Таким образом, на современном этапе развития языкознания в области семасиологии господствует лексикография с его неотступным принципом так называемого «отстояния смыслов». Необходимо определенное усилие для того, чтобы вырваться из этого заколдованного круга: лексикография → семасиология → лексикография. Видимо, настало время всерьез говорить о семасиологии как о самостоятельной дисциплине, наряду с лексикографией. Сдерживать развивающуюся семасиологию как науку о значениях в рамках старой лексикографической практики подобно пленению семасиологии лексикографией. Освободить ее от пут лексикографии помогут лингвистические методы: дистрибутивный (контекстный), трансформационный, субституционный, переводный и некоторые другие.

Многозначность слова мы рассматриваем не только как состояние, но и как процесс, и это позволяет говорить, что все слова языка актуально и потенциально многозначны. Актуальную многозначность понимают многие, но потенциальная сторона полисемии нуждается в обоснованиях. На наш взгляд, при определении очередного по счету значения многозначного слова не следует «лукаво мудрствовать», а применить то же старое определение, согласно которому для обнаружения лексического значения слова необходимо, во-первых, выяснить его предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание; во-вторых, установить, как связана называемая словом реалія с теми, которые объективно существуют в окружающей действительности; в-третьих, выявить, как определяемое лексическое значение соотносится с другими значениями, так как слово «выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [Виноградов, 1977, 189].

Практическая одноязычная или двуязычная лексикография семантическую неоднозначность слова фиксирует чаще

всего с помощью контекста, т. е. составителями словарей выбирается необходимая сочетаемость описываемого слова для реализации. При этом сочетаемость считается главным и исключительно тонким мерилем семантической структуры слова.

Проследим, как представлял Н. И. Ашмарин повседневное лексикографическое значение слова *йывăç* «дерево» и как продемонстрировал потенциальную возможность его значений в процессе составления своего словаря. Словарная статья на слово *йывăç* помещена в 4 томе его 17-томного словаря на странице 297, где даны следующие значения:

Йывăç «дерево» (здесь же даны фонетические варианты *йăвăç*, *ййç*). *Йывăç муртакланса кайнă* «дерево стало близко к гниению, т. е. сделалось дряблым» // Деревянный, неотесанный. *Эй, йывăç чĕлхе* // Яблоня. *Йывăçсинчен улми аякка йĕмест теççĕ* «Яблоко от яблони далеко не падает» // Бревно. *Суля пĕренисене йывăçран йывăçа (пĕренерен пĕрене) лектерсе çыхса тухаççĕ* (задевают одно за другое) // Дубина. *Тăрать çаванта йывăç* «Эх, остолоп! Стоит тут, дубина».

Таким образом, здесь зафиксированы значения «дерево», «деревянный», «неотесанный», «яблоня», «бревно», «дубина».

В последующей чувашской лексикографической практике словарная статья лексемы *йывăç* была переделана, составители «Чувашско-русского словаря» 1961 года ее представили в следующем виде: *йывăç* 1. «дерево» // «древесный», «деревянный»; 2. «лес», «лесоматериал»; 3. (перен.) «деревянный», «невыразительный» (127 с.).

В «Чувашско-русском словаре» под редакцией М. И. Скворцова слово *йывăç* представлено в следующих значениях: 1. «дерево» // «деревянный», «древесный»; 2. «лес», «лесоматериалы»; 3. (перен.) «деревянный», «безжизненный, невыразительный» (132 с.).

Как видим, наибольшее число значений представлено Н. И. Ашмариним.

Выполнить вторую задачу гораздо труднее: для этого нужно просмотреть весь 17-томный материал словаря. Такая работа весьма трудоемка, но интересна. Мы считаем целесообразным представить весь этот материал в двух разделах: материал, в котором автор контекстуально употребленное слово *йывăç* снабжал русским переводом, материал, в котором перевода нет.

Начнем с изложения первого пункта. Для начала берем те значения, которые уже были раз зафиксированы в 4 томе (нумерацию значений начнем с цифры 2, поскольку узальное значение «дерево» попадает под пункт 1.

2. Яблоня. *Аякка илсе каймалла пулсан, малган йывăç тымарне навусля шĕвĕ тăм çине чиксе кăларас пулаты...* «Если

нужно далеко везти (яблоню), то следует корень ее обмакнуть в жидкую глину...» (А II 212).

Чтобы читатель правильно понял, о каком дереве идет речь, автор дал значение слова *йываџ* в скобке (яблоню).

3. Бревно. *Пуклак йываџ* «короткое и толстое бревно» (срубленное дерево) (А IX 259).

Далее идут те значения слова, которые не были зафиксированы в словарной статье *йываџ* (А IV 297).

4. Жердь, жерди. *Хамла йываџси*, то же, что *хамла шалчи* «жердь для хмеля» (А XVI 330—331).

5. Шест. *Сайка џакакан йываџ* «шест у зыбки» (А XI 140).

6. Мах, стержень. *џунат йываџсе* «мах (стержень мельничного крыла» (А II 47). *џонат кашти*, т. е. *џунат йываџсе* (там же), *џунат кашти*, то же, что и *џунат йываџсе*; здесь при постоянном члене синтагмы *џунат* субституции подвергаются слова *йываџ* → *кашта*, которые при такой подмене становятся равнозначными, т. е. синонимичными. Но в другом месте *џонат кашти* дано в значении «среднее бревно в крыле мельницы» (А XII 246).

7. Подпорка. *Пёр-пёр япала тёреклемелле чухне тёреклемелли йываџси* (подпорка) *кайт кёскерех пулсан, џапла калать* (А III 7).

8. Спица. *Кёпчекпе тукан хушинчи йываџсене урапа шалёсем* (спицы) *теџсе* (А VII 267).

9. Ходули. *Йываџ ура џине тая та таянчки-таянчки, таянчки-таянчки уткаласа каять* (идет качаясь на ходулях) (А XIV 278).

10. Запор, засов, бревно. *Тёкё — алака шалтан чараклатса питерекен йываџ* «засов, запор» (...бревно, которое другим концом входит в отверстие пола и таким образом запирается дверь) (А XV 22).

11. Брусок, бруски. *џонат хамисене тытса таяракан таваткал йываџсене валёк теџсе* «Четырехугольные деревянные бруски, которые держат доски махов, называют валек» (А II 24).

12. Лоза. *Иџём џырли йываџси* «виноградная лоза» (А IV 151).

13. Куст. *Йываџ пахчи туса, џырла йываџселем ёрчетсен, ун нек хуџана пуранма та аван* «Если кто насадит плодовых деревьев и ягодных кустов, то такому хозяину жить еще лучше» (А IV 136); ср. *хамла џырли йываџси* «куст малины» (А V 47); *пахча варёнке џырла йываџ* (А VII 83).

14. Плаха. *Пысак йываџ сыпписем, тёпёсем пулна* (А XI 112).

15. Дрова. Полено. *Йываџ шыв сурать*. Говорят, когда во время колки сырых дров от удара топором выходит вода (А XI 192).

16. Лес (т. е. хворост, жерди, бревна). *Краснй пярэс айне хунй йываэсене (сапй, кашта, пёрене) тён сапй теэсе* «Лес (хворост, жерди, бревна), положенный под красный брус, называют тён сапй» (А II 52). *Сўле йываэс нумай пусарнй* «Сверху на крышу наложено много лесу» (А X 7).

17. Лес. *Пуртй саврайми йываэс пур* «Лес очень густ, что нельзя размахиваться топором» (А XII 11).

18. Дикий. *Йўс (-йываэс?) улма йываэсси* «дикая яблоня» (А XII 34). См. *уй улми* «дикая яблоня»; *уй олми* «лесное яблоко», «дикое яблоко с непривитой яблони» (А III 167).

В части, где контекстуально употребленное слово *йываэс* снабжено прямым переводом или переводом через эквиваленты рассматриваемого слова, легко усмотреть радиально-цепочечную связь развития значений слова *йываэс*. Они могут быть сформулированы кратко в следующем виде:

0) «целое» → «часть»;

1) «дерево» → «материал»: бревно, жердь, шест, брус, плаха;

2) «материал» (дерево) → «предмет из дерева»: мах, стержень, подпорка, спица, ходули, хапор, засов;

3) «дерево» → «дрова»;

4) «род» → «вид»; *йываэс* «дерево» → «яблоня»;

5) «дерево» → «лес»: хворост, бревна, жерди;

6) «дерево» → «лес»: стройматериалы;

7) «живое растущее дерево» → «живой лес»;

8) «дерево» → «дикий».

Приведенные в 8 пунктах связи развития значений плодотворно можно использовать при репрезентации материала, данного в словаре Н. И. Ашмарина в связи со словом *йываэс*, но не снабженного переводом.

В пункт «целое» → «часть» могут быть включены следующие значения:

1. Древесина. *Йываэсси хуппи хура, шўр в аррисем. Йываэсси сарй* (А VII 168). В данной последовательности *йываэсси хуппи хура* переводится «кора дерева черная»; *йываэсси сарй* «древесина желтая».

2. Ветвь, ветка. *Йываэс хусйлан, сай хурса сыхаэсё* (А XI 3). Объяснение, что имеется в виду в данном случае под словом *йываэс*, дано в предыдущем предложении: «сломленная ветвь дерева» (А XI 3).

3. Ствол. *Турачёсем сапаланса каясран кайт йываэс тавра каркачй таваэсё* (А XI 48). В произвольном переводе *йываэс тавра* можно перевести двояко: «вокруг дерева», «вокруг ствола дерева».

4. Крона. *Каэхи хёвел ылтйн пек, йываэс витёр курйанать* (А XII 58). Вторая часть предложения может быть переве-

дена так: «виднеется сквозь крону», т. е. сквозь разветвленную часть дерева.

5. Лутошка. *Ун хуппине сӓпата хуцацсӓ, йывӓцсине чӓлсе тирессӓ* (А XIV 63). Произвольный перевод может быть дан в следующем виде. «Из его коры плетут лапти, а лутошко...» *Йывӓцси* здесь может быть заменено словом *пучушиши*, *пуччуш* или словосочетанием *пушӓт йывӓцси* «липовая палка, с которой содрана кора» (А X 56).

В пункт «дерево» → «материал» могут быть включены следующие значения:

6. Стройматериал, бревна. *Ай-ай, кӓсал пӓр кӓлетлӓх йывӓц кӓлараясчӓ!* (срубить и вывезти из леса) (А III 30).

7. Колода (короткая), толстое бревно. *Хулӓн йывӓцран сын кӓлетки тӓвацсӓ...* (А IV 346). В данном предложении определение *хулӓн* указывает, что дерево толстое, а контекст, следующий за словом *йывӓц*, сигнализирует о том, что дерево спилено (короткое) и соответствует примерно росту человека.

Самым многочисленным по числу значений является тип деривации «дерево» → «материал» → «изделие, предмет».

8. Стожар. *Тахан — капан варне тӓратакан йывӓц, сак йывӓцсене утӓ сӓресрен тӓратацсӓ* (А XIII 249). Здесь значение слова *йывӓц* в смысле «стожар» появляется в дефиниции слова *тахан*, т. е. получается, что *тахан* по значению соответствует слову *йывӓц*. Буквальный перевод вышеприведенного предложения звучит примерно так: «Тахан (стожар), который ставится в середине копна, эти стожары ставятся для того, чтобы сено не гнило».

9. Палка. *Алуна йывӓц тыт...* «В руки бери палку...»

10. Подмости (под стог). *Ут капанӓ тунӓ чух кашта сумне тӓратакан икӓ юплӓ йывӓц* (А XIII 155).

11. *Шӓтӓклӓ йывӓц* «какая-то деталь мельницы». *Шӓтӓклӓ йывӓц* — см. арман (А XVIII 354). В словарной статье *Арман* сочетание *Шӓтӓклӓ йывӓц* выносится в реестр. Здесь приведено следующее объяснение: «Кусок дерева, вставляемый снизу в соответствующую выемку красного бруса; в этот кусок дерева вставлен верхний осен стояка» (А II 63).

12. Рычаг (деталь косули, сохи). *Орлӓ йывӓц* (А VII 20); ср. *црлусси* «рычаг», которым останавливают ход (на мельнице) (А III 280).

13. Поперечина. *Хӓме тытнӓ чухне, хӓме юпине хӓме йывӓцсисене картса кӓртсе лартмалла пултӓр тесе, икӓ енчен те варак тӓвацсӓ, сав вараксене ыра тессӓ* (А III 55).

14. Чушка. *Пыра йывӓцси тесе копаласа лартакан, сӓпса кӓларакан пилӓк патака калацсӓ* (А IX 191).

15. Брусья (поперечные). *Сўре йываъссисем сумне аял енне сатарка каркаласа сыхаъсё* (А XII 72). *Урапан аялти икё тўрё йываъсси* «параллельные брусья дрог телеги» (А IV 340).

16. *Ака пуъ сўретекен йываъ* «название какой-то части плуга» (А IV 340).

17. *Хачъ йываъсси* «какая-то часть мельницы». *Аслак хачине икё йываъран таваъсё. Майракисем пёккин хушшине те-пёр йываъ пуъне кёртеъсё... Хачъ йываъссисем ытти юлнъ вёсё-сене вартаса пәриклат шатәкне лартмалла таваъсё* (А II 12).

Приведенные значения *йываъ* говорят о том, что данное слово обладает огромной внутренней семантической потенцией. Описание всей семантической потенции слова не входит в задачи двуязычной лексикографии, которая в первую очередь заинтересована в фиксации лексических единиц (а не в описании семантики!) какого-либо языка. Таким образом, ставится вопрос о семасиографии, которая непосредственно должна заняться изучением качественной стороны лексем; т. е. лексикография занимается, в основном, инвентаризацией лексики с включением элементов семасиографии, а семасиография занимается исключительно выявлением значений слов. Выяснение объема полисемии слов в языке — вот основная задача семасиографии. Как и во всех явлениях объективной реальности, между лексикографией и семасиографией существует прямая и обратная связи. Используя теоретические достижения семасиологии и практические успехи семасиографии, лексикография должна добиваться более четкой и объективно правильной подачи материала в словарях (в двуязычных и толковых). Если лексикография в основном занимается описанием устоявшихся значений, то семасиография должна заниматься не только узуальными значениями слов, но и исследованием вопросов перемнологической, фразеологической, эйдонимической, индивидуальной-поэтической деривации.

Обзор материала Ашмаринского словаря ясно показывает, что «многозначность снимается (в конкретных речевых условиях) и создается (в семантике самого слова как единицы языка) благодаря особенностям лексической и синтаксической сочетаемости слов» [Шмелев, 1973, 166]. Синтаксическая сочетаемость слова определяется, как пишет Д. Н. Шмелев, его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением. В первом случае слово выступает как представитель определенно-го грамматического класса или подкласса, объединяющего лексические единицы на основании самых общих особенностей их семантики. Во втором случае способность слов сочетаться друг с другом зависит от их индивидуальных значе-

ний, более или менее непосредственно отражающих явления действительности.

Например, в сочетаниях типа *сыпмалли йывăç* «подвой» и *сыпакан йывăç* «привой» как слова *сыпмалли* и *сыпакан*, так и *йывăç* обладают собственными, индивидуальными значениями. Определители (или распространители) *сыпакан*, *сыпмалли* + *йывăç* отражают явление действительности. Благодаря распространителям слово *йывăç* четко отражает внеязыковую действительность, в силу чего мы можем сказать об отдельных значениях *йывăç* в данных сочетаниях.

Сочетание *сыпакан йывăç* может быть заменено однословным наименованием *сапан* «привой»; или же слово *йывăç* можно подвергнуть субституции синонимичными по значению словами: *сыпакан турат* «привой», «привойная ветка»; *сыпакан хунав* (*сапан хунав*) «привойной черенок». В каждом отдельном случае слова *йывăç*, *турат*, *хунав* сохраняют присущее им лингвистическое значение. Заменяемость говорит об их равнозначности, т. е. о наличии у слова *йывăç* значения «привой» — «часть растения, которая прививается к другому растению». Ср. *Сапан — улма йывăçне авлантарнă чух лартакан турат* (А XI 52). Получается, что в определенном контексте *йывăç*, *турат*, *хунав*, *сапан* являются равнозначными.

Если у слова *йывăç* узусальным является значение «дерево — многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону», то *сапан* (*сыпакан йывăç*), естественно, не является многолетним растением, и ствола как такого у этого растения нет, представлен он как черенок (или ветка), который нужно привить. Таким образом, между *йусекен сўллĕ йывăç* и *сыпакан йывăç* или *сыпмалли йывăç* имеется разница, в первую очередь, в отражении разных предметов реальной действительности, в равной номинативной ценности.

Невнимательность к словам-распространителям иногда приводит к неразличению смыслового содержания слова *йывăç* или заменяющих его синонимичных слов *турат* и *хунав*. Например, в «Чувашско-русском словаре» (1982) в статье *йывăç* «дерево» перепутаны значения: *сыпакан йывăç* «подвой», *сыпмалли йывăç* «привой» (с. 132). Здесь же *сыпакан турат* «привой» (с. 389), но в статье *турат* «ветка, ветвь»: *сыпмалли турат* «привой», «черенок» (для прививки фруктовых деревьев) (с. 495).

Благодаря словам-распространителям, без особого труда можно определить значения слова *йывăç*. Например, в сочетании *лартмалли йывăç* оно имеет значение «саженец» (ЧРС 1982, с. 207), «молодое растение, пересаживаемое с одного места на другое». Синонимично ему по значению сло-

во *хунав*: *лартмалли хунав* или *лартмалли хунавсем* «саженцы» (ЧРС 1982, с. 562). Распространитель *лартмалли* может сопутствовать многим существительным, предопределяя присутствующие им значения: *лартмалли авър* «черен, который нужно (следует) насадить», *лартмалли сёрулми* «картофель, который нужно (следует) посадить», *лартмалли чăх* «наседка, которую нужно (следует) сажать на яйца» и др.

Вопрос о главном слове (в наших примерах это *йывăç*) и распространителях (грамматически зависимых словах) в семасиологии и семасиографии пока основательно не поднят. Главное слово может иметь ряд распространителей, причем эти распространители могут находиться как впереди, так и после главного слова. Такую сочетаемость можно обозначить так:

гл. слово	[распространитель 1	
		распространитель 2	
]	распространитель 3	
		однословный распространитель 1	\
		двусловный распространитель 2	—
		многословный распространитель 3	/

} гл. слово

Рассмотрим самую простую, на первый взгляд, именно глагольную сочетаемость: *йывăç кас* «рубить дерево», «рубить деревья»: *Икĕ сын вăрман йывăç касма кайнă* «Два человека пошли в лес рубить деревья» (А VI 121—122). Ср.: *вăрман кас* «валить лес». Слово-распространитель *кас* «рубить» сигнализирует о том, что рубят деревья, или лес, на корню, т. е. рубить и валить переданы в чувашском одним словом *кас*.

Теперь возьмем сочетание *йывăç тат* «пилить дерево» (дерева), где распространитель слово *тат* сигнализирует, что дерево уже срублено, т. е. не на корню. Поэтому частенько в словарях приводится сочетание *вутă тат* «пилить дрова». В таком случае *йывăç тат* оказывается равнозначным сочетанию *вутă тат*, т. е. *йывăç* является синонимом слова *вутă*. Но сочетание *вутă тат* «пилить дрова» как в чувашском языке, так и в русском стилистически не вполне корректно, ибо «дрова — пиленные и расколотые деревья, употребляемые как топливо». Таким образом, *вутă тат* «пилить дрова» буквально означает: «пилить (еще раз!) распиленные и расколотые деревья». Но на практике этого обычно никто не замечает и сочетание *вутă тат* признается вполне нормальным. Здесь сказывается, видимо, и то, что *вутă* когда-то имело значение «дерево».

Логически не вполне оправданным, но лингвистически реальным кажется выражение *хăма сур*, которое в «Чувашско-русском словаре» (1982 г.) дано в переводе в двух вариан-

тах: 1) «пилить на доски» (с. 426) и 2) «пилить лес на доски» (с. 544). Логическая неувязка заключена в том, что *хăма* «доска — плоский с двух сторон кусок дерева небольшой толщины, получаемый путем продольной распилки дерева», поэтому *хăма сур* в чувашском буквально означает «доски пилить». Правильным, на наш взгляд, звучит выражение *йывăç сур*, *йывăç суртар* «пилить лес (бревна) на доски», ибо наличие значений «лес», «лесоматериал» у слова *йывăç* зафиксировано в словаре (с. 132).

Но в данном выражении многозначным является не только слово *йывăç*, но и слово-распространитель *сур*: *йывăç сур* — *вутă сур* «колоть дрова», где *вутă сур* опять-таки выдвигает логическую неувязку «колоть дрова» (т. е. колоть то, что уже расколото).

В случае с распространителями фактически имеем дело с теми же синтаксическими и фразеологически обусловленными значениями, о которых писал еще В. В. Виноградов: «Большая часть значений слов фразеологически связана. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значений слова большей частью обусловлены его фразовым окружением» [Виноградов, 1977, 176].

Мнение акад. В. В. Виноградова было поддержано А. И. Смирницким. Фразеологическое выражение различия между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) автор проиллюстрировал такими примерами, как: *dry wood* «сухое дерево» — *thick wood* «густой лес» [Смирницкий, 1956, 158], где, в зависимости от распространителей *dry* и *thick*, слово *wood* в одном случае означает «дерево», а в другом — «лес».

Многозначность слов возникает не только вследствие того, что язык не в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом, но и при демонстрации синонимической группы слов и синонимического ряда. Связь синонимии и полисемии словарных единиц имеет прямое отношение к выявлению членов синонимического ряда.

Таким образом, многозначное слово *йывăç* может быть в нескольких синонимических рядах, и в каждом ряду то или другое его значение выделяется соответствующими словами синонимического ряда. Развитой синонимический ряд слов есть показатель развитости языка вообще.

§ 3. Определение смыслового объема слова

йывăç в речи

Объявив слово *йывăç* сверхмногозначным, мы тем самым построили гипотезу (конструкт) о бесконечности (вернее, неизвестности) числа значений данного словесного знака. Допустим, что это пока интуитивное представление исследователя. Хотя интуитивное представление базируется на фактическом материале (берем слово *йывăç* в контексте), тем не менее перед исследователем встает задача проверки надежности выдвинутого аргумента, ибо эмпирическая наука не может удовлетвориться процедурой самонаблюдения исследователя над тем, что происходит в его сознании.

Проверку верности выводов можно проводить экспериментально. Экспериментальные данные, как уже говорилось, являются самым сильным видом аргументации [Караулов, 1981, 135].

Экспериментальную проверку многозначности слова *йывăç* мы начали раньше, где говорили о его сочетаемости и рассматривали материалы словаря Н. И. Ашмарина. Хотя там мы ни разу не употребили слово «эксперимент», тем не менее прибегли к важному принципу для методики исследования — к принципу дистрибутивного эксперимента, позволяющему получить представительную эмпирическую базу исследования. Метод, или принцип, дистрибутивного эксперимента заключается именно в исследовании семантики того или иного слова, исходя из дистрибуции, сочетаемостных возможностей выбранной единицы.

Первый этап эксперимента, таким образом, заключается в подборе языкового материала. Об этом убедительно говорил в свое время Л. В. Щерба: «Не ожидая того, что какой-либо писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать получающиеся при этом различия» [Щерба, 1974, 32].

В результате первого эксперимента мы выяснили, что слово *йывăç* в чувашском языке многозначно (имеет неопределенное количество значений), что эти значения можно установить только через наблюдение над его употреблением, т. е. ненаблюдаемые явления описываются при этом через непосредственно наблюдаемые.

Л. В. Щерба призывал не довольствоваться первым этапом экспериментальной работы, т. е. простым собиранием материала и индивидуальным анализом: «...Построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают

ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента».

В этой же работе Л. В. Щерба пишет о важности самонаблюдения в языкознании. Но, тем не менее, подчеркивает, «...что путем непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, «значений» условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т. е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая получающиеся при этом «смыслы», можно сделать несомненные выводы об их «значениях» и даже об их относительной яркости. При таком понимании дела отпадают... упреки в «субъективности» получаемых подобным методом лингвистических данных...» [Щерба, 1974, 33].

Изложенные Л. В. Щербой принципы экспериментальных исследований по сей день сохранили свою значимость: именно эксперимент дает критерий для оценки верности и достоверности наших индивидуальных суждений и сближает методику семантических исследований с методикой точных наук.

В эксперименте, проведенном нами в 1985 году, участвовали 68 студентов II курса чувашского отделения историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Такое число испытуемых, на наш взгляд, вполне обеспечивает отражение (в сумме их индивидуальных ответов) коллективной языковой интуиции. Причем студенты были разбиты на две группы: 38 и 30.

Цель эксперимента — проверка: 1) насколько изменение лексической и синтаксической сочетаемости (шире — дистрибуции) слова создает условия для выявления его значения; 2) насколько соотношение индивидуального и коллективного языкового опыта, определяющего выбор тех или иных эквивалентов, противоречит или способствует выявлению смысловых различий одной и той же проверяемой леммы *йывăç*.

Было проведено два основных типа проверки: 1) на уровне перевода: испытуемым 38 студентам был дан набор предложений и словосочетаний с анализируемым словом *йывăç* для перевода на русский язык; 2) на уровне эквивалента: испытуемые 30 человек в том же тексте должны были заметить слово *йывăç* его однословными смысловыми эквивалентами на чувашском же языке. Это не что иное, как использование метода субституции. Такой комбинированный тип проверки дает возможность отметить элементы случайного у отдельного испытуемого или же увидеть в этом «случайном» отражение закономерного, присущего языку и языковому коллективу.

Как видно из постановки вопроса, человек является тем инструментом, который создает явление, и тем прибором,

который его регистрирует. «Участие человека в качестве инструмента и прибора, — справедливо замечает О. Н. Селиверстова, — не означает, что получаемые данные субъективны: человек, создавая явление и регистрируя его, действует не произвольно, а в соответствии с определенными независимыми от него законами, вытекающими из характера значения языковой единицы, свойств объектов и логических взаимозависимостей [Селиверстова, 1980, 203—304].

Таблица 1

Результаты эксперимента № 1 (проверка через перевод)
Число испытуемых — 38

Текст и семантический эквивалент экспериментатора	Перевод	Русские эквиваленты, выявленные во время эксперимента		
1	2	3		
1. Йывăс ўсет (дерево)	Дерево ^а растет деревья растут (38*)			
2. Пўртлѣх йывăс илтѣм (бревно)	Купил бревна (19) для строительства дома	материал (7)	дерево (5)	лес (2) сруб (2) дерево (1)
3. Вѣсем хѣлѣпех йывăс каснă (лес)	Они всю зиму валяли лес (15)	дерево (10) деревья (4)		дрова (5)
4. Ку юманран 35 м ³ паха йывăс тухать (древесина)	Этот дуб даст 35 м ³ хорошего строительного материала (11)	деловое дерево (7) древесина (3)	дрова (7)	бревно (2) сруб (1) доска (2)
5. Қăмакара кирек мѣнде йывăс та сунать (дрова)	В печи сгорает любое дерево	дрова (12)		полено (2)
6. Йывăсѣ шине кăмпасем шăтса тухнă (колода)	Дерево (24) обросло грибами	пень (10)	бревно (3)	
7. Йывăсѣ тавра каркăчăсем лартнă (ствол)	Вокруг дерева (36) расставлены рогатки			куст (1)
8. Пушă аврилѣх йывăс (палка)	Дерево (13), годное на кнотовище	палка (9)	материал (9)	ветка (1)

* Цифры в скобках означают число полученных ответов. Если же общее количество ответов не равняется 38, то нужно считать, что испытуемые оставили текст без перевода; перевод синтагмы или предложения приводится только во второй колонке, а в остальных даны лишь эквиваленты слова *йывăс* на русском языке, полученные во время эксперимента.

1	2	3		
9. Аллине йываҕ тытнӑ та... (палка)	Взяв в руки палку... (31)			дубина (1) прутик (1) деревяш- ка (1)
10. Урамра пўрт-лӑх йываҕ купа-ланӑ (бревна)	Бревна (17) для строитель-ства дома сло-жены на улице	материалы (4)	деревья (4)	деловой лес (2) дрова (1) сруб (1)
11. Ку йываҕа икӗ пукан сине хумал-ла пулнӑ (балка, брус)	Это дерево (12) нужно было класть на...	бревно (12)	доски (3)	
12. Йываҕсӑнчен улми аякка ўк-мест (яблоня)	Яблоко от яб-лони (29) да-леко не падает	дерево (9)		
13. Йываҕ ўксе тулнӑ (валежник)	Поваленных деревьев пол-ным-полно	сучья (5)	лес (5)	валежник (1)
14. Шыв урлӑ йы-ваҕ хунӑ (пере-кладина)	Через ручеек положена пе-рекладина (8)	дерево (8) бревно (7)	мостик (7) доска (3)	жердь (1)
15. Сушил сине йываҕ сарнӑ (жерди)	Сушилка об-ложена доска-ми (12)	дерево (8)	жерди (4)	
16. Чахсене лар-ма йываҕ хурса панӑ (насест)	Для кур жердь (13)	доска (5)	насест (5) дерево (1)	решетка (1) лестница (1)
17. Йываҕпа тӗ-келенӗ (подпорка)	Подпирать де-ревом (17)	бревно (13)	подпорка	
18. Йываҕ юхтар (плот)	Сплавлять лес (16)	плот (14)	дерево (1)	моль (1)
19. Тӑрать савӑн-та, йываҕ (дуби-на)	Стоит там, как дерево (13)	дуб (10)	столб (3) пенек (2)	бревно (1) деревяш- ка (1)
20. Йываҕ витӗр ялтӑрать Алтӑр сӑлтӑрӑн аври (крона, ветви де-рева)	Сквозь крону дерева (19) виднеется ковш Большой Мед-ведицы	ветки дерева (1)	листья дерева (1)	ствол (1)
21. Путек урине йываҕ хурса сых-нӑ (лубок)	Сломленная нога ягненка обвязана луб-ком (14)	шипа (8)	доска (4) палка (3)	дерево (1) береста (1) щепка (1) кора (1)
22. Сырла йываҕӗ (кустарник)	Кустарник (12) Куст (13)	плодовое дерево (5)	малина (3)	вишня (2) отросток (1)

1	2	3		
23. Татса сурна йываҥ (дрова швырковые, полено)	Полено (17)	дрова (10)	спиленное расколотое дерево (5)	бревно (2)
24. Йываҥ татки (чурка)	Щепка (15)	кусок дерева (8)	палка (5) доска (3)	полено (2) деревяшка (2)
25. Йываҥ сарна сул (торец)	Торцовая дорога (11)	деревянная дорога (9)?	тротуар (6)	доска (3)
26. Йываҥран таянтам (пень)	Споткнулся о дерево (13)	пень (12)	бревно (5)	деревяшка (1)
27. Кеҥке йываҥ (чурбан, чурбак)	Короткое дерево (17)	бревно (11)	палка (2)	доска (1) чурбан (1)
28. Йываҥ турамар (гроб)	Заготовили дрова (12)	вырастили дерево (7)	лес (1) дрова (1)	бревно (1)
29. Хамла йываҥси (жердь)	Жердь хмеля (6)	хмель (12)	малина (6)	лоза хмеля (1) стебель (1) деревце (1)
30. Лартмалли йываҥ (саженец)	Саженец (24)	дерево для посадки (5)		посаженное дерево (1)
31. Йываҥ касрам (дерево)	Срубил дерево (28)	дрова (6)		лес (2)
32. Йываҥ татре (дрова)	Пилил дрова (18)	дерево (10)	дерево на дрова (3)	дерево на доски (2)
33. Йываҥ сур (дрова, дерево, доски)	Колоть дрова (24)	дерево (10)	полено (1)	пилить доски
34. Йываҥ суртартам (доски)	Пилить дерево на доски (19)	дрова (9)	дерево (5)	
35. Сурна йываҥ (полено)	Колотые дрова (20)	распиленные дрова (6)	расколотое дерево (4)	доска (3) полено (3)
36. Йываҥ суртам	Колол дрова (25)	дерево (4)	пилил дерево на доски (4)	дом мой деревянный (3)
37. Яка йываҥ ларти (столб)	Установлен столб (22)	дерево (7)	шест (2)	бревно (2)

Как видно из эксперимента 1, между индивидуальным наблюдением и описанием семантической структуры слова *йываҥ* и коллективным—огромная разница: мы получили одновременно положительный и отрицательный материал. Л. В. Щерба придавал огромное значение «отрицательному материалу»: «Роль этого отрицательного материала громад-

на и совершенно еще не оценена в языкознании, насколько мне известно», — писал он в свое время [Щерба, 1974, 32—33].

Положительным материалом в нашем эксперименте мы называем те семантические эквиваленты, которые у экспериментатора и у испытуемых совпадают. Отрицательный же — весь тот материал, который дополняет (тем самым противоречит) индивидуальным данным экспериментатора.

Таблица 2

Результаты эксперимента № 2 (проверка через эквивалент родного языка)
Число испытуемых — 30

Текст и семантический эквивалент экспериментатора	Эквиваленты, выявленные во время эксперимента, и перевод		
1	2		
1. Йывăç ўсет (юман «дуб», хурăн «береза» и т. д., т. е. имеются в виду видовые названия деревьев)	хурăн «береза» (8)	сăка «липа» (6) юман «дуб» (6)	вăрман «лес» (2) ўсетăран «растение», хыр «сосна» (по 2)
2. Пўртлĕх йывăç ил (пёрене «бревно»)	пёрене «бревно» (18)		пура «сруб» (2) вăрман «лес» (2)
3. Вёсем хелĕпех йывăç каснă (вăрман «лес»)	вăрман «лес» (12)	вутă «дрова» (12)	
4. Ку юманран 35 м ³ паха йывăç тухать (строй-материал)	хăма «доски» (7) вутă «дрова» (6)	пёрене «бревно» (4)	материал (4)
5. Қăмакара кирек мĕнле йывăç та сунать (вутă «дрова»)	вутă «дрова» (19)	вут-шанкă «хворост»	вутă пуленки «полено» (4)
6. Йывăçĕ тавра каркăчă тунă (вулă «ствол»)	улмуçси «яблоня» (6) йывăç «де-рево» (4)	хунав «отросток» (3) йăмра «ветла» (2)	чăрăш «ель» (1) пилеш «рябина» (1) хурăн «береза» (1) юман «дуб» (1)
7. Пушă аврилĕх йывăç (патак «палка»)	патак «палка» (15)	турат «сук» (5) материал (2)	шĕшкĕ «орешник» (2) сĕмĕрт «черемуха» (2)
8. Йывăç витĕр ялтăрать Алтăр сăлтăран аври (турат «ветка дерева»)	турат «ветви» (8) вăрман «лес» (5)	сұлсă «лист» (3) хăва «ива» (2)	йăмра «ветла» (2) хурăн «береза» (2)
9. Аллине йывăç тытнă та... (патак «палка»)	патак «палка» (14)	хулă «прутик» (12)	туя «палка» (1)

1	2		
10. Урама пұртлөх йываҫ купаланә (пёрене «бревно»)	пёрене «бревно» (20)	пура «сруб» (2)	юман «дуб» (2)
11. Ку йываҫа икё каска пуканё сине хумалла пулнә (пәрас «брус»)	пёрене «бревно» (11) хәма «доска» (12)	вута «дрова» (2)	пура «сруб» (1) пуленке «полсно» (1)
12. Йываҫсинчен улми аякка ўкмест (улмуҫси «яблоня»)	улмуҫси «яблоня» (27)	үсентаран «растение» (2)	
13. Йываҫ ўксе тулнә (хәрақ «валежник»)	турат «хворост, сушняк» (20)	харак «сушняк» (2)	йываҫ «дерево» (2), юман «дуб» (1)
14. Шыв урлә йываҫ хунә (пёрене «бревно»)	каҫә, каҫма «перекладина, мостки» (12)	кёпер «мост» (8) пёрене «бревно» (4)	хәма «доска» (5)
15. Утә типётме йываҫсем сарнә (шертёсем «жерди»)	шалча «жерди» (6) кашта «шест» (5)	шертё «жерди» (2)	шәчә «шест» (1) ҫәка «липа» (1) вёрене «клен» (1)
16. Чәхсене ларма йываҫ хурса панә (кашта «шест»)	кашта «шест» (28)	патак «палка» (2)	
17. Йываҫпа текёленё (чарак «подпорка»)	текё «подпорки» (12)	патак «палка» (6) юпа «столб» (4)	каркәч «развилка» (2)
18. Тәрәть ҫаванта, йываҫ... (ухмах «дубина»)	тунката «пень» (20) юпа «столб» (4)	ухмах «дубина, дурак» (2)	юман «дуб» (2)
19. Пүтек урине йываҫ хурса ҫыхнә (сай «лубок»)	сай «лубок» (13)	хуп «лубок» (4) юман хупё «кора дуба» (1)	патак «палка» (2) фанера (2) хәма «дощечка» (2)
20. Йываҫ татки (шакмак «чурка»)	турпас «щепки» (12)	патак «палка» (3)	вут пуленки «полсно» (3), савал «клин» (1) патак татки «часть, обломок палки» (1)
21. Йываҫ сарнә ҫул (пәрас, шакмак «торец»)	хәма сарнә ҫул «мостовая» (16)	тротуар (9)	кёпер ҫул «мостовая» (3)

1	2		
22. Йывăç чĕрĕкĕ (купа «куча дров»)	хайă «лучина» (3) çункăч «лучина» (2)		
23. Йывăçран такăнтăм (тунката «пень», пĕрене «бревно»)	тунката «пень» (12)	тымар «корень» (6) турат. «сук» (4)	каска «колода» (1) пĕрене «бревно» патак «палка» (1)
24. Кĕске йывăç (каска «чурбан»)	патак «палка» (8)	пуленке «полено» (7) тĕмĕ «куст» (4)	хулă «прут» (4) зутсыппи «полено» (2)
25. Йывăç турăмăр (тупăк «гроб»)	вутă «дрова» (16) пĕрене «бревно» (6) варман «лес» (4)		хăма «доска» (1) турпас «щепка» (1) шăчă «шест» (1) çапă «хворост» (1)
26. Хăмла йывăçси (шăчă, шертĕ «жерди, шест»)	шалча «шерди» (23)	шăчă «шест» (2) хăмла «хмель» (2) путранкă «побег» (2) çескĕ «ботва» (2)	
27. Лартмалли йывăç (хунав «саженец»)	хунав «саженец» (20)	турат «ветка» (4) тĕмĕ «куст» (4)	йывăç калчи «побеги» (4) тымар «корень» (1)
28. Сымалли йывăç (сапан «привой»)	турат «ветка» (2)	улмуçси «яблоня» (4)	папка «почка» (1) патак «палка» (1)
29. Йывăç касрам (вăрман «лес»)	вутă «дрова» (8)	вăрман «лес» (5) пĕрене «бревно» (2) турат «сук» (1) вутлăх «на дрова» (1)	амалантармалли йывăç «привой» (1) вĕрене «клен» (1) юман «дуб» (1) йăмра «ветла» (1)
30. Йывăç татрĕ (вутă «дрова»)	вутă «дрова» (18) йывăç «дерево» (8)	турат «сук» (2)	пĕрене «бревно» (1) йăмра «ветла» (1)
31. Йывăç çур (вутă «дрова», хăма «доски»)	вутă «дрова» (17)	хăма «доски» (6) йывăç «дерево» (3)	пуленке «полено» (2) чус «тес» (2)

1			2
32. Йывăç суртартăм (хăма «доски»)	хăма «доски» (8) чус «тес» (2)	пёрене «бревно» (3) вутă «дрова» (4)	йывăç «дерево» (1) вăрман «лесоматериал» (1) пуленке «полено» (1) каска «колода» (1)
33. Сурнă йывăç (пуленке «полено»)	хăма «доски» (14) вутă «дрова» (2)	пуленке «полено» (10) чус «тес» (2)	каска «колода» (1) татак «чурка» (1)
34. Йывăç суртăм (вутă «дрова»)	вутă «дрова» (19) хăма «доски» (6)	пуленке «полено» (3)	
35. Яка йывăç лартнă (юпа «столб»)	юпа «столб» (10) шалча «кол» (9)	шертё «жердь» (1) шăчă «шест» (3) шуçсак «колода для сиденья», «скамья из колоды» (3)	йывăç «дерево» (2) пукан «чурбан» (2) каска «колода» (2) яка шуçсак «гладкая скамья» (2)

Уменьшение числа ответов по некоторым пунктам в экспериментах № 1 и 2 по сравнению с числом испытуемых объясняется тем, что ряд испытуемых затруднялись при выборе эквивалента.

В результате экспериментов выяснилось, что слово *йывăç* в чувашском обладает широкой валентностью и дистрибуцией и, соответственно, имеет множество значений. Если непрерывную семантическую текучесть того или иного языкового знака обозначить термином «символ», то, вслед за А. Ф. Лосевым, аксиому символа можно сформулировать так: «Всякий знак может иметь бесконечное количество значений, т. е. быть символом» [Лосев, 1982, 64].

Теперь обратим внимание на расхождение ответов. Из 38 (39) пунктов обоих экспериментов только в первом пункте эксперимента № 1 наблюдаем полное совпадение ответов: *йывăç йсет* «дерево растёт» (38). Но и здесь были расхождения в том отношении, что числовое обозначение слова не совпало, одни писали «дерево», другие — «деревья». На это мы не обратили серьезного внимания, поскольку в современной чувашской (шире — тюркской) двуязычной лексикографии

это вполне приемлемо, ибо форма единственного числа интерпретируется иногда как «общее число». В остальных 37 (38) пунктах однозначного понимания контекстуально (!) представленного слова *йыва̄с* нет. Это говорит, видимо, о том, что сами денотативные ситуации и лингвистические контексты допускают разную интерпретацию и значение слова *йыва̄с* зависит от индивидуального осмысления денотата и общего смысла контекста. Колебания в результатах психолингвистических опытов, как пишет А. П. Клименко, вытекают из вероятностно-статистической природы языка [Клименко, 1971, 64]. По замечанию И. А. Бодуэна де Куртенэ, «как в головах отдельных людей, так и в языковом общении — свойственны постоянные колебания, качественная вариативность и количественная растяжимость» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 200]. Большие «рассеяния» в ответах испытуемых нельзя рассматривать как недостаток или неудачу эксперимента, и наоборот, меньшие колебания — как его достоинство. И то и другое, как правильно замечает А. П. Клименко, — это отражение сложной языковой действительности в ее колебаниях и противоречиях.

Данные психолингвистических экспериментов дают возможность взглянуть шире на проблему полисемии. На основе проведенных экспериментов (Э1 и Э2), во-первых, можно сказать, что значения полисемантических слов реализуются в контексте; во-вторых, вне контекста то или иное слово понимается, как правило, носителями языка только в основном значении; в-третьих, в узком контексте то или иное слово трактуется неоднозначно.

Еще один фактор, на который следует обратить внимание. Было указано, что слово *йыва̄с* «дерево» по существу означает «какое-то любое произвольное дерево», т. е. является произвольным элементом класса деревьев и может стоять на месте любого видового названия дерева. В связи с этим небезынтересно отметить индивидуальное осмысление имени класса (*йыва̄с*) в порядке именованя видов деревьев.

Общие данные экспериментов Э1 и Э2 можем изобразить в виде таблицы (см. на с. 133).

Частотность слова *улмӯсси* «яблоня», обозначенная цифрой 56, явно зависела от синтагматической пресуппозиции всего предложения *Йыва̄ссинчен улми аякка й̄кмест* «Яблоко от яблони далеко не падает», где слово *йыва̄с* — *улмӯсси* «яблоня» подвергается паремиологической деривации, т. е. под словом *йыва̄с* — *улмӯсси* «яблоня» подразумеваются «родители», а под словом *улма* «яблоко» — дети, а целое предложение расшифруется в смысле: «Каковы родители, таковы и дети».

Частотность видовых названий деревьев
(эквивалентов слова йывăç)
по данным Э1 и Э2

улмуçи «яблоня»	юман «дуб»	хурăн «береза»	çăка «липа»	йăмра «ветла»	хурама «вяз»	çемĕрт «черему- ха»	хыр «сосна»
Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2
28 28	0 22	0 21	0 12	0 12	0 11	0 4	0 3
Всего: 56	22	21	12	12	11	4	3

чăрайш «ель»	пилеш «рябина»	вĕрене «клен»	шĕшкĕ «ореш- ник»	хăва «ива»	ăвăс «осина»	çирĕк «ольха»	акаци «акация»
Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2	Э1 Э2
0 2	0 3	0 3	0 2	0 2	0 1	0 1	0 1
Всего: 2	3	3	2	2	1	1	1

В других случаях «явно выраженной синтагматической пресуппозиции» не было. В этой группе наибольшую частотность имеют слова юман «дуб» и хурăн «береза», т. е. в 22 случаях слово йывăç «дерево» подверглось субституции словом юман «дуб», а в 21 случае — словом хурăн.

На основе данных экспериментов можно определить семантическую эквивалентную частотность слова йывăç с основным значением «дерево»:

Словозначения	По данным Э1	По данным Э2	Итого
1 дерево	334	9	343
2 дрова	155	143	298
3 бревно	91	81	172
4 доска	33	82	115
5 палка	56	51	107
6 лес	37	36	73
7 полено	26	36	62
8 яблоня	29	34	63
9 сук, ветка	20	58	78
10 куст, кустарник	25	37	62
11 жердь, шест	22	39	61
12 щелка	16	23	39
13 стройматериал	31	6	37
14 росток	—	26	26

Словозначения	По данным Э1	По данным Э2	Итого
15 подпорка	8	14	22
16 пень (пенек)	2	20	22
17 лубок	14	6	20
18 плот	14	—	14
19 столб	3	9	12
20 мост	—	11	11
21 дубина	10	—	10
22 хворост, валежник	—	9	9
23 шина	—	8	8
24 сруб	2	5	7
25 корень	—	6	6
26 деревяшка	2	—	2

Некоторые выводы, нуждающиеся в дальнейшей верификации

На основе анализа семантики существительных ряда тематических групп и просмотра словарных статей ЧРС приходим к таким выводам: если на определенном синхронном срезе развития языка у многозначных существительных: а) основное значение (Оз)* слова конкретное (обозначает конкретный предмет), то производное(ые) значение(я) (Пз)** тоже бывает (бывают) конкретным(и): *кёнеке* 1. книга; 2. книжка (документ); 3. книга (часть, том); 4. атлас: анатомический атлас; *кёпер* 1. мост; 2. мостки, помост.

Производные значения бывают предметно-переносными (ППз), лично-переносными (ЛПз) и абстрактно-переносными (АПз)***. Примерами ППз могут быть следующие полисеманты: *какёр* 1. крючковатая жердь; 2. штевень; 3. сигнальный рожок; 4. раструб; 5. рог, рожок (сосуд); *калпак* 1. колпак (головной убор); 2. чашечка (желудя); 3. коронка (горелки); 4. (тех.) колпак, колпачок и т. д.

* Основное (номинативное, прямое) значение слова непосредственно направлено на предметы, явления, включая и внутреннюю жизнь человека, и отражает их общественное понятие (Ахманова, 1969, 162).

** Производное значение — значение, выведенное (произведенное) из исходного, или первоначального [Ахманова, 1969, 163].

Переносное значение — производное значение слова, связанное с Оз отношениями метонимической, метафорической зависимости, функциональной общностью или какими-либо ассоциативными признаками [Русский язык: Энциклопедия, 1979, 200].

*** АПз — обобщенное, отвлеченное вторичное значение, свойственное как конкретным, так и абстрактным существительным.

Полисеманты, в структуре которых есть ЛПз: *калак* 1. лопатка, мутовка; 2. слабоумный человек; *кёсмен* 1. весло; 2. лодырь, лентяй; *шёрпак* 1. заноза; 2. придира; *тилё* 1. лиса; 2. хитрец, льстец и т. д.

Некоторые слова с конкретным значением могут развивать АПз: *кус* 1. глаз, глаза; 2. зрение; *нус* 1. голова; 2. ум, рассудок, жизнь; *кут-нус* 1. начало и конец (букв., зад-голова); 2. секс, сексуальность и т. д.

Семантическая структура слова может быть и комбинированной, в которой одновременно могут уживаться Оз и ППз, и ЛПз, и АПз:

а) если основное значение характеризует личность (человека) положительно, то ЛПз бывают положительными: *ёсчен* 1. работник, труженик; 2. деятель (*наука тава тивёслё ёсченё* «заслуженный деятель науки»); *ёсчах* 1. мастер на выдумки; 2. мудрец; 3. мыслитель;

б) основное значение, содержащее в своей структуре пейоративную коннотацию, способствует появлению ЛПз того же качества: *йёскён* 1. хитрец, хитрюга, 2. проныра, жулик; *лёркка* 1. ворчун; 2. пустобрех;

в) если основное значение абстрактное, то и производные значения бывают абстрактными: *шухайш* 1. мысль; 2. размышление; 3. суждение; 4. взгляд, позиция; 5. замысел, намерение; 6. работа; 7. беспокойство и т. д.

Но в то же время не следует забывать одну непреложную истину: «Любое переносное значение слова, узуальное или окказиональное, — это расширение конкретного первичного значения, т. е. его абстрагирование» [Зубова, 1989, 61].

Итак, на основе проведенного анализа структур многозначных существительных можем конкретно назвать ряд тенденций развития словозначений: а) персонализацию, семантическую субъективацию, отличительной чертой которой является мелиоративная и в основном пейоративная персонификация; б) семантическую объективацию (предметизацию); в) абстрагизацию (или абстрагирование); г) семантическую популяцию и семантическую плюрализацию.

Семантической популяцией называем такой процесс, когда в структуре полисеманта появляется словозначение, содержащее семему «народ», «группа людей» (ср. лат. *populus* «народ»): *кётё* 1. стадо; 2. гурьба, ватага; *нёр кётё ача* «ватага ребят»; *ял* 1. деревня → 2. жители деревни и т. д.

Семантическая плюрализация — выражение понятия множественности формой единственного числа существительных: *кус* 1. глаз; 2. глаза; *ура* 1. нога; 2. ноги; *сын* 1. человек; 2. люди; *ача* 1. ребенок; 2. дети и т. д. Иногда такой семантический сдвиг приписывается синекдохе,

Однако развитие лексической семантики не заканчивается этими тенденциями перевоплощения. Наряду с семантической субъективацией в языке постоянно происходит дериватологическая (словообразовательная) субъективация посредством продуктивных деривационных аффиксов: например, посредством деривационного аффикса *-çă* (*-çĕ*, *-ç*):

семантическая субъективация
çĕлхе «язык» → «пленник»

дериватологическая субъективация
çĕлхе «язык» → *çĕлхеçĕ* «языковед»

посредством продуктивного аффикса *-лăх* (*-лĕх*):
пуç «голова» → «начальник»

аффикса *-лăх* (*-лĕх*):
пуç «голова» — *пуçлăх* «начальник»

Но такая тавтология, или периссология (плеоназм), семантической и дериватологической субъективации (типа *пуç* «начальник» и *пуçлăх* «начальник») — явление редкое. Язык частенько использует лишь один из этих видов номинации. Примечательно и то, что аффикс *-лăх* (*-лĕх*) больше не может персонифицировать ни одно другое существительное.

Лексема *пуç* «голова» является уникальной производящей основой, в которой одновременно уживаются семантическая и дериватологическая субъективация, объективация и абстрагизация:

1) субъективация семантическая:
пуç «голова» → «начальник», «голова, главарь», «руководитель»

субъективация дериватологическая:
пуç «голова» — *пуçлăх* «начальник, руководитель», «глава, главарь»

2) объективация:
пуç «голова» → «головка» (чего-л.) → «торец» → «морда»

пуç — *пуçах* > *пуçах* «колос, початок»
пуçлăх «накомарник»

3) абстрагизация:
пуç «голова» → «ум, жизнь»

пуç → *пуçару*, *пуçарулăх* «инициатива»

По мотивам семантической и словообразовательной деривации к ней приближаются лексемы *куç* и *хăлха*, но и у них персонифицирующие значения «очевидец» и «подслушник» не закреплены общественной практикой, т. е. не зафиксированы в словарях, они являются окказионально-речевыми.

При метафорической персонификации язык не ограничивается семантической или дериватологической субъективацией. Языку не чужды комбинаторная и фразеологическая субъективации:

пăру 1. теленок → 2. недотепа; 3. увалень;

йĕне пару «недотепа» (букв. мокрый теленок); *çуламан пăру* «недотепа» (букв. необлизанный теленок);

пӑрса «горох, горошина»; *хыт пӑрса* «скупердяй»; *тимёр пӑрса* «скряга, скупец» (букв. железный горох) и т. д.

Наряду с семантической объективацией имеются дериватологическая, комбинаторная и фразеологическая объективации: *йывӑс* «дерево» → «бревно», *йывӑслӑх* «сад», «редко-лесье», *йывӑс ура* «деревянная нога».

Особо следует подчеркнуть тенденцию пейорации. Пейорация показывает направленность значений и созначений (добавочных значений) и постоянно «сопровождает» не только семантическую, но и словообразовательную, комбинаторную персонификации. Пейоративная характеристика личности идет не от рационального, а от эмоционально-оценочного уклада субъекта речи (т. е. говорящего): *ама* «самка» → «развратница», «потаскуха»; *амашка* «распутница, потаскуха» → «бесстыдница, похабница»; *йытӑ ами* «сука» → «потаскуха». В таких случаях исследователи подчеркивают эвфемистическую направленность словозначений. С. Ульманн называет такие слова и словосочетания псевдоэвфемизмами [Ульманн, 1970, 284].

В таких дериватамах, как *мухтанчӑк* «хвостун», *каппайчӑк* «бахвал», *ашкӑнчӑк* «шалун», *мӗшӗлти* «копуша, копун», *лӗпӗрти* «болтун», *йӑпӑлти* «льстец», денотация сопровождается пейоративной коннотацией. В этих примерах мы можем говорить о диалектической связи денотации и коннотации. Таким образом, коннотация присуща не только вторичной или косвенной номинации, где она принимается за имплицитный (скрытый) компонент значения, но и в дериватологии, где «между коннотацией и денотацией нет абсолютного противопоставления» [Говердовской, 1985, 77].

Не исключена возможность считать семантическую терминологизацию (появление в структуре многозначного слова ЛСВ терминологического характера) тенденцией развития лексической семантики: *лаша* «лошадь» → «конь» (шахматная фигура); *шыв* «вода» → (мед.) «сыворотка»; *шухӑш* «мысль» → (диал. пол.) «позиция, взгляд». Но терминологизацию, тем не менее, мы включаем в процессы объективации и абстрагизации.

Мы привыкли говорить лишь о лексико-семантическом заимствовании, забывая при этом о чисто семантическом калькировании: *шкул* «школа» → «школа» (опыт, мастерство) → «школа» (течение в искусстве и науке); *шыв* «вода» → «напиток», *шыв* (перен.) «вода»: *унӑн докладӗнче шыв анчах* «в его докладе много воды» (ЧРС 1982, 626). Эта тенденция развития лексической семантики нашла отражение в работах чувашских лингвистов лишь частично [Горшков, 1978, 138—139]. А. Е. Горшков в своей статье говорит не только

о лексических кальках, но и о словообразовательном и фразеологическом калькировании.

Данной теме посвящена работа Н. П. Петрова «Изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху». Семантические кальки автор трактует как результат «так называемого внутрорегионального контактирования неодинаковых по уровню развития языков». Появление тенденции к выравниванию семантической структуры некоторых чувашских слов с семантической структурой соответствующих слов русского языка автор связывает с развитием двуязычия. В число таких слов Н. П. Петров включает, например, следующие лексемы: *каç* «вечер» (время суток); вечер (собрание приглашенных гостей); *вучах* «очаг»: *культура вучахё* «очаг культуры»; *çулăм* «пламя», *революци çулăмё* «пламя революции»; *çăлкуç* «ключ, родник»: *пĕлĕ çăлкуçё* «источник знаний»; *юхăм* «течение воды»: *литература юхăмё* «литературное течение» и т. д. Но в первой части своей статьи необоснованно, на наш взгляд, одним из внутренних причин развития и совершенствования лексического состава языка автор считает тенденцию к устранению полисемии и обозначению расчлененного понятия соответствующей формой. Отсюда делается неправильный вывод о том, что «употребление одного и того же слова в разных, почти противоположных значениях создает большое неудобство для коммуникации» [Петров, 1980, 81—92].

Полисемия — естественное состояние развивающегося языка. поэтому здесь не может быть «тенденции к устранению полисемии», мы можем говорить лишь об архаизации значения. То, что слово *харам* утрачивает словозначение «дармэед», это не семантическая тенденция, а тенденциозность автора, навязывание словам родного языка необычных для них функций. Так, по утверждению автора, «появление дериватемы *ăстаçă* со значением «мастер», «знаток» «разгрузило семантический объем слова *ăста*». Но утверждениям автора противоречит словарная статья *ăста* в новом ЧРС 1982 (1985), где «тенденция к устранению полисемии» даже не намечается:

ăста 1) мастер, искусник, виртуоз; 2) ловкий, проворный; 3) в комбинаторике образует имена лиц по профессии: *садăсти* «садовод», *сехетăсти* «часовщик», *хăмлаăсти* «хмелевод», *хурт-хăмăрăсти* «пчеловод» (ЧРС 1982, 55).

Параллельное бытование слова *ăстаçă* наряду с лексемой *ăста* говорит о сосуществовании тенденции семантической и дериватологической персонификации. К тому же дериватема *ăстаçă* является окказиональной потому, что аффикс *-çă* (*-çё*, *-ç*) не присоединяется к именам лиц (или к прилагательным), производящей основой при этом всегда является предметное

или абстрактное имя: *пулăçă* «рыбак» (*пулă* «рыба»), *шухайшлавçă* «мыслитель» (*шухайшлав* «мышление») и т. д. Окказионализм *ёсченсё* «труженик, работник» не удостоился словарной фиксации.

Все указанные тенденции развития лексической семантики имеют место в чувашском языке. Но подлинное развитие связано с метафоризацией, метонимизацией, абстрагизацией, конкретизацией и терминологизацией. Процессы мелиорации и пейорации сопровождают их. В рамках семантической структуры некоторых слов могут сосуществовать все указанные процессы. Но такое сосуществование не нарушает семантического тождества слова.

Итак, в развитии семантической структуры существительных самыми важными являются следующие тенденции: метафорическая и метонимическая субъективация (персонификация), объективация и абстрагизация; различные коннотативные процессы развития ЛСВ сопровождают их.

Теперь предстоит решать, распространяются ли антропо-стремительная и антропобежная тенденции развития на семантические структуры других частей речи, например, на прилагательных и глаголов.

Глава IV. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Традиционная тюркология делит прилагательные по характеру их семантики на два больших разряда: качественные и относительные. Такое представление о прилагательных исходит из классического традиционного языкознания, где представления о прилагательных основаны на учете их семантики, формы и функции. Считается, что прилагательные обозначают признак (семантический критерий), что с формальной стороны они не изменяемы (морфологический критерий), а по своей функции предназначены к употреблению в роли определения (синтаксический критерий).

Начиная с середины 60-х годов нашего века вопрос об относительных прилагательных в тюркских языках подвергается пересмотру. И. А. Андреев считает, что «это не частный вопрос установления разрядов прилагательных. Это прежде всего вопрос о границах между существительными и прилагательными..., а еще шире — вопрос о различных способах синтаксической связи различных классов слов в определительной функции» [Андреев, 1966, 96—96]. В итоге автор приходит к выводу, «что чувашский язык... не имеет категории относительных прилагательных. Вместо последних выступают здесь имена существительные, а также и некоторые другие разряды слов с особыми функциональными аффиксами, оформляющими их в качестве определения».

Вопрос об относительных прилагательных является polemическим. В нашей работе мы не ставим цели разрешения спорных вопросов, для нас особый интерес представляют качественные прилагательные, обладающие многозначностью.

§ 1. Семантические структуры многозначных прилагательных и пути их исследования

Полное описание структуры многозначного слова (будь то существительное, глагол) предполагает изучение его в трех

взаимобусловленных аспектах или в трех измерениях: эпидигматическом, синтагматическом и парадигматическом.

1. Для более адекватного описания структуры многозначного прилагательного необходимо изучать его в парадигматических группировках, в лексико-семантических группах. В лексико-семантическую парадигму входят слова, противопоставленные друг другу по некоторому семантическому признаку.

2. Следующим аспектом, немаловажным при выявлении значений слов, является изучение их синтагматических связей, признаков и предметных имен (глагольных лексем), которые в силу их полного семантического совмещения по лексическому значению разграничивают одновременно значения друг друга, выступая по отношению друг к другу ключевыми словами в пределах минимальных лексических синтагм (Уфимцева, 1986, 208). Не секрет, что признаки имена сочетаются на основе принципа «избирательности». Так, по данным Ю. Д. Апресяна, бессовестным может быть и человек, и поступок, но совестливым — только человек, гениальным (талантливым) — актер и решение, но даровитым (одаренным, способным) — только актер, т. е. человек; порывистым — и человек, и жест, но неуравновешенным (уравновешенным) — только человек; жестокими — и люди, и нравы, но жестокосердными — только люди [Апресян, 1974, 214].

Примеры такого рода говорят о том, что источником информации о значении многозначного прилагательного является контекст (сочетание реализуемого слова с указательным минимумом). Учет показаний контекста иногда достаточен для суждения о том, в каком значении употреблено то или иное слово.

Но не только синтаксическая сочетаемость прилагательных, но и лексико-семантическая сочетаемость тоже является основным критерием разграничения значений.

§ 2. Многозначные прилагательные с исходными значениями, отображающими цвет, т. е. цветонимы

Хура «черный». По данным словаря Н. И. Ашмарина, данное слово имеет такие значения: 1) черный; 2) темный; 3) вороной; 4) чернота; 5) редко; 6) черное место; 7) бесснежный; 8) поздний (об осени); 9) глухой (о ночи); 10) черная кайма; 11) чернила; 12) грязный; 13) грязь; 14) черный-некрасивый; 15) черномазый; 16) смуглый; 17) чужой, чужак; 18) большой; 19) много; 20) резкий (о ветре); 21) горький (о слезах); 22) мрачный (о думах); 23) сильный (о за-

морозках в мае); 24) злой (враг); 25) горный берег(?); 26) название болезни (о глазах).

В «Чувашско-русском словаре» (1982) под редакцией М. И. Скворцова слово *хура* дается в следующих значениях: 1) черный; 2) темный; 3) вороной (о масти лошади); 4) смуглый; 5) грязь // грязный; 6) курной, черный, топящийся по-черному; 7) *перен.* горестный, горький; 8) *перен.* черный, преступный, злостный; 9) *перен.* черный, мрачный.

Словарный материал Н. И. Ашмарина позволяет выделить в семантической структуре прилагательного несколько групп значений. Первая группа включает номинативно-производные значения: а) признаки неодушевленных предметов, явлений природы; б) масть животных. Вторая группа содержит номинативные значения, характеризующие человека: черный, смуглый, некрасивый. Третья группа содержит метафорические переносные значения, характеризующие предметы: *хура кёне* «грязная рубашка»; *хура ёс* «трудная работа». Четвертая группа образуется значениями оценочного характера, т. е. значения этой группы возникают на основе пейоративной семы «плохой, неприятный, зловещий»: *Урама тухма халӑм сук: курӑна тӑрать хура тӑшман* «У меня нет возможности выйти на улицу: (как ни посмотришь, все) злой враг стоит перед глазами» (А XVI 199). К значениям оценочного характера относятся также: «мрачный» (о думах), «чужой», «некрасивый».

В сочетании *хура халӑх* «черный люд» у слова *хура* появляется переносное (оценочное) значение, связанное с отражением социальных отношений, — в дореволюционное время *хура халӑх* означало «не принадлежащий к привилегированному классу».

Следует указать, в тюркских языках отмечено наличие конверсивного значения «чистый (без примеси)» [Кононов, 1978, 165]. Аналогичное значение, видимо, было и в чувашском языке, но сейчас оно не прослеживается: кирг. *кара суук* «сухой мороз»: ср. чув. *хура тӑм* «сильные заморозки». В чувашском есть устойчивое сочетание *хура куҫсуль* (букв. черная слеза или черные слезы); если учесть, что слеза всегда прозрачная, то следовало бы подумать о том, что слово дано в значении «чистый». Но это ошибочное мнение, ибо *хура* в таком сочетании имеет переносное значение «горький»: *Хура куҫсульпе йёрет* «Льет горькие слезы».

Тюрки, как и многие народы, для обозначения сторон света пользовались цветовой геосимволикой. Словом *кара* (чув. *хура*) обозначали север: тур. *кара йел* (чув. *хура сил*) «холодный северо-западный ветер», «северный ветер» [Кононов, 1978, 165—167]. В приведенном Н. И. Ашмариним примере

«*Вайш-вайш вёрет хура сил, майкэнь сешкисене сав тайкать*» (А XVI 198) *хура*, видимо, фигурирует в значении «северный», а не в значении «резкий».

Значение «горный берег» оставлен Н. И. Ашмаринным под знаком вопроса. При наличии у слова *кара* значения «суша, земля, материк» закономерно, что значение «горный» могло быть в семантической структуре слова *хура*.

Описание и анализ структур многозначных прилагательных предполагает решение ряда задач, к числу которых относится прежде всего установление количества словозначений, т. е. ЛСВ, образующих каркас полисеманта, определение семного состава каждой выделенной семемы (ЛСВ) и т. д. и т. п. Но «характер нашего исследования выдвигает в качестве ведущей задачу проверки гипотезы о направлениях семантического развития многозначных прилагательных». К сказанному А. Н. Шраммом определению добавим и уточним его в следующем виде:

прямое номинативное значение как исходное для многих (но не всех) эмпирических прилагательных изменяется в направлении к рациональным, т. е. направление развития идет от признака предмета к признаку человека, т. е. имеем дело с антропостремительным типом развития семантической структуры прилагательных.

Для проверки данного тезиса приведем еще ряд слов с цветовым обозначением.

Шуря «белый», другие значения: 1) сивый (о масти лошади); 2) чистый: *Мунча кёрсе тасалса, шуря кёпе-йём тайхэанса* «В бане вымылся, надел чистое белье»; 3) светлый: *Шур чайланти, ай, сурт часси, сарас'вэхят, ай, ситрё пуль* «Блестящим часам, что в светлом чулане, видимо, пришло время бить»; 4) седой: *шуря сухал* «седая борода» → «белобородый старец, аксакал»; 5) ист. белый: *шуря гварди* «белая гвардия», *шуря гвардеец* «белогвардеец»; ср. *шурри* «белый, белогвардеец», *шуррисем* «белые», т. е. «белогвардейцы»; 6) топящийся по-белому: *шуря мунча* «баня, топящаяся по-белому»; «белая баня»; 7) бельмо.

Прилагательное *шуря* образует антонимическую пару с прилагательным *хура* «черный». Здесь, как и в слове *хура*, в семантической структуре полисеманта наблюдается перенос значения «признак предмета» → «оценочная характеристика человека». В сочетании со словом *сухал*, которое в данном сочетании подвергается метонимизации «борода → старец, аксакал», *шуря* имеет оценочное значение. С другой стороны, у него появляется значение, связанное с отражением исторических социальных отношений: *шуря сар* «белая армия»; при этом прилагательное *шуря* содержит оценочную сему отрицательного характера: контрреволюционный, действ-

вующий против Советской власти. Антонимом, т. е. в положительном значении, в данном случае выступает ЛСВ слова *хёрлэ* «красный» (*Хёрлэ Çар* «Красная Армия») с положительной семой «революционный»; ср. *хёрли* «красный, красноармеец», *хёрлисем* «красные, красноармейцы».

В других тюркских языках, по данным А. Н. Кононова и Э. В. Севортыяна, у слова *а:к* «белый» зафиксированы антропомемемы: блондин (хак.), невинный, невиновный (турк., тур., кир., каз., башк., узб., уйг., хак.), честный (каз.), добродушный, чистосердечный (кар.) [Севортыян, 1, 116; Кононов, 1978, 140].

До сих пор в прилагательных-цветонимах мы наблюдали следующие основные направления развития структуры ЛСВ: 1) признак предмета → масть животных; 2) признак предмета → характеристика человека. Оба эти направления (или одно из них) наблюдается в структурах значений многих прилагательных:

сарă «желтый» → «саврасый» (о масти лошади);

сарă «желтый» → «русый, русоволосый» → «красивый»;

сарă ача «русый парень»; *сарă хёр* «красна девица»;

ка́вак «синий» «голубой» — серый: ~ *кашкăр* «серый волк»;
— сивый: ~ *ут* «сивый конь»;
— седой: ~ *сухал* «седая борода», «седобородый»;
— зеленый, молодой, неопытный: *Эсё ка́вак-ха, нимён те курман* «Ты еще зелен» (т. е. молодой), ничего не видел».

Значение «молодой, неопытный» у лексемы *ка́вак* зафиксировано Н. И. Ашмариним (А VII 92). Комментируя последнее значение, автор пишет: «Так обыкновенно говорят взрослые молодым, желая подчеркнуть их молодость и неопытность. В остальных случаях употребление *ка́вак* в знач. «зеленый» неизв.».

Ула «пестрый». В этом цветониме современные чувашские словари фиксируют только одно направление развития: масть животных → характеристика человека: *ула ёне* «пегая корова»; *ула лаша* «пегая лошадь»; но *ула сын* «веснушчатый человек» (ЧРС 1982, 510). В тюркских языках, например в киргизском, слово *ала* дается в переносных значениях «видный, солидный, недюжинный» (о человеке).

Естественно, двуязычный «Чувашско-русский словарь» должен был охватить примеры с цветонимом *ула*, характеризующим предметы, каковые имеются в словаре Н. И. Ашмарина: *ула куç* — имеющий разноцветную радужную оболочку глаз (ирон.); *ула пиçиххи* «пестрый пояс».

Следует подчеркнуть, что в цветонимах наблюдается еще одно направление развития ЛСВ, а именно субстантивация.

Например, *ула* «пестрый» → диал. «лысина»; *хура* «черный» → «грязь», *шурă* «белый» → «бельмо»; *сарă* «желтый» → разг. «желтуха», *хёрлĕ* «красный» → «румянец» и т. д. Явление субстантивации цветонимов присуще не только чувашскому, но почти всем тюркским языкам.

Существительные этого типа иногда обязаны своим происхождением эллипсису устойчивого назывного сочетания: *хёрлĕ тĕс* > *хёрлĕ* «румянец». *Сарă чир* > *сарă*, где *сарă* субстантивируется столько, что дополнительно может принять определения *сарă*, *хура*. Так, по данным Н. И. Ашмарина, бывают *сарă сарă* «желтая желтуха» и *хура сарă* «черная желтуха» (болезнь).

§ 3. Сравнительный анализ прилагательных с исходными значениями, отображающими признаки на основе сравнения

В структуре цветонима *шурă* «белый» наличествует ЛСВ «чистый», поэтому лексемы *таса* «чистый» и *шурă* «белый» → «чистый» являются синонимичными. Антонимом их является цветоним *хура* «черный», содержащий в своей семантической структуре словозначение «грязный».

Порядковые номера ЛСВ сохраняются такими же, как они поданы в ЧРС 1982:

I	II	III
<i>таса</i>	<i>шурă</i>	<i>хура</i>
1. чистый	1. белизна, белый	1. черный цвет, черная краска // черный
2. правильный, грамотный	2. седой, сивый (о масти)	2. темный
3. чистоплотный, опрятный, аккуратный	3. ист. белый (контрреволюционный).	3. вороной
4. чистый, не содержащий примесей	4. топящийся по-белому	4. смуглый
5. чистый (со свободной поверхностью)	5. чистый, светлый (незагрязненный)	5. грязь (грязный)
6. невинный, невинный, безвинный	6. бельмо	6. курной, черный, топящийся по-черному
7. честный, безупречный, беспорочный		7. горестный, горький
8. <i>перен.</i> звонкий, чистый (о голосе)		8. <i>перен.</i> злостный, преступный

9. *перен.* светлый,
ясный, высокий,
благородный

10. святой, священ-
ный

11. чистый (не гряз-
ный и не труд-
ный)

12. *разг.* рослый,
крепкий, здоро-
вый

9. *перен.* черный,
мрачный

Вспомним, что в словаре Н. И. Ашмарина у цветонима *хура* «черный» зафиксировано 25 значений (см. с. 141—142).

Прежде всего бросается в глаза подача основных значений под первыми номерами. У некоторых цветонимов на первое место выдвинуто субстантивированное имя: *хура* «черный цвет, черная краска»; *шуря* «белизна»; *саря* «желтизна», но в то же время *симёс* «зеленый» (а не «зелень»), *хямър* «коричневый» (а не «коричневый цвет»), *каъак* «синий», «голубой» (а не «голубизна» или «синь, синева»).

Естественно, словарные статьи цветонимов при подаче основных значений должны быть унифицированы, на первом месте не должны стоять переводы субстантиваты. Если встать на путь субстантивной подачи словозначений, то и прилагательному *таса* тоже можно приписать соответствующие субстантивы «чистота» или «беловик», но эти значения в словаре Н. И. Ашмарина стоят далеко не на первом месте (А XIII 226).

Как и в цветонимах, прилагательное *таса* «чистый» с исходным эмпиричным значением развивает в своей структуре переносные значения оценочного характера, т. е. наблюдается антропостремительное развитие значений. Но это метафорическое значение почему-то в словаре (ЧРС 1982, 447) не отмечено пометой *перен.* Например, значения под номерами 6. невиновный, безвишный: *таса сын* «безвишный человек» и 7. честный, безупречный, незапятнанный, беспорочный: *таса ят* «незапятнанное имя», имеющие явный переносный характер, даны без соответствующей пометы, а словозначения, следующие за ними 8. *перен.* звонкий, чистый (о голосе) и 9. *перен.* светлый, ясный, высокий, возвышенный, благородный: *таса саянар* «светлый образ», имеют соответствующее указание на переносность.

На наш взгляд, в значениях 6—7 выражены нравственные оценки на основе общей семы «не имеющей нравственных недостатков», а это значение непосредственно переносится с

характеристики предмета на человека, где предмет характеризуется по отсутствию чего-то, что его портит, без этого портящего он (потенциально) получает положительную оценку: *таса тумтир* «чистая одежда», т. е. без грязи и пятен; а в сочетаниях *таса сын* и *таса ят* прилагательное *таса* содержит сему «нравственно безупречный, без грязных, корыстных помыслов и действий». Но *таса сын* (*ача, хёр, ывайл, арсын*) может выражать не только нравственную чистоту, но и физическое совершенство человека: «рослый, крепкий, здоровый».

§ 4. Сравнительный анализ семантической структуры прилагательных и производных от них глагольных лексем

Целью данного параграфа является: 1) выявление сдвига значений исходной основы: прилагательное → глагол; 2) наблюдение за словообразовательным значением вторичных глаголов. Анализ материала проведем по следующей методике: отберем прилагательные и производные от них глаголы, сравним семантические структуры производных и непроеводных.

В чувашском языке от прилагательных образуются глаголы посредством деривационных аффиксов: 1) *-л(-ал, -ел)*; *-т(-ат, -ет)*: *хура*—*хурал, хурат*; *шурă* — *шурал, шурат*; *хёрлĕ* — *хёрел, хёрет*; *таса* — *тасал, тасат*; 2) *-лан(-лен)*: *симĕс* — *симĕслен, хăмăр* — *хăмăрлан*; 3) *-ар*: *кавак* — *кавакар*.

Сравнительный анализ должен дать ответы на вопросы: сохраняют ли производные глаголы переносные семы и значения исходных основ-прилагательных, как отображаются в них антропостремительный и антропобежный типы направления развития словозначений?

Для начала сопоставим семантические структуры цветонимов *хура* и *шурă* и производных от них глагольных основ по данным ЧРС 1982:

шурă	шурал	шурат
1. белизна, белый	1. белеть, становиться белым	1. белить, производить побелку
2. седой, сивый	2. белеть, виднеться белым	2. белить, отбеливать
3. <i>ист.</i> белый (контр-революционный)	3. выцветать, выгорать, линять	3. делать седым, серебрить
4. топящийся по-белому	4. белеть, бледнеть	4. чистить, очищать
5. чистый, светлый, незагрязненный	5. чиститься, очищаться	5. <i>перен.</i> дарить, задаривать
6. бельмо	6. отстирываться, отмываться	

7. сесть, стано-
виться седым
8. созревать (о хле-
бах)

Данные говорят о том, что семантическая структура производных представляет собой определенный лексико-семантический и лексико-грамматический сдвиг значений исходного слова *шурь* «белый». Не все значения исходного слова отображаются в смысловой структуре производных глаголов. Антропостремительный тип развития семантической структуры характерен и для производных глаголов. Проверим эти положения на примерах *таса* «чистый» и *тасал, тасат*:

таса	тасал	тасат
1. чистый	1. очищаться, становиться чистым	1. чистить, очищать
2. чистый, правильный, грамотный	2. очищаться, освобождаться	2. освобождать, избавлять
3. опрятный, аккуратный	3. исцеляться, избавляться	3. чистить, удалять, убирать
4. чистый, не содержащий примесей	4. исчезать, пропадать	4. <i>мед.</i> прочищать (желудок)
5. чистый (со свободной поверхностью)	5. <i>разг.</i> становиться крепким, рослым, здоровым	5. <i>перен. разг.</i> очищать, обкрадывать
6. невинный, невинный, безвинный	6. <i>уст.</i> совершать обряд очищения от грехов	
7. честный, безупречный		
8. <i>перен.</i> звонкий, чистый		
9. <i>перен.</i> светлый, ясный		
10. святой, священный		
11. чистый (не грязный и не трудный)		
12. <i>разг.</i> рослый, крепкий, здоровый		

Исследуя семантические структуры прилагательного *таса* и производных от него глаголов *тасал* и *тасат*, можно заметить, что этот семантический материал расположен без учета семантических значений исходного слова. Например, значения «рослый, крепкий, здоровый» слова *таса* с пометкой *разг.* фигурируют под № 12, а у лексики *тасал разг.* «становиться крепким, рослым, здоровым» — под № 5.

Лексема *тасал* зафиксирована в значении 6. *уст.* «совершать обряд очищения от грехов», но у лексики *тасат* в ЧРС 1982 аналогичное значение отсутствует, в то время как в словаре Н. И. Ашмарина *тасат* дано в значении «производить суеверный обряд очищения» (А XIII 228). Н. И. Ашмарин зафиксировал также наличие значения «перестать (родить)» у производного глагола *тасал* (с. 228), но в ЧРС 1982 его нет.

Антропостремительный тип развития семантической структуры намечается и в производных глагольных основах: «становиться чистым» (о предметах) → «стать крепким, рослым, здоровым» (о человеке).

Количество значений у исходной основы гораздо больше по сравнению со значениями производных глаголов.

§ 5. Многозначные прилагательные с исходными значениями, отображающими эмпирические признаки, которые устанавливаются по отношению к «точке отсчета»

К таким прилагательным относим следующие антонимические пары: *пысак* «большой» — *пёчек* «маленький»; *сивё* «холодный» — *айш* «теплый»; *йывайр* «тяжелый» — *самал* «легкий».

Существует мнение, что имена прилагательные в большей степени, чем другие характеризующие слова (имена существительные и глаголы), подвержены метафоризации [Уфимцева, 1986, 214]. Следует думать, что семантические структуры приведенных далее прилагательных бывают разными по своей конфигурации, в зависимости от характера обозначаемого прилагательными понятийного признака, от наличия оценочных и потенциальных сем в их семантике, от типов связей ЛСВ в границах тождества слова.

Итак, сопоставим словозначения антонимических пар *пысак* «большой», т. е. больше нормы, выше среднего, и *пёчек* «маленький», т. е. меньше нормы, ниже среднего:

пысак	пёчек
1. большой	1. маленький
2. большой, значительный
(по количеству, масштабам)	2. маленький (по возрасту)

3. <i>перен.</i> большой	3. небольшой, незначительный, низкий
4. великий, выдающийся	4. младший, молодой
5. высокий, отличный, превосходный	5. по Ашмарину: <i>пёчеккё</i> «немного»
6. высокий (по количеству, силе)	6. недолго (А X 260)
7. просторный, свободный, обширный	
8. большой, высокопоставленный	
9. просторный, великоватый	
10. взрослый	
11. старший (по возрасту)	

То, что семантическая структура прилагательного *пёчек* «беднее» оппозируемого слова *пысак*, ни у кого не вызывает сомнений.

Первое значение лексемы *пысак* «значительный по величине, по размерам» противопоставляется значению под № 3 «значительный по силе»: *пысак ёмёт* «большая мечта», *пысак саваняс* «большая радость». Поскольку мечта «нечто, созданное воображением, мысленно представляемое», «предмет желаний», а радость «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения» связаны с личностью, т. е. с человеком, то мы можем отметить направление развития от эмпиричности к рациональности. Далее метафорические значения «великий, выдающийся», «большой, высокопоставленный» содержат положительные оценки лица и поэтому сочетаются с агентивными существительными: *пысак сын* «большой человек» → «высокопоставленное должностное лицо».

Казалось бы, сочетанию *пысак сын* со значением «выдающийся человек» должно противопоставляться сочетание *пёчек сын* в значении «ничтожный (маленький) человек», но в словарях этого значения нет; антропосемема «взрослый» должна бы быть противопоставлена семеме «недоросль (недорослый)», как, например, прилагательные *пысак* и *пёчек* употребляются в роли интенсификатора какого-либо свойства, качества, отношения в терминах родства со значениями «старший» и «младший» для показа ступени (выше, ниже) родственных отношений. Значения «старший» и «младший» раскрываются также через синонимичные потенциальные прилагательные *асла* «старший» и *кёсён* «младший».

Теперь рассмотрим семантические структуры прилагательных *сивё* «холодный», *айш* «теплый» и *вёри* «горячий». Не останавливаясь на их исходных номинативно-производных значениях, укажем, что все они имеют переносные значения, характеризующие разные стороны человека; их связи

с исходными значениями отчетливо не прослеживаются и имеют гипотетический характер. Например, как объяснить связь между исходным значением *сивё* «холодный» (имеющий низкую температуру) и переносным «неприветливый»: *сивё* (или *сивлек*) *сын* «неприветливый человек»; *айш кун* «теплый день» и *айш каймал* «добрая душа»; *вёри чул* «горячий камень» и *вёри сын* «страстный человек»? «Можно предположить, — пишет А. Н. Шрамм, — что значения возникают на основе ассоциативного представления о человеке, который, подвергаясь воздействию низких температур, стремится сохранить тепло и для этого сжимается, изолируется от окружающих, перестает реагировать на их слова, поступки и т. п. С этим связаны потенциальные семы «бесстрастный», «сдержанный», «безучастный», «невозмутимый» и возникающие на их основе значения» [Шрамм, 1979, 106].

В действительности такое объяснение носит гипотетический характер.

Антропостремительный характер развития переносных значений сохраняется и в производных от них глаголах: *сивёт* «охлаждать, остужать, давать остыть, делать холодным» → «успокаивать, утихомиривать» (кого-л.); *сивён* «охлаждаться» → «приходить в себя», «чуждаться, терять привязанность»; *айшат* «греть» → «утешать, ободрять»; *вёрилен* «становиться жарким, горячим» → «возбужденно говорить, действовать».

Эти прилагательные легко субстантивируются: *сивё* «холод», *айш* «тепло», *вёри* «жара». Кроме того, словари фиксируют и другие значения *айш* «теплота», «теплые края», «юг»; *сивё* «холодок», «неприятность», «мороз», «стужа», «лихорадка». Направление развития значений здесь квалифицируется как лексико-грамматическое, т. е. ученые говорят о появлении лексико-грамматического варианта (ЛГВ) [Татаринцев, 1987, 151 и сл.].

Рассмотрим семантические структуры антонимичных пар:

йывәр

çамал

1. тяжелый (по весу)	1. легкий
2. трудный, тяжкий	2. нетрудный
3. грубый, трудно перевариваемый (о пище)	3. слабый, незначительный
4. грузный	4. поверхностный, легкомысленный, безответственный
5. опасный	5. ловкий, проворный
6. неприятный	6. легкий, не теплый
7. беспокойный	
8. обидный	
9. <i>перен.</i> горе, беда	
10. плохой, удрученный	
11. беременная	

Исходные значения слов: *йывӑр* «имеющий большой вес», *ҫӑмӑл* «имеющий малый вес». Актуальные семы «значительный, большой» и «незначительный, маленький» являются базой для создания нескольких метафорических переносных значений: «грубый», «грузный», «опасный», «беспокойный», с одной стороны, и «нетрудный», «легкомысленный», «ловкий», с другой стороны.

Значение лексемы *йывӑр* «беременная» является явным подтверждением антропостремительного направления в развитии семантики слова, поскольку по отношению к животным при этом говорят *пӗтӗ* «стельная», «жеребая», «чреватая», «суягная», «супоросая» и т. д.

Казалось бы, антонимичное слово *ҫӑмӑл* в сочетании со словом *ҫын* должно было иметь значение «легкий человек» → «небеременная женщина». Но данное значение в словарях не фиксируется. Возможно, оно раньше бытовало в разговорной речи, иначе невозможно объяснить наличие глагольного значения «родить» у дериватемы *ҫӑмӑллан*.

§ 6. Многозначные прилагательные с исходным рациональным значением

А. Н. Шрамм выдвигает следующую идею: «Если же исходное значение рационального типа, то переносные значения являются тоже рациональными, часто оценочными, причем движение мысли идет в направлении от признака человека к признаку предмета (исходный ЛСВ многозначной лексемы обозначает признак человека, а его переносные значения — признаки предметов)» [Шрамм, 1979, 96]

Материал чувашского языка подтверждает правильность данной гипотезы. Но прилагательные с рациональным значением могут иметь исходным значением и признак предмета. В таком случае движение мысли нередко идет от признака предмета к признаку человека, т. е. налицо следующее направление развития:

1) признак человека → признак предмета (антропобежное развитие);

2) признак предмета → признак человека (антропостремительное развитие структуры многозначных прилагательных).

Возьмем для примера прилагательные *вайӑлӑ* «сильный», *вайӑсӑр* и *хавшӑк* «слабый». Лексема *хавшӑк*, казалось бы, является потенциальным синонимом слова *вайӑсӑр* «слабый», но ЧРС 1982 исходным рациональным значением считает не признак человека, а признак предмета: *хавшӑк* «непрочный,

нетвердый». Структуры значений этих прилагательных выглядят в ЧРС 1982 так:

вайла	вайса̄р	хавшак
1. сильный, крепкий, здоровый (физически)	1. слабый, бес- сильный (физически)	1. непрочный, нетвердый (о предмете)
2. сильный, мощный, могучий (о предмете)	2. слабый, незначительный (по величине)	2. дряблый, вялый (о человеке)
3. сильный, крепкий, значительный (по величине)	3. бедный, неимущий (о человеке)	3. рыхлый, пористый (о предмете)
4. сильный, сведущий (о человеке)		4. слабый, хилый, немощный (о человеке)
5. сильный, веский, основательный		5. <i>перен.</i> слабый, скудный, бедный
6. обильный, богатый		6. <i>диал.</i> суетливый, беспокойный
7. богатый, зажиточный		
8. добротный		
9. щедрый		

Как видим, семантические структуры этих прилагательных не подчинены единому правилу: помета *перен.* (переносное значение) не ставится, где она должна быть; казалось бы, если исходное значение рационального типа, характеризует человека, то и последующие номинативно-производные значения с характеристикой человека должны следовать за ним и лишь после них должны быть представлены переносные значения с признаками предметов с пометой *перен.*

Теперь проследим за развитием словообразовательных значений глагольных лексем, образованных от тех же прилагательных посредством деривационных аффиксов *-лан(-лен)* и *-лат(-лет)*:

вайла	вайлан
1. сильный, крепкий, здоровый (физически)	1. крепнуть, становиться сильным, крепким, здоровым (физически)
2. сильный, мощный, могучий	2. упрочиваться, крепнуть, становиться сильным, мощным, могучим
3. сильный, крепкий, значительный (по величине, степени)	3. усиливаться, крепчать, становиться более сильным, крепким, значительным

4. сильный, сведущий, глубокий, основательный

5. сильный, веский, основательный, убедительный

6. обильный, богатый

7. богатый, зажиточный, состоятельный

8. добротный

9. щедрый

Как видно из таблицы, семантический объем глагольной дериватемы значительно уступает смысловому объему мотивирующей основы *вайлӓ*, но направление развития сохраняется: действие, присущее человеку → действие, присущее предмету.

Что касается семантического объема мотивирующей основы *хавшак* и дериватемы *хавшаклан*, то в словаре наблюдаем совмещение и совпадение объема семантем, с той лишь разницей, что во втором случае представлено глагольное действие:

хавшак

1. непрочный, нетвердый

2. дряблый, вялый

3. рыхлый, пористый, неплотный

4. слабый, хилый, немощный

5. *перен.* слабый, скудный, недостаточный, бедный

6. *диал.* суетливый, беспокойный

хавшаклан

1. становиться непрочным, нетвердым

2. становиться дряблым, вялым

3. становиться рыхлым, пористым, неплотным

4. слабеть, становиться слабым, хилым, немощным

5. *перен.* слабеть, становиться слабым, скудеть

6. *диал.* становиться суетливым, беспокойным

Примерно ту же гамму словообразовательных значений дает лексема *хавша*, где действие, присущее человеку, переходит в действие, присущее предмету, или наоборот. Ряд производных от глагольной основы *хавша*, например: *хавшан* 1. тускнеть (о предмете) → 2. ослабевать (о человеке); *хавшат* 1. ссохнуть (о предмете) → 2. изматывать (о человеке). — дают ту же картину развития значений.

Если по поводу направленности семантического развития лексемы *хавшак* можно поспорить (мы говорили, что признак человека здесь может фигурировать в качестве основного значения 1. слабый, хилый, немощный), то направление развития ЛСВ лексем *ватӓ* «старый» и *самрӓк* «молодой» в виде «признак человека» → «признак предмета» не вызывает со-

мнения. Но, как и в некоторых цветонимах, в структуре ЛСВ этих лексем ЧРС 1982 на первое место выдвигает субстантивированные значения: *ватӓ* старик, старуха, старец, *ҫамрӑк* «юноша, молодой человек», *собр.* «молодежь». На наш взгляд, субстантивированное значение может быть указано последним пунктом с пометой *суб.*

Исходя из сочетаемости значения слова *ватӓ* «старый» можно разбить на две группы: в первую входят значения, указывающие на признак или свойство живого: человека (частей тела человека), животного; во вторую группу включаются значения, указывающие на свойство неживого: предметов, явлений, процессов. То же наблюдается в структуре ЛСВ лексем *ҫамрӑк* «молодой» (порядковые номера ЛСВ такие же, как в ЧРС 1982):

ватӓ	ҫамрӑк
1. старик, старуха, старец // старый, достигший старости, пожилой	1. молодой человек, юноша, <i>собр.</i> молодежь
2. старость // старческий	2. молодой, юный (по возрасту)
3. старый, давний, бывалый	3. молодой, свойственный молодости
4. старый, старинный, древний	4. молодой, новый

Словообразовательные структуры значений некоторых глагольных лексем, образованных от прилагательных, в ЧРС 1982 не содержат переносного значения, направленного на предмет:

ватӓл «стареть, стариться»: но языковая практика этим не должна ограничиваться, ибо стареть и стариться могут не только люди, но и растения: *сухан ватӓлса кайнӓ* «лук пожелтел», *юман ватӓлса хӓрса кайнӓ* «дуб состарился и высох»; *ҫамрӑклан* «молодеть, становиться молодым»; *ҫамрӑклат* «молодить, делать молодым, омолаживать»: *вӓл ҫамрӑклансах кайнӓ* «он совсем помолодел»; *сӓрана ҫамрӑклатмалла (сӓнетмелле)* «пиво нужно омолаживать» (т. е. нужно добавить дрожжей, сахара, воды).

Множественное число выделительной формы от слова *ватӓ*, субстантивируясь, означает не только «старые люди», но и «предки»: *ваттисене асӓнни* «помяновение предков», ср. *ваттисен сӓмахӓ* «поговорка» (букв. слово предков).

Вступающие с *ватӓ* и *ҫамрӑк* в синонимично-антонимичные отношения *кивӓ* «старый, ветхий», *сӓнӓ* «новый» имеют противоположно направленную тенденцию развития ЛСВ: признак предмета → признак человека: ср. *кивӓ пӓрт* «старая изба» и *кивӓ арӓм* «прежняя жена»; *сӓнӓ сурт* «новый дом» и *сӓнӓ арӓм* «молодая жена»; *сӓнӓ сын* «новый человек, новичок» (в коллективе) и *сӓнӓ сын* «новобрачная».

§ 7. Многозначные прилагательные с явно выраженным исходным оценочным значением

Следует сразу подчеркнуть, что все прилагательные содержат оценочные семы, но бывают среди них такие, которые содержат оценочное значение наяву. К числу таких мы относим антонимичные пары *лайӑх* «хороший» — *япӑх* «плохой»; *хитре* «красивый», *илемӑ* «красивый» — *илемсӑр* «некрасивый».

Человек взаимодействует с окружающим миром, он связан с окружающими его людьми и с находящимися рядом с ним предметами. Людей, которые его окружают, он может охарактеризовать или оценить по работе, совместной жизни, характеру, внешности. Он может выразить свои симпатии и антипатии не только к людям, но и предметам, явлениям, событиям.

Оценка — это выражение в словесной форме отношения человека к человеку, предмету, явлению, состоянию и к самому себе.

Отношение человека к другому человеку, предмету может быть самым разным, человек и предмет могут «оцениваться» с точки зрения его соответствия — несоответствия стандарту, или эстетическому идеалу, или этическим нормам, с точки зрения известности — неизвестности, нужности — не нужности, полезности — вредности, удобства — неудобства, важности — неважности, с точки зрения вызываемой им эмоции и т. д. Все это — разные основания оценки» [Шрамм, 1979, 39].

Один и тот же человек может оцениваться разными людьми по-разному. Например, один говорит: *вӑл лайӑх сын* «хороший человек», а другой характеризует его же как *сысна* «свинья». Во втором случае выражена пейоративная (негативная) оценка «плохой, непорядочный, невежественный человек», «негодяй».

Семема *лайӑх* «хороший» в современном чувашском выражает обобщенную положительную оценку со знаком + (плюс) и содержит положительные семы: 1) равный норме данной оценки; 2) больше нормы данной оценки; 3) меньше нормы данной оценки; 4) оценка конкретного качества; 5) обобщенная оценка; 6) субъективная оценка; 7) объективная оценка. Синонимами *лайӑх*, в зависимости от лексической сочетаемости, могут быть *аван* «хороший», «годный, пригодный»; *ырӑ* «хороший, добрый, приятный», «уважаемый, добропорядочный»; *савӑк* «радушный, добродушный»; *кӑмӑллӑ* «радушный, приятный» и т. д.

Семема *япӑх* «плохой» выражает обобщенную отрицательную оценку со знаком — (минус) и содержит следующие отрицательные семы: 1) ниже нормы данной оценки; 2) оценка

конкретного качества; 3) обобщенная негативная оценка; 4) субъективная оценка и т. д. Синонимами слова *ялӑх* являются: *начар* «плохой», «дурной», «слабый», «бедный»; *усал* «плохой», «злой, вредный» и т. д.

Семантическая структура этих лексем в ЧРС 1982 отражена в следующем виде:

лайӑх	ялӑх
1. добро, нечто хорошее // хороший, добрый, слав- ный	1. плохой, ветхий
2. хорошенько, как следует	2. запущенный, заброшен- ный
3. благополучный, исправ- ный	3. худой, тощий
4. удобный, подходящий	4. неряшливый, небрежный, неопрятный

В словаре Н. И. Ашмарина указаны еще следующие значения: приветливый, удачный, неповрежденный, здоровый (А VIII 4).

В прилагательных *лайӑх* «хороший» и *ялӑх* «плохой» направление развития определить трудно, ибо эти оценочные значения могут характеризовать и предмет, и человека. Поэтому тенденция развития может быть двунаправленной: предмет ↔ человек или человек ↔ предмет.

Выводы. Обзор многозначных прилагательных наводит на следующие обобщения: 1) прямое номинативное значение как исходное для эмпириальных прилагательных изменяется в направлении к рациональным ЛСВ, т. е. в большинстве случаев наблюдается движение смысла от признака предмета к признакам или оценке человека — антропостремительное направление развития семантики; 2) прямое номинативное значение рациональных прилагательных (т. е. при наличии исходных рациональных значений) имеет тенденцию изменения от собственно рациональной своей природы к сугубо оценочной, т. е. от признака человека к признакам предмета — антропобежное направление развития семантики; 3) собственно оценочные прилагательные содержат одновременно антропостремительное и антропобежное направления развития семантики, т. е. одно и то же определение одинаково присуще и предметам, и людям. Например, *хитре* «красивый», исходное значение «доставляющий эстетическое удовольствие, наслаждение», которое способно реализоваться в сочетаниях с названиями предметов, явлений, живых существ, т. е. с названием всего того, что своими внешними качествами соответствует нашему представлению об эстетическом идеале.

Таким образом, в семантике качественных прилагатель-

ных оказываются связанными семантический и прагматический планы выражения: а) приписывая предметам им свойства, человек демонстрирует свое небезразличие к этим свойствам; б) при помощи качественных прилагательных происходит различение и выделение самого человека как объекта описания и человека как субъекта описания.

Сравнительный анализ прилагательных и производных от них глагольных основ дает повод утверждать, что и в производных глаголах сохраняются переносные значения, соотносимые с переносными значениями исходных прилагательных, т. е. антропостремительный и антропобежный типы развития значений свойственны производным от прилагательных глаголам.

§ 8. Лингвистический закон: принцип семантической непрерывности

Термин «закон» — понятие философское, под ним подразумевается внутренняя существенная связь явлений, обуславливающая их необходимое, закономерное развитие. Закон выражает определенный порядок причинной, необходимой и устойчивой связи между явлениями или свойствами материальных объектов, повторяющиеся существенные отношения, при которых изменение одних явлений вызывает вполне определенное изменение других. Различают три основные группы законов: 1) специфические, или частные; 2) общие для больших групп явлений; 3) всеобщие, или универсальные.

В лингвистике (как и в любой другой науке) существует свой закон — закон лингвистический — некоторое общее правило, общая закономерность, закономерное свойство, характерное для данного языка, разных языков или даже свойственное языку вообще. Законы независимы от частных волей людей, они существуют объективно. «Можно не понимать, а потому и не признавать этой закономерности, но от того законы языка не перестанут быть законами. Можно не понимать их, можно и понять, — и разумение их необходимо должно озарять своим светом наблюдение подробностей языкознания», — писал И. И. Срезневский [Срезневский, 1959, 17]. Познавать закон — «это знать, к каким явлениям, каким образом и в каком объеме он относится, и на основе этого знания уметь предвидеть последствия определенного соотношения фактов и того, что произойдет вследствие изменений в этом отношении» [Дорошевский, 1973, 121—122].

В лингвистике различают законы: фонетический, фонологический, закон экономии сил, семантический. Под семантическим законом подразумевается общая закономерность се-

мантического изменения, выводимая из совпадающих по общему характеру изменений значения разных слов в одном и том же или разных языках.

Мнения о возможности выявления общих закономерностей в области семантики были весьма разнообразными. А. Мейе, Г. Шухардт выступали против установления каких-либо универсальных семантических закономерностей. Противоположной точки зрения придерживались А. А. Потебня и М. М. Покровский. М. М. Покровский прямо указал, что семасиологические явления не отличаются большим произволом, а наоборот, за ними скрываются какие-то законы.

Но эти «какие-то законы» в наши дни изучены гораздо меньше, чем закономерности фонетические и морфологические. Почему же семасиология не может встать прочно на ноги и выявлять семантические закономерности? Не потому ли, что этот раздел языкознания находится в ведении этимологии и лексикологии и ни один из них не ставит цели выявления семантических закономерностей? Лексикология изучает словарный состав языка, занимается классификацией слов. Хотя она и интересуется содержанием слов, но большей частью довольствуется фиксацией их словарных значений.

Этимология, как раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов, казалось бы, и должен заниматься поисками семантических закономерностей. Но, к сожалению, и в наши дни этимологи большей частью ведут поиски в области формальных (фонетических, морфологических и словообразовательных) изменений, отводя семантическим второстепенную роль. Видимо, прав был в свое время Ф. де Соссюр, считая, что «этимология не является ни отдельной дисциплиной, ни частью эволюционной лингвистики, это всего лишь применение принципов, относящихся к синхроническим и диахроническим фактам. Этимология проникает в прошлое слов и следует в этом направлении до тех пор, пока не находит материала для их объяснения» [Соссюр, 1977, 224]. Но, умозрительно выявляя прежние значения отдельных слов, их происхождение и более древнюю форму, этимология порою не дает никаких обоснований для обобщений.

Видимо, настало время говорить о научной этимологии, когда последняя, наконец, от фонетических пристрастий, от которых, по словам Уоллеса Л. Чейфа, так пострадала лингвистика [Чейф, 1975, 92], перейдет к делам более важным, — к семасиологическим. По справедливому замечанию В. Пизани, научная этимология будет наукой, «которая имеет своей основой ясное понимание исторического становления языков и исторических отношений между ними, вскрывает в их изменениях закономерности, а не случайную прихоть, и вы-

рабатывает ясные и точные понятия на базе возможностей образования слов в каждой лингвистической системе». Научная этимология должна полностью базироваться на научной семасиологии, ибо, по словам В. Пизани, «...объяснить изменения значения равносильно установлению этимологии слова...». Таким образом, «семантика..., родившаяся из тщетных поисков общего закона, который дал бы этимологии надежную основу, превратилась бы в действительную науку, которая интересуется тем, как и на базе чего произошел творческий акт присвоения вещам и явлениям нового названия». Первостепенной при этом, естественно, является смысловая сторона, а звуковая должна быть вторичной по отношению к содержательной. Таким образом, семасиологическая сторона должна иметь первостепенное значение «для этимолога, как и вообще для лингвиста, поскольку она рассматривает духовную часть слова, т. е. то, что придает значение и жизнь слову, в то время как внешняя, звуковая форма — это только чисто физическое явление... [Пизани, 1956, 33; 142; 145; 166].

Отдавая предпочтение содержанию, мы не должны забывать и о формальной стороне словесного знака, ибо слово есть единство звучания и значения, шире — единство формы и содержания. В марксистско-ленинском понимании форма — носитель того или иного содержания (значения), способ существования и функционирования его. Форма не отождествляется с содержанием, а составляет с ним единство, в котором содержанию принадлежит ведущая роль. Такое положение остается общим во всех случаях марксистского понимания этих понятий.

Казалось бы, сказанное должно быть важным и для лингвистики. Но, как ни парадоксально, до сих пор происходило как раз наоборот. Представители формально-грамматического направления изучали грамматические формы, игнорируя значение соответствующих грамматических явлений, что находится в полном противоречии с законом диалектического материализма, ибо форма рассматривалась как ведущее начало и даже единственно важное для лингвистики.

В таких условиях, естественно, фонетика представлялась исследователям точной наукой и все многообразие языка сводилось к чисто фонетическим изменениям. Это было в XIX веке. Опираясь сравнительно-историческим методом только в области фонетики и морфологии, языковедение в большей части занималось только родственными языками, будучи не в состоянии применить свой метод к другим языкам мира. Сравнительно-исторический метод хотя и не чурался семасиологии, но, тем не менее, не ставил целью осно-

вательное углубление и изучение семантических процессов. Поэтому для сравнения берутся даже в родственных языках лишь такие слова, которые имеют сходное значение и одинаковое (или почти одинаковое) звучание, тем самым игнорируется главное положение семасиологии, что слова могут быть многозначными, что значение слов сильно изменяется со временем и это изменение происходит закономерно. Таким образом, появляется возможность: 1) сравнить слова с разными значениями, если эти различные значения могли образоваться в результате определенных семантических сдвигов; 2) сравнить слова с разной звуковой оболочкой, при условии, если можно доказать, что изменение формы произошло в результате изменения в самом значении. Это положение учитывается сейчас в очень редких случаях. Пренебрежение этим положением привело к тому, что языкознание не в силах было обосновать принцип или закон семантической непрерывности. Установлением принципа семантической непрерывности, казалось бы, должна была заниматься этимология. Ведь не секрет, что именно этимология, как никакая другая наука, собирает (в крайнем случае, старается собирать) такую полноту информации о значении слова. Нужно признаться, что сбор фактического материала осуществляется, но анализ (научный) не проводится. Не проводится потому, что, замыкаясь в узком кругу фонетически сопоставимых слов, этимология не может делать обобщающие выводы. Примат «фонетических законов» довлеет над семантическими во всех современных этимологических словарях. Чтобы не быть голословным, приведем некоторые факты из этимологических словарей разных языков.

В словарной статье *ағач* «дерево» в работе Э. В. Севорьяна (ЭСТЯ I 71—73) усилие прежде всего направлено на раскрытие в этимологизируемой основе определенной словообразовательной модели с последующим анализом ее структурных элементов; фонетические изменения также не оставлены в стороне. Приведены разрозненные данные о значении этой лексемы в 6 различных рубриках, но принципу семантической непрерывности не уделено ни строчки.

В словарной статье на *о́жак* с широким кругом значений «всякое место, приспособленное для разведения огня», «очаг, печь, костер», «огонь, пламя, жар», «жилище» и т. д. принципу семантической непрерывности уделено 5 строк: «На этой основе формируются два других направления в развитии значения слова *о́жак*: 1) «объединение людей, которые постоянно пользуются данным очагом» и далее «родной дом», «очаг» → «сословие», «корпорация» и т. д.; 2) «выкопанная яма» (как при устройстве очага) → «рудник» и проч. или «яма для посадки дерева» → «лунка» и проч.»

Но тут же автор поспешил сделать лирическое отступление: «Предлагаемая схема семантического развития имеет своей целью наметить лишь направления эволюции, но не конкретные ступени развития значений слова *ошак*» (ЭСТЯ I 324).

Таким образом, словообразовательные и фонетические изыскания в словарной статье занимают первое место, и можно подумать, что они и определяют семантические филиации лексем. Согласно диалектике вещей, как раз должно быть наоборот, т. е. форма должна исходить из содержания, поэтому на первом месте должно быть семантическое объяснение развития значений.

Принцип семантической непрерывности обойден стороной и в словарных статьях *дерево* (ЭСРЯ, т. 1, вып. 5, с. 78), (ЭССЯ IV 211—212), хотя в упомянутых выше словарях данные лексем приведены в самых различных значениях в пределах родственных языков. Отдавая предпочтение изменению фонетического облика лексем, составители этимологических словарей предали забвению объяснение семантического развития лексем.

Между тем возможности принципа семантической непрерывности в деле этимологизирования слов огромны. На основе этого принципа можно восстановить не представленные сейчас в языке (в языках) значение (значения) и определить корневую морфему (архетип), а также семантический корень и указать направление дальнейшего и формального развития слова.

Например, исследователи отмечают, что в семантической структуре названия дерева между тюркскими и монгольскими языками существует параллелизм. В них название дерева обозначает: 1) дерево (растущее); 2) лес; 3) дерево как материал, древесина; 4) палка; 5) полено, дрова; 6) единицу измерения — аршин, метр, верста; 7) каркас, остов. Как пишет К. М. Мусаев, подобное единство в семантической структуре слова отражает общность этих языков [Мусаев, 1984, 138]. Справедливости ради скажем, что подобное единство проявляет и тунг.-маньч. *моо* «дерево». Но когда дело доходит до реконструируемой формы общеалтайского слова **моо(д)*, то исследователи непременно хотят предусмотреть разницу, мол, *моо(д)* противостоит тюркскому основному названию дерева — *ағач*. Между тем те же исследователи мало обратили внимания на семантическое (и даже формальное) тождество чув. *вутă* «дрова», «огонь» ≈ общетюрк. *одун, отун* и монг. *мод(он)*. Как и в монгольском, в тюркских языках слово *одун* имеет значение «дерево» (ср. в азербайджанском *о:дун* «сухое дерево» (ЭСТЯ I 421).

Видимо, в тюркских языках у слова *одун* произошла перегруппировка значений, забвение первоначального значения; актуальное значение («дерево») отошло на второй план, а переносное значение («дрова» → «огонь»), актуализировавшись, стало исходным.

Зная закон непрерывности семантического развития, можно восстановить не представленные в языке значения, определить возможность и направление дальнейшего семантического цикла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идет непрерывное качественное и количественное изменение — постоянное обновление и отмирание старого в лексической системе языка. Процесс этот происходит постепенно, эволюционным путем, является закономерным и большей частью стихийным. Изменение лексической семантики проявляется в семантической субъективации и объективации, в ходе которых наблюдаются семемаобразование и семапроизводство. Семемаобразованию способствуют процессы метафоризации, метонимизации, персонификации, символизации и антропоморфизации.

Антропоморфизация, персонификация, олицетворение порождают антропостремительный тип развития лексической семантики, который, как и антропобежное развитие, происходит на основе семантической таксономической модели. В лексике, также и в семантике существует таксономическая непрерывность. В структуре многозначного слова таксономические отношения распространены, как метафорические и метонимические, очень широко, но еще мало исследовались семасиологами. Лишь в последние годы начали привлекать их внимание родо-видовые, гипо-гиперонимические семантические процессы и отношения включения. Словари наши в этом отношении не совершенны. Словарные значения слов, связанные таксономическими отношениями, как и метафорометонимические, представлены непоследовательно. Такое положение в лексикографии обусловлено неразработанностью правил о структурно-семантических характеристиках языковых таксономических систем.

Традиционно семантическая структура полисемантов описывается посредством терминов метонимия, метафора, синекдоха, сужение и расширение значений. Указанные термины, хотя и оправдывают себя во многом, не в силах охватить все семантические процессы. Например, семантическая структура слов типа *арғын* «мужчина» → «муж», *anna* «старшая сест-

ра» → «тетя» не подводится под традиционную классификацию. Здесь сталкиваемся с примерами особо таксономических связей словозначений. Эти связи, как и метафора и метонимия, представлены не только в именах существительных, но и в именах прилагательных и глаголах. Например, *пысăк* «большой» → «высокий»; *пытар* «прятать» → «скрывать, таить» и «хоронить».

Антропостремительное и антропобежное тенденции развития лексических значений — явление широкораспространенное и отмечены давно. Больше всего повезло метафорическим процессам типа «животное → человек», «растение → человек». Менее исследованными в чувашском языкознании и в тюркологии в целом являются метонимические преобразования. Например, отнесение слова к разряду «населенный пункт» или «учреждение» обуславливает возможность применения слова в значении «жители» и «сотрудники». Например, *Ял сĕнелет* («Деревня (село) обновляется») и *Ял калашатъ* «Вся деревня говорит» (.-все односельчане говорят).

Двуязычные словари обычно фиксируют такое метонимическое значение лишь у слова *ял* «деревня, село», в то же время такие слова, как *хула* «город», *урам* «улица», *шкул* «школа», *сурт* «дом» и другие, подаются без метонимических значений.

Словари не фиксируют метонимический перенос значений заимствованных слов *майор*, *капитан*, *полковник*, *генерал*, где явно прослеживается смыслопереход «чин» → «человек в этом чине».

Семасиологические исследования основаны на лексикографических пособиях, т. е. основным источником фактических материалов для научных исследований по лексической семантике служат словари, однако семасиолог не должен ограничиваться словарными материалами, он должен постоянно выявлять и обновлять семантические структуры словарных статей, придерживаясь самого первостепенного правила: богатство языка измеряется не только количественным составом слов, входящих в лексикон того или иного естественно-го языка.

Помня знаменитые слова Л. В. Щербы о том, что «каждое мало-мальски сложное (в семантическом отношении. — В. С.) слово в сущности должно быть предметом научной монографии...», мы предприняли попытку детальной разработки значений слова *йывăç* «дерево» и убедились в справедливости сказанного В. И. Далем: «...то, что сделано из дерева, все называлось раньше деревом». То есть это значит: что было выражено этим словом, то было в жизни. Таким образом, хотим мы этого или нет, это слово, с его объемными и разносторонними словозначениями, отражающими реалии

прошлых веков, является памятником — свидетелем жизни целых поколений, пользовавшихся деревом и сделанными из него предметами в повседневной деятельности.

Все это говорит о том, что слово (любое) не только синхронная, но и историческая категория языка. Слово выполняет не только номинативную, но и коммуникативную функции. В языке и в процессе языковой коммутации слово проявляет свою многозначность. Изменение словозначений в пределах семантической структуры слова представляет собой направленное развитие. Филиация значений проявляется в парадигматическом и синтагматическом контекстах. Асимметрический дуализм языкового знака ярче проявляется в этих контекстах, а изолированный от контекстов языковой знак менее подвержен изменениям. Именно благодаря парадигматическому ряду слов и в силу всевозможных сочетаемостных свойств языкового знака можно говорить о диффузности значения, о способности языковой единицы быть понятой по-разному в одном и том же контексте.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОСОЧЕТАНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

Антропобежной тенденцией развития лексической семантики называется процесс переноса наименований, относящихся к личности, на явления, предметы природы (антропоморфизм).

Антрополингвистика — раздел лингвистики, изучающий язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью.

Антропономинатив — название лица (антропосемизм) без явно насаждающихся на его значение экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов (оттенков).

Антропосемантика — раздел семантики, изучающий собственные, производные и переносные антропосемемы.

Антропосемема — значение слова (основное, производное или переносное), содержащее в обязательном порядке сему «лицо».

Антропосемизм — любое нарицательное название лица (ср. **антропоним** — любое собственное имя, которое может иметь человек).

Антропостремительной тенденцией развития лексической семантики называется процесс образования метаантропосемемы, т. е. переносных значений слов для характеристики личности человека (антропоцентрическая тенденция метафоризации).

Антропоцентризм — воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания.

Антропоцикличность — ряд словозначений полисеманта, объединяемый общностью категориальной родовой семьи «лицо».

Антропоцикличное развитие семантической структуры слова — процесс образования ЛСВ, содержащих только антропосемемы.

Антропоэкспрессив (антропоэмотив) — слово или ЛСВ, актуализирующие наряду с номинативностью (денотацией) коннотаты: качественные и экспрессивные характеристики лица, выражающие эмоциональную оценку.

Деперсонализация — процесс образования переносных значений антропосемизмов по модели «человек → предмет», «человек → абстрактное имя».

Метаантропосемема — переносное значение слова с ядерной семьей «лицо».

Метасемия — изменение значения слова.

Объективация семантическая — процесс материализации, закрепления в звуковой оболочке лексической единицы предметного содержания или значения слова (предметизация семантическая).

Персонализация (семантическая) — процесс развития номинативно-производных значений (антропосемем), происходящий в семантической структуре антропосемизмов по модели «человек → человек».

Персонификация (семантическая) — процесс образования переносных значений слов в направлении от предметов живой или неживой природы к человеку (по модели «предмет → человек»).

Плюрализация (семантическая) — выражение понятия множественности формой единственного числа.

Популяция (семантическая) — процесс образования метаантропосемем с категориальной семьей «группа лиц».

Субъективация (семантическая) — процесс образования производных или переносных значений лексической единицы с общим категориальным значением «человек, лицо» (включая персонализацию и персонификацию).

Эврисемия — широкозначность (слова с широким значением).

Эксемия — расширение значения слова,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев И. А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках // Вопросы чувашской литературы и языка / УЗ ЧНИИ. Вып. 32. Чебоксары, 1966. С. 90—103.
- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. С. 250.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. С. 367.
- Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966. С. 189.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. С. 463.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 607.
- Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Изд. Киевск. ун-та, 1972. С. 209.
- Белюсова А. С. Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка: Имя. М.: Наука, 1989. С. 131—205.
- Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. С. 381.
- Бертельс А. Е. Лексикализация поэтических метафор... // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 340—348.
- Бодуэн де Куртене И. А. Фонетические законы // Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд. Акад. наук СССР, 1963.
- Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка. М.: Наука, 1977. С. 263.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. С. 614.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 312.
- Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361—370.
- Войшвилло Е. К. Некоторые вопросы теории значения с точки зрения логики и гносеологии // Проблема знака и значения. Изд. Моск. ун-та, 1969. С. 132—170.
- Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52—64.
- Гак В. Г. Метафора: Универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11—25.
- Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации / Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике // ВЯ 1985, № 2. С. 71—79.

Горшков А. Е. Вырăс чĕлхинчен тата ун урлă ытти чĕлхесенчен кенĕ сăмахсем // Хальхи чăваш чĕлхин лексикологийĕ. Шупашкар, 1978. С. 110—145.

Гудавичюс А. И. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации // Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984. С. *24—27.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Дегтярев Г. А. Лексика земледелия в чувашском языке: Метафорические образования // Исследования по лексике, грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1986. С. 25—33.

Дегтярев Г. А. Ономазиологическая структура чувашской земледельческой лексики // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 33—54.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. С. 285.

Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. С. 224.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 392.

Егоров Н. И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка / Труды ЧНИИ. Вып. 87. Чебоксары, 1979. С. 41—68.

Егоров Н. И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства: Отец (родитель) // Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1984. С. 3—46.

Звегинцев В. А. Семасиология. Изд. Моск. ун-та, 1957. С. 346.

Земская С. А. и др. Обратимость тропов // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983. С. 203—204.

Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Изд. Ленинград. ун-та, 1989. С. 263.

Ивлева Г. Г. Тенденция развития слова и словарного состава: На материале немецкого языка. М.: Наука, 1986. С. 136.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 355.

Караулов Ю. Н. Вторичные размышления об эксперименте в языкознании // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К столетию со дня рождения Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 135—140.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1966. С. 189.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II, М., 1965. С. 82—93.

Кибардина С. М. К истокам теории валентности в немецком языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 181—209.

Клименко А. П. К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов // Семантическая структура языка. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 63—77.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1974. С. 302.

Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 215—224.

Колшанский Г. В. О понятии контекстной семантики // Теория языка. Англистика. Кельтология. М.: Наука, 1976. С. 69—75.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. Моск. ун-та, 1969. С. 192.

Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978. С. 159—179.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л.: Наука, 1975. С. 163.

- Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 217—261.
- Кузнецов А. М. О полисемии английской глагольной лексики // Теория языка. Англистика. Кельтология. М.: Наука, 1976. С. 181—187.
- Левицкий В. В. О причинах семантических изменений: Классификация причин семантических изменений // Семантические процессы в системе языка. Изд. Воронеж. ун-та, 1984. С. 3—9.
- Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 381.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. / Труды по языкознанию. Изд. Моск. ун-та, 1982. С. 478.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. С. 230.
- Лясота Ю. Л. Метафоризация как один из основных законов развития словарного состава языка // УЗ Дальневосточн. гос. ун-та, Владивосток, 1957. С. 135—139.
- Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. С. 308.
- Маковский М. М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.: Наука, 1980. С. 210.
- Маслова В. А. К построению психологической коннотации. // ВЯ 1989, № 1. С. 108—120.
- Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. С. 202.
- Минаева Л. В. Слово в языке и речи. М.: Высшая школа, 1986. С. 147.
- Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык (Лексикология и лексикография). Виноградовские чтения. М.: Наука, 1981. С. 153—166.
- Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 131—135.
- Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. С. 227.
- Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. М.: Наука, 1977. С. 228.
- Некрасова Е. А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М.: Наука, 1975. С. 76—110.
- Никитин М. В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983. С. 127.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. С. 273.
- Першаева В. В. Опыт экспериментального определения значения зоосмизмов в русском языке // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 53—58.
- Петров Н. П. Изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 90—95.
- Пизани В. Этимология. М.: Изд-во иностр. лит. 1956. С. 187.
- Плотников Б. А. Основы семасиологии. Минск, 1984. С. 223.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С. 190.
- Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8—69.
- Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М.: Наука, 1985. С. 352.

- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. С. 399.
- Сальникова Н. Н.** О регулярной лексической полисемии // Слово и предложение, Горький, 1977. С. 73—80.
- Селиверстова О. Н.** Эксперимент в семантике // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 300—318.
- Сергеев В. И.** Чувашские этимологии в литературе на английском и немецком языках. Статья вторая // Исследовании по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981. С. 47—110.
- Скворцов М. И.** Старочувашская общественно-политическая лексика. Диссерт. на соискание канд. филол. наук. М., 1971 (рукопись). С. 346.
- Скляревская Г. Н.** Языковая метафора в словаре: Опыт системного описания // ВЯ 1987, № 2. С. 58—65.
- Скляревская Г. Н.** Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 63—67.
- Сосюр Ф.** Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 695.
- Срезневский И. И.** Мысли об истории русского языка. М., 1959.
- Станкевич Л. П.** Проблемы целостности личности: Гносеологический аспект. М.: Высшая школа, 1987. С. 133.
- Степанов Ю. С.** Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 270.
- Степанов Ю. С.** В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. С. 334.
- Степанова М. Д.** Методы синхронного анализа лексики. М.: Высшая школа, 1968. С. 200.
- Стернин И. А.** Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 179.
- Супрун А. Е.** Лекции по лингвистике. Изд. Белорусск. ун-та. 1980.
- Татаринцев Б. И.** Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. С. 198.
- Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука. 1986. С. 143.
- Телия В. Н.** Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988а. С. 26—51.
- Телия В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988б. С. 173—204.
- Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология. М.: Наука, 1969. С. 262.
- Торопцов И. С.** Лексическая мотивированность // Ученые записки (Орловский пединститут). 1964.
- Трофимов А. А.** Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки // Чувашское искусство / Труды ЧНИИ. Вып. 70. Чебоксары, 1976. С. 3—52.
- Ульманн С.** Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. М.: Прогресс. 1970. С. 250—299.
- Уфимцева А. А.** Лексическое значение. М.: Наука, 1986. С. 240.
- Уфимцева А. А.** Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 108—140.
- Феоктистова Н. В.** Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Изд. Ленинград. ун-та, 1984. С. 187.
- Филин Ф. П.** О лексико-семантических группах слов // Введение в языкознание. Минск, 1977.

- Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 336.
- Харченко В. К., Стернин И. А. К проблеме развития лексических значений слова // Семантические процессы в системе языка. Изд. Воронеж. ун-та, 1984. С. 9—18.
- Цинциус В. И. Алтайские термины родства и проблема их этимологии // Проблема общности алтайских языков. М.: Наука, 1971. С. 127—138.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. С. 432.
- Черданцева Т. З. О многозначности слова // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 129—133.
- Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тронов // ВЯ 1968, № 2.
- Чернов М. Ф. Современный чувашский язык: слово, фразеологизм и свободное сочетание слов. Чебоксары, 1988. С. 199.
- Шайхулов А. Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 35—41.
- Шайхулов А. Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона. Уфа, 1988. С. 88.
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. С. 327.
- Шафиков С. Г. Некоторые аспекты изучения тематических групп лексики // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. Барнаул, 1982. С. 90—101.
- Шаховский В. И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. Изд. Воронеж. ун-та, 1982. С. 29—34.
- Шведова Н. Ю. О значениях единиц разных уровней языка // Всесоюзная научная конференция по теоретическим проблемам языка / Тезисы докладов. М., 1974. С. 162—170.
- Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь // Русский язык. Волгоградские чтения. М.: Наука, 1981. С. 166—179.
- Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 7—15.
- Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 6—11.
- Шмелев Д. Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. 1972, № 1.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
- Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 3—44.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. С. 335.
- Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Изд. Ленинград. ун-та, 1979. С. 134.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 428.
- Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. С. 423.

СОКРАЩЕНИЯ

А 1 — XVII — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань; Чебоксары, 1928—1950.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968.

ЧРС 1982(1985) — Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982(1985).

ЭСТЯ I—IV — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I—IV. М.: Наука, 1974—1989.

ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Тенденции развития семантической структуры многозначных существительных с ядерной семей «лицо». Персонализация	10
<i>А. Антропологистика и антропосемантика</i>	—
<i>Б. Человек как предмет лингвистического (лексико-семантического) познания</i>	16
<i>В. Собственно-номинативные антропосемизмы (Антропономинативы)</i>	21
§ 1. Человек, характеризующийся по роду занятий и по его трудовой деятельности	—
§ 2. Полисемантизм терминов родства...	23
§ 3. Человек, характеризующийся по общности взглядов, интересов, деятельности и места пребывания	30
§ 4. Человек, характеризующийся по подчиненности	31
§ 5. Человек как носитель умственных способностей	32
<i>Г. Номинативно-экспрессивные (эмотивные) антропосемизмы (Антропоэкспрессивы и антропоэмотивы)</i>	33
§ 1. ЛСГ «человек ленивый»	37
§ 2. ЛСГ «человек тупой, глупый, недалекий»	40
§ 3. ЛСГ «человек болтливый, пустослов»	42
§ 4. ЛСГ «человек легкомысленный, несерьезный, хвастливый»	—
§ 5. ЛСГ «человек калека»	43
§ 6. ЛСГ «человек неаккуратный, неряшливый»	—
§ 7. ЛСГ «человек медлительный, нерасторопный»	—
§ 8. ЛСГ «человек непоседа, шатун, шалун»	—
§ 9. ЛСГ «человек развратный, распутный»	—
§ 10. ЛСГ «человек хитрый, лживый»	44
§ 11. ЛСГ «человек надоедливый, придирчивый»	—
§ 12. ЛСГ «человек жадный»	—
§ 13. ЛСГ «человек беспорядочный»	—
§ 14. ЛСГ «человек вспыльчивый, драчливый»	—
§ 15. ЛСГ «человек злой, жестокий, грубый»	—
§ 16. ЛСГ «человек ворчливый, брюзгливый»	—
§ 17. ЛСГ «человек ненасытный»	45
§ 18. ЛСГ «человек наглый»	—
§ 19. ЛСГ «человек гордый»	—
§ 20. ЛСГ «человек смешной»	—
§ 21. ЛСГ «человек избалованный»	—
Глава II. Тенденции развития семантической структуры существительных с общей семей «нелицо». Персонификация	47
<i>А. Метаантропосемема и метаантропосемия</i>	—
§ 1. Переносные значения слов и их роль для процесса диа- и синхронического формирования лексико-семантической системы языка	—
§ 2. Тропы, способствующие семапроизводству и семамаобразованию	49
§ 3. Метафора (Мтф) и метафоризация	51
§ 4. Метонимия (Мтн) и метонимизация	57
§ 5. Описание семантической структуры слова как члена определенной тематической группы	61
§ 6. Тематический класс слов «части тела» и семантическая структура вокабул этого ряда	63
§ 7. Тематическая группа «животные» и метафоры типа «животное → человек»	72

§ 8. Пейорация и коннотация. Диффузность лексических значений слов ТГ «животные»	73
§ 9. Тематическая группа «демонимы, мифонимы» и «теонимы»	82
§ 10. Древняя сословная титулатура...	84
Б. Семантическое поле «человек», или поле лица (антропонимическое поле), и лексико-семантическая категория лица в чувашском языке	89
Глава III. Процесс объективизации (предметизации). Семантический сдвиг «предмет → предмет»	99
§ 1. Сочетаемость, валентность и дистрибуция слова йывăç «дерево»	101
§ 2. Многозначность слова йывăç «дерево» (по данным словаря Н. И. Ашмарина)	114
§ 3. Определение смыслового объема слова «йывăç» в речи	123
Некоторые выводы, нуждающиеся в дальнейшей верификации	134
Глава IV. Тенденции развития семантической структуры многозначных прилагательных	140
§ 1. Семантические структуры многозначных прилагательных и пути их исследования	141
§ 2. Многозначные прилагательные с исходными значениями, отображающими цвет, т. е. цветонимы	—
§ 3. Сравнительный анализ прилагательных с исходными значениями, отображающими признаки на основе сравнения	145
§ 4. Сравнительный анализ семантической структуры прилагательных и производных от них глагольных лексем	147
§ 5. Многозначные прилагательные с исходными значениями, отображающими эмпиричные признаки, которые устанавливаются по отношению к «точке отсчета»	149
§ 6. Многозначные прилагательные с исходным рациональным значением	152
§ 7. Многозначные прилагательные с явно выраженным исходным оценочным значением	156
§ 8. Лингвистический закон: принцип семантической непрерывности	158
Заключение	164
Алфавитный список терминов и терминосочетаний, использованных в работе	166
Список литературы	168
Сокращения	173

Виталий Иванович Сергеев

**РАЗВИТИЕ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Редактор А. А. Николаева
Художественный редактор Г. А. Игнатьев
Технический редактор В. П. Окина
Корректор З. И. Гаврилова

Сдано в набор 25.02.91. Подписано к печати 17.07.91. Формат 60×90
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,12. Уч.-изд. л. 11,17. Тираж 1000 экз.
Заказа № 199. Изд. № 117. Цена 1 р. 30 к.

Чувашское книжное издательство. 428000, Чебоксары, пр. Ленинский, 15.
Типография университета.
428015, Чебоксары, Московский пр., 15.

1 р. 30 к.